

ISSN: 2687-0193

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD

№4, 2024 (30)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по экспертно-аналитической работе, руководитель Института актуальных международных проблем, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, эксперт Российской академии наук по политическим и международным проблемам

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и молодежной политике, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета

Комлева Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия: общество, политика, история», зам. главного редактора журнала «Россия и мир: научный диалог», директор центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Синиша Атлагич, доктор политологии, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Республика Сербия)

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук

Хасанова Асия Шамильевна, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Expert and Analytical Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Head of the Institute of Current International Issues, Honored Worker of Science of the Russian Federation

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, expert of the Russian Academy of Sciences on political and international problems.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education and Youth Policy, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Asiya Khasanova, Doctor of Economics, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Moscow)

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science)

Lidiya Grishaeva, Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Deputy Head of International and National Security Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sinisa Atlagich, Doctor of Political Science, Belgrade University, Professor

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Valentina Komleva, Doctor of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Russia: Society, Politics, History», Deputy Editor-in-Chief of the journal «Russia and the World: Scientific Dialogue»

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается с 2017 г. Советом молодых ученых Дипломатической академии МИД России при поддержке Совета молодых дипломатов Министерства иностранных дел Российской Федерации. Публикуется ежеквартально.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

- 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

С.А. Агуреев – редактор, к.ист.н.

И.В. Красневич – редактор, к.филол.н.

А.Н. Захаров – младший редактор

Н.И. Метлицкая – младший редактор

С.В. Гончаров – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

S.A. Agureev – Editor, Ph.D (Historical Science)

I.V. Krasnevich – Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.N. Zakharov – Junior Editor

N.I. Metlitskaya – Junior Editor

S.V. Goncharov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **ELN²FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

e-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ**

- Исмагилова Р.Н.* Эфиопия: этнополитическая ситуация 11
- Нафиков И.З.* Националистическое движение в Турции в условиях становления многопартийного парламента: Партия националистического движения от оппозиционной силы к правящей коалиции 59
- Гребенкина Е.В.* Ценности российского общества и государства как основа внешней политики в 2000–2016 гг. 77

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ**

- Звягина Д.А.* Проектное управление в международных отношениях: вопросы применимости 87
- Шангареев Р.Н.* Особенности конструирования и функционирования ситуационных центров в системе государственного управления 96

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Стригунова Н.Н.* Дипломатия БРИКС: вызовы и возможности в многополярном мире 109
- Волков А.П.* Институционализация БРИКС как фактор многополярного миропорядка 122
- Терских М.А., Богатырев В.А.* Значение девятого саммита Япония – Китай – Южная Корея для японо-китайских отношений 135
- Рахматуллин Ш.Д.* Российско-африканские отношения в области образования: новые пути развития 145
- Гаврилова В.А., Захарова А.В.* Гибридная война Запада против России: дорожная карта противодействия 156

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Оганесян Т.Д.* Эволютивное толкование в контексте правил толкования Венской конвенции о праве международных договоров 164
- Каракулян Э.А.* Предметно-методологические основания философии международного права 173
- Сидорова Н.О.* Этические и юридические последствия манипуляций с геномом человека 183

Трибуна молодых ученых

- Железняков П.А.* Безопасность через силу: успешная миграционная политика Объединенных Арабских Эмиратов 198
- Суховерхова А.И.* Косовский вопрос в контексте стратегических интересов ФРГ (1991–1999 гг.) 206

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 21

CONTENT

**HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY**

- Roza N. Ismagilova* Ethiopia: ethnopolitical situation 11
- Ilsur Z. Nafikov* Nationalist movement in Turkey in the conditions of the formation of a multiparty parliament: the nationalist movement party from an opposition force to the ruling coalition 59
- Elena V. Grebenkina* Values of Russian society and state as the basics of Russian foreign policy in 2000-2016 77

**PUBLIC ADMINISTRATION
AND SECTORAL POLICIES**

- Daria A. Zvyagina* Project management in international relations: applicability issues 87
- Ruslan N. Shangaraev* Features of the design and functioning of situational centers in the system of public administration 96

INTERNATIONAL RELATIONS

- Natalia N. Strigunova* BRICS diplomacy: challenges and opportunities in a multipolar world 109
- Artem P. Volkov* Institutionalization of BRICS as a Factor in the Multipolar World Order 122
- Mikhail A. Terskikh, Vladimir A. Bogatyrev* Meaning of the ninth Japan–China–South Korea summit for Japan-China relations 135
- Shamil D. Rakhmatullin* Russian-African relations in the field of education: new ways of development 145
- Vera A. Gavrilova, Alyona V. Zakharova* The West’s hybrid war against Russia: a roadmap for counteraction 156

INTERNATIONAL LAW

- Tigran D. Ogenesian* Evolutive interpretation in the context of the rules of interpretation of the Vienna convention on the law of treaties 164
- Emil A. Karakulyan* Subject and methodological foundations of the philosophy of international law 173
- Natalia O. Sidorova* Ethical and legal consequences of manipulation with the humane genome 183

YOUNG SCIENTISTS’ TRIBUNE

- Petr A. Zheleznyakov* Safety through force: successful case of migration policy of United Arab Emirates 198
- Anastasia I. Sukhoverkhova* The Kosovo issue in the context of the strategic interests of Germany (1991–1999) 206

- NOTICE TO THE AUTHORS** 217

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Исмагилова Роза Нургалиевна,

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Центра изучения стран
Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН,
e-mail: rozaismagilova@gmail.com

Roza N. Ismagilova,

Dr. Sc. (Social Anthropology), Professor, Honored Scientist of the Russian
Federation, Principal Center for Studies of the Northern Africa and the Horn of
Africa Institute for African Studies Russian Academy of Sciences,
e-mail: rozaismagilova@gmail.com

ЭФИОПИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ETHIOPIA: ETHNOPOLITICAL SITUATION

Аннотация: статья посвящена детальному и многоплановому анализу этнополитической ситуации в Эфиопии, системы этнического федерализма. Эфиопия – единственная страна, где этничность официально признана политической идеологией. В результате произошла политизация этничности и этнизация политики, что в конечном итоге привело к радикальному этнонационализму. После введения в 1991 году системы этнического федерализма в течение 27 лет правящей этнической группой были тиграи под руководством «Народного фронта освобождения тиграи». В результате протестных движений 2015–2018 годов господство тиграи было свергнуто и власть перешла к оромо. Характеризуя этнополитическую обстановку, стоит подчеркнуть, что в Эфиопии в настоящее время наблюдается глубокий политический кризис. Шесть лет идут вооруженные схватки с боевиками «Армии освобождения оромо» в штате Оромия. С августа 2023 года идет война федеральных властей против амхара в штате Амхара. До сих пор чувствуются последствия двухлетней войны 2020–2022 годов в штате Тиграи. Все больше нарастает недовольство населения засильем оромо.

Ключевые слова: Эфиопия, Абий Ахмед, этнополитическая ситуация, этнический федерализм, штаты, амхара, оромо, тиграи, этничность, этническое сознание, этническая идентичность, этнонационализм.

Abstract: the paper provides a thorough analysis of the ethno-political situation in Ethiopia, its system of ethnic federalism. Ethiopia is the only country where ethnicity is an officially recognized political ideology. As a result, there take place the politicization of ethnicity, the ethnicization of politics, and radical ethnonationalism. In 1991, Ethiopia adopted the system of ethnic federalism. The ethnic origin has become the most important phenomenon. All ethnic groups are divided into “nations”, “nationalities” and “peoples. There are titular and non-titular nationalities. For 27 years the power was monopolized by Tigray. After protest’s

movements of 2015–2018 they have lost power and nowadays it belongs to Oromo. Characterizing the ethnopolitical situation, the author stresses that a deep political crisis is taking place in present-day Ethiopia. For six years a war is taking place in Oromia and for two years in Amhara region. Everywhere is growing dissatisfaction with the current situation.

Key words: Ethiopia, Abyu Ahmed, ethnopolitical situation, ethnic federalism, ethnicity, ethnic consciousness, ethnic identity, citizen's identity, states, Amhara, Oromo, Tigray.

Этнический состав и этнические процессы

Эфиопия – страна древней и богатой культуры, один из древнейших ареалов становления человека.

Этногенетическая история Эфиопии крайне сложна, что сказалось и на современном этническом составе. Коренное население говорило на кушитских и отчасти нилотских языках. В первом тысячелетии до н.э. в северную, а позднее и в центральную Эфиопию из Южной Аравии переселились семитоязычные племена. По мнению ученых, именно они принесли с собой семитские языки [30, pp. 28, 32]. Они оказали столь мощное воздействие на этнокультурные процессы, что большинство населения современной Эфиопии говорит на языках семитской группы: амхара, тиграй, арабы, харари, аргобба и др. На кушитских языках говорят оромо, сидама, афар, сомали, кафа (кэффа, кефичо) бенч, агау, беджа и др. Древний язык геэз до сих пор используется в церковной практике. В западной части, вдоль границы с Суданом, и в горно-лесных районах юго-запада живут народы шари-нильской группы (нуэр, берта, кунама, анья (ануак), мурле), а также группы кома. Вдоль долины Веби-Шебели разбросаны селения немногочисленной этнической группы гоша, говорящей на языках нило-сахарской семьи.

Этничность – долгоиграющий фактор развития

В полиэтнических государствах проблемы межэтнических взаимодействий всегда будут одними из наиболее трудных. Причина этого вовсе не в существовании изначального антагонизма между разными этническими общностями, как это иногда объясняют, а в наличии социально-экономических и политических факторов: борьба за ресурсы, неадекватное

государственное устройство, плохое управление, намеренная мобилизация этничности в политических, конфликтных целях.

Этничность в Эфиопии проявляется в различных сферах: в деятельности партий, функционировании правящих органов власти, в армии, в общественной и экономической жизни, области культуры и др. Ныне действующие политические партии и организации выражают интересы той или другой этнической общности.

Для большинства эфиопов их этническая принадлежность значит больше, чем общеэфиопская идентичность. На вопрос: «Кто вы по этнической принадлежности?» ответ будет: «Я – амхара», «Я – гураге» и т.д. Эфиопия ни в коей мере не является исключением: в Нигерии на этот вопрос вам ответят: «Я – йоруба», «Я – игбо» и т. д.; в ЮАР: «Я – коса», «Я – зулу». В штате Амхара на этнотерритории этнической общности амхара существует регионализация: Гондар, Уолло, Годжам и др. Поэтому амхара нередко называют себя по региону – гондарцы, годжамцы и др. Исследователи обратили внимание на возрождение среди амхара термина «хабеша». Так в прошлом именовали амхара.

Опыт Эфиопии с ее мультикультурализмом, который, можно с уверенностью сказать, сохранится и в будущем, очень важен для многих государств со сложным этническим составом.

Этнополитическая ситуация в Эфиопии как в прошлом, так и ныне является довольно сложной.

На межэтнические отношения также воздействуют этнические стереотипы, такие социальные структуры и институты, как профессиональные касты, домашнее рабство, иерархия кланов, которые продолжают существовать в Эфиопии, как и во многих странах Африки. До сих пор физический труд и ремесло (кузнечество, ткачество, крашение, обработка дерева и др.) считаются у некоторых народов унижительным занятием.

До сегодняшнего дня в стране существует этническая стратификация. Самое высокое положение в обществе всегда занимали амхара. Ниже них на

иерархической лестнице располагались неамхарские народы: тиграй, оромо, гураге и другие. Еще ниже – омотские и нилотские народы. [38]. На самой нижней ступени находились шанкелла, барейя, агау. Именно эти народы стали рабами начиная с XV века, и названия «шанкелла», «барейя» стали синонимом слова «раб». Эти группы населения традиционно рассматривались как парии. С 199 по 2018 год первое место перешло к тиграй. Ныне самой привилегированной этнической общностью являются оромо.

Этничность, этнические чувства используются политиками в различных целях. Социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к властным структурам, правовая и культурная дискриминация, сохраняющаяся этническая иерархия и негативные этнические предубеждения и стереотипы – причины возникновения напряженности и вместе с тем необходимые условия для этнической мобилизации.

Этносоциальные процессы в Эфиопии

Численность населения в 2024 году, по данным ООН, составила более 132 млн чел.¹ В переписи учтены 85 коренных народов. Американский эфиопист Д. Левайн насчитывает 135 этнических общностей [30, с. 127–197]. Из них наиболее многочисленные (в тыс. чел., 2024 г.): оромо – 44 152, амхара – 32 149, сомали – 24 153, тиграй – 9 157, сидама – 4 961². Тринадцать народов, насчитывающих более 1 млн человек, составляют почти 65 %.

Христиане составляют 58,4 %, мусульмане – 32,6 %, приверженцы традиционных религий – 8,7 %.

В отечественной науке различаются ассимиляция (естественная и насильственная), консолидация и интеграция.

«Под этнической консолидацией понимается складывание более крупных этнических общностей на более или менее компактной и единой этнической основе» или еще большее цементирование уже существующей.

1 URL: [https://www. Worldometers.info](https://www.Worldometers.info) (дата обращения: 12.04.2024)

2 URL: <https://joshua project.net/countries/Et> (дата обращения: 12.04.2024)

«Под этнической интеграцией понимается сложение крупной этнической общности на базе различных этнических компонентов, отличающихся друг от друга уровнем социально-экономического, языкового и культурного развития при преобладающей роли в этом процессе государственно-политических институтов» [1, с. 175].

Наблюдения, сделанный автором в Эфиопии (как и в более чем двадцати других африканских странах), свидетельствуют о том, что интеграционные этнокультурные процессы проходили значительно более интенсивно 25–30 лет тому назад. Ныне в связи с усилением этничности и национализма почти везде наблюдается возросший интерес народов к собственным культурным ценностям и замедление интеграционных процессов. Более того, в ряде случаев имеют место дезинтеграционные процессы. В настоящее время на первый план выходят консолидационные процессы на этническом уровне и укрепление этнической общности.

Этому способствует небывалый рост этнического самосознания и стремление сохранить и развивать собственные этнокультурные ценности. Он объясняется не только противопоставлением процессам глобализации, как в других африканских странах, но и введением системы этнического федерализма, основным идеологическим принципом которого является этничность.

Что касается интеграционных процессов в смысле создания единой этносоциальной общности (эфиопской гражданской нации) из многочисленных этнических компонентов, то говорить об этом, учитывая очень сложную этнополитическую ситуацию, в обозримом будущем едва ли можно.

Следует отметить, что в прошлом, в период имперского режима Хайле Селассие I, интеграционные процессы активно развивались благодаря политике амхаризации. Представители некоторых народов (в основном элита), в том числе и таких многочисленных, как оромо, добровольно ассимилировались и называли себя амхара.

Поэтому при всех недостатках политики амхаризации, связанной с недооценкой, а в ряде случаев с дискриминацией языков и культур других этнических общностей, в ней были и положительные моменты.

В нынешних условиях интеграционные процессы в смысле создания единой этносоциальной общности (эфиопской гражданской нации) из многочисленных этнических компонентов значительно замедлились в следствие всплеска этничности во всех сферах жизни, когда этничность стала политической идеологией и произошла ее этатизация. Более того, усиление этнонационализма в последние шесть лет еще больше затрудняет ее создание.

Это беспокоит многих эфиопских ученых, политических и общественных деятелей. Поэтому в последнее время появляется все больше статей с призывом возродить и воспитать у молодого поколения, выросшего после 1991 года, гражданское этническое самосознание, чувство принадлежности к единому государству.

Концепция “Ethiopiawinnet” которую пропагандируют в основном представители оппозиции, становится все более популярной как в самой Эфиопии, так и среди интеллигенции диаспоры. Благодаря многовековым этнокультурным и этносоциальным процессам существует большое число межэтнических браков, и как следствие этого до 75 % людей имеют смешанное этническое происхождение. До 90 % не могут или не хотят определить свою этническую идентичность и упорно называют себя «эфиопами». С введением системы этнического федерализма, когда необходимо было определить этническую принадлежность, власти приняли решение определять ее по отцу.

«Мы не только согласны с тем, что Эфиопия является полиэтничным государством, – пишет эфиопский исследователь Тешоме Бораго, – но идем дальше, утверждая, что эфиопы сами полиэтничны (иными словами, что большинство нынешних эфиопов генетически и этнически смешаны). Благодаря многочисленным миграциям, завоеваниям, ассимиляционным процессам, смешениям и межэтническим бракам сегодня почти невозможно

найти "чистого" Госа (Gosa означает "национальность", "племя", "клан" – *Р.И.*). Поэтому мы считаем, что большинство эфиопов имеют полиэтничных предков» [33].

Свою позицию Тешоме Бораго разъясняет подробнее в другой статье. На миллионы неамхара нынешние власти наклеили ярлык «амхара» только потому, что они говорят по-амхарски. Это относится к городскому населению и ассимилированным меньшинствам агау, кемант и др. То же относится к оромо, которые ассимилировали ряд южных народов: сидама, дамот и др. В то же время карайю, гуджи и другие приняли язык оромо, чтобы называться «оромо». Эфиоп – идентичность, принятая миллионами людей смешанной этнической принадлежности, а также теми, кто отвергает племенную идентификацию нынешних властей. «Веками мы называли себя прежде всего "эфиопами". Но это вовсе не значит, что мы отвергаем свое языковое разнообразие» [34]. «У меня, продолжает автор, предками были уолайта и оромо, но я – эфиоп раз и навсегда. Наши предки говорили на разных языках, но чувство принадлежности к единому государству изменило нашу идентичность и сделало нас единым народом – с эфиопской идентичностью... Поэтому мы должны признать, что одной из самых больших этнических групп в стране являются этнические эфиопы – идентичность, которая вобрала в себя все другие идентичности и является продуктом исторического развития» [34].

В сентябре 2013 года в Чикаго была принята хартия “Ethiopiawinnet”. В ней говорилось, что «данное понятие означает верховенство панэфиопской идентичности над этничностью или любой другой узкой идентичностью». “Ethiopiawinnet” помогает укрепить отношения между оппозиционными партиями и организациями. В документе говорилось: «Мы, граждане Эфиопии, объединены историей и общими ценностями, гордые в стремлении защитить свою культуру, свободу и территориальную целостность, считаем себя единым народом, независимо от этнической принадлежности, языка или религии» [36].

В сентябре 2015 года оппозицией было создано Движение сторонников общеэфиопской идентичности (G.E.M.), объединяющее лиц смешанного этнического происхождения (несколько миллионов человек). Они считают себя только эфиопами. Это в основном жители городских центров. Отделения созданы в разных городах Эфиопии и за рубежом. Задача движения – широкая пропаганда концепции “Ethiopiawinnet” – принадлежности к единому государству (e-mail-интервью автора с активистами движения 27 июня 2017 года). К сожалению, информацию о деятельности этой организации ныне не удалось найти.

Система этнического федерализма

В 1991 году после разгрома марксистского режима Дерга к власти пришел «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (ИПРДФ; Ethiopian People’s Revolutionary Democratic Front, EPRDF) во главе с Мелесом Зенауи. В 1994 году была принята конституция, в соответствии с которой в стране была введена федерация. Страна была разделена на девять штатов по этническому принципу: Оромия, Амхара, Тиграй, Афар, Сомали, Гамбелла, Бенишангул-Гумуз, Харари и Штат южных эфиопских наций, национальностей и народов (для краткости его называют Штат южных народов). Два города, Аддис-Абеба и Дире Дауа, получили статус федеральных.

В 2019 году в результате референдума 20 ноября и успешной борьбы сидама был создан 10-й штат – штат Сидама (официальная инаугурация состоялась 20 февраля 2021 года). 30 сентября 2021 года появился 11-й штат – Юго-Западный штат, в 2022 году – 12-й – Южный штат. Все они были выделены из Штата южных народов.

Несправедливое распределение федерального бюджета и политика эксклюзивности создают напряженность, что приводит к конфликтам, насилию и бесчисленным жертвам. Налицо явное неравенство штатов, которое может еще больше увеличиться [27].

В соответствии с Конституцией, все народы делятся на нации, национальности и народы. Нации имеют право на свой штат, национальности – на зоны, а народы – на воредеы или специальные воредеы. В каждой административной единице различаются титульные и нетитульные народы. Первые пользуются всей полнотой власти, вторые считаются этническими меньшинствами и лишены этих прав. Даже такие многомиллионные этносы, как оромо и амхара, вне своих штатов считаются этническими меньшинствами. Следует подчеркнуть, что в Конституции штата Сидама такое деление отсутствует, как и разделение на нации, национальности и народы. К сожалению, с конституциями двух последних штатов не было возможности познакомиться, но представляется, что в них также отсутствует такое разделение.

Кроме того, в каждой административной единице, даже в воредах, население подразделяется на титульные и нетитульные национальности. Последние считаются гражданами второго сорта и не везде участвуют в принятии политических решений.

Такая дискриминация, естественно, вызывает большое недовольство и служит одной из причин сложной этнополитической ситуации и межэтнических конфликтов.

Политической идеологией является не просто этничность, а этнонационализм. Со временем он приобретает всё новые формы и ныне стал агрессивным этнонационализмом оромо. Его крайнее проявление – концепция Оромомумма (Oromomumma). В результате в стране произошла политизация этничности и этнизация политики.

Всё подчинено этому принципу, начиная с административного устройства и кончая кадровыми назначениями.

В стране, по данным национального избиркома, насчитывается более 100 этнических партий. Любые конфликты приобретают этническую окраску.

Введение системы этнического федерализма по разным причинам обострило противоречия между этническими общностями. Конфликты

происходят как на региональном уровне – в штатах, так и на местах – в зонах, воредах и кебеле.

Далеко не всегда можно говорить о сугубо этнических конфликтах. То, что происходит, это этносоциальные, этноконфессиональные, социокультурные, политические, экономические, территориальные споры и конфликты между группами людей, различающимися по цвету кожи, расовой принадлежности, религии, языку, этнической идентичности. Но эти индикаторы могут намеренно использоваться в целях достижения власти или по другим причинам. В таком случае они являются мощными мобилизующими символами, и тогда этничность становится определяющим фактором при анализе природы и динамики конфликтов.

И зачастую ярлык «этничность» служит своего рода зонтом для прикрытия многообразия типов конфликтов.

С 1991 года межэтнические конфликты происходили по всей Эфиопии: между оромо и сомали, оромо и харари, гарре и борана, сомали и афар, амхара и оромо, афар и исса, оромо и гумуз, гуджи и гедео, анья и нуэр, сидама и гуджи, керейю и афар и т.д. Происходили и внутриэтнические конфликты между отдельными кланами и большесемейными группами.

Одним из ключевых факторов возникновения конфликтов является политизация этничности, иными словами, когда она становится основой для политического соперничества, превращаясь в инструмент мобилизации различий, манипуляций этими различиями в интересах тех или иных групп, наконец, когда этнические проблемы игнорируются государственными органами.

Возросшая роль этничности и, соответственно, собственная этнотерритория означают для этнической группы (а в действительности для элиты) возможность требовать признания права на самоопределение, а значит – собственную административную единицу и всё, что из этого вытекает: политическую власть, ресурсы и др.

Общепринятое в литературе объяснение межэтнических конфликтов

обычно сводится к борьбе за природные ресурсы. Это действительно так, но в Эфиопии после 1991 года есть особенности. Конфликты приобрели многоликий характер и, хотя они связаны с ресурсами, происходят между этническими группами, вызываясь либо неравным распределением экономической и политической власти, либо требованиями или стремлениями к достижению политических и экономических благ. В основе части из них лежат вовсе не межэтнические противоречия, соперничество, противостояние. Но выглядят они как межэтнические столкновения, хотя во многих случаях они действительно выражаются в форме кровопролитных столкновений между этническими общностями.

Прежнее понятие «борьба за ресурсы» приобрело новый смысл: это борьба не только за естественные, но в первую очередь за политические (властные) ресурсы. Современные споры (и конфликты) происходят не только и не столько из-за пастбищ и водопоев, сколько за посты в разных органах власти, как федеральных, так и региональных, за распределение бюджетных ассигнований, наконец, за создание новых административных единиц на узкоэтнической основе.

К числу факторов, способствующих возникновению конфликтогенных ситуаций, относятся также нарастающее неравенство в социально-политической системе, унижение, оскорбление и нарушение прав меньшинств.

Отличительной особенностью введения этнического федерализма является массовый выход на политическую арену прежде угнетенных этнических меньшинств. Это выразилось прежде всего в создании во всех штатах большого числа партий и организаций на этнической основе. Основная их цель – борьба за достижение в соответствии с Конституцией подлинного равноправия. Существовавшая и раньше проблема отношений между меньшинством и большинством в новых условиях приобрела новые черты: стремление некоторых меньшинств добиться собственной идентичности и получить собственную административную единицу и другое.

Нынешние конфликты, по мнению автора, можно разделить на две группы: вертикальные и горизонтальные.

Вертикальные конфликты происходят между этническими общностями и государством в лице властей. Они касаются прежде всего создания новых административных единиц, границ между штатами и внутри них (между зонами и воредрами), представительства в органах власти, возможного выхода из состава Эфиопии (оромо и сомали Огадена).

Горизонтальные конфликты происходят между этническими общностями, как в одном и том же штате, так и между ними, между штатами и их административными единицами (зонами, воредрами, кебеле). В первую очередь это конфликты между скотоводческими народами, поскольку вновь созданные границы между штатами и внутри них нарушили традиционный образ жизни, связанный с сезонными перекочевками. Это относится к афар и сомали-исса, сомали и оромо, некоторым субэтносам оромо в южной части страны. Эти народы не заинтересованы в фиксированных границах, будь это штат, зона или вореда. Но этническая регионализация существует.

В последние пять лет усилились центробежные тенденции. Особенно напряженная обстановка сложилась в Штате южных эфиопских народов – самом этнически сложном регионе. По официальным данным, до выделения из него трех новых штатов в нем насчитывалось 56 только титульных национальностей, не считая огромного количества нетитульных. Как говорилось выше, некоторые этнические общности добились собственных штатов, и сейчас прежний штат разделен на четыре. Собственных штатов требуют еще несколько этнических общностей (гураге, волайта и др.).

Этнополитическая ситуация в Эфиопии после введения этнического федерализма. Господство Тиграй

Тиграй были доминирующей силой в эфиопской политике. Радикальный этнонационализм тиграй стал политической идеологией. В стране был

установлен автократический режим, возглавляемый «Народным фронтом освобождения тиграй» (Tigray People's Liberation Front, TPLF)³.

Члены других партий не имели власти, как и политическая элита других этнических общностей.

Поскольку этнонационализм тиграй в силе и сегодня, стоит остановиться на этом подробнее.

Об идеологии ТПЛФ и его целях красноречиво свидетельствует опубликованный им в феврале 1976 года Манифест «Народного фронта освобождения тиграй». В нем конечной целью провозглашалось отделение от Эфиопии и создание Республики Большой Тиграй. В число тиграй Манифест включал кунама, сахо, афар, талгал, агау и волкаит. Районы, населенные этими народами, должны были составить ядро Великого Тиграя. Это была первая стадия. На второй стадии предусматривалось значительно расширить территорию и в конечном счете включить часть Эритреи с портом Ассаб и объявить о выходе из состава Эфиопии [13].

При создании федерации в 1991 году первая часть этого плана была выполнена. Более того, в штат Тиграй были включены амхароязычные народы райя, волкаит и другие, живущие в северных районах штата.

Основным врагом в Манифесте были объявлены амхара. Они якобы отняли свободу у народа тиграй, ввергли его в пучину невежества, болезней и голода. Манифест утверждает, что «задача амхара ослабить и уничтожить традиции тиграй и язык» [16]. «Не будет преувеличением сказать, – пишет эфиопский политический деятель Алемайеху Мариам, что Манифест «Народного фронта освобождения тиграй» – организационный и идеологический эквивалент Майн кампф» [8].

Начиная с 1991 года господствующее положение в политике, экономике, вооруженных силах и спецслужбах занимали тиграй, хотя они составляют всего 6 % населения страны. Как говорилось выше, руководящей силой был

³ Правильное название ТПЛФ – «Фронт освобождения народа тиграй». К сожалению, в последнее время в СМИ появилось абсурдное наименование этой партии – не народа тиграй, а штата: «Народный фронт Тыгряя».

«Фронт освобождения тиграй» (ТПЛФ) – составная часть коалиции «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (ИПРДФ).

ТПЛФ использовал существующую в стране систему с целью создания для себя господствующего положения во всех сферах жизни. Лидеры Фронта заняли ключевые посты в армии и спецслужбах. Это позволило им получить контроль над экономикой и природными ресурсами, а также возможность распоряжаться иностранной помощью и кредитами. По данным эфиопского ученого Касахуна Мэллесе, ТПЛФ контролировал все отрасли эфиопской экономики через компании, входившие в корпорацию под названием «Фонд целевого капитала для восстановления штата Тиграй» (Endowment Fund for Relief of Tigray, EFFORT) [28]. Это была крупнейшая частная компания, владельцами которой была политическая элита ТПЛФ. По данным экспертов, 70 % экономики страны находилось в ее руках. Ее возглавляла Азед Мэсфин, вдова Мелеса Зенауи.

Правящая партия ТПЛФ прямо или косвенно контролировала бизнес в стране. Ключевую роль в эфиопской экономике тех лет играли «партийные компании» – финансовые, промышленные, транспортные, энергетические, строительные, аграрные, тесно связанные с Фронтом и принадлежавшие тиграй. В большинстве случаев они были зарегистрированы в столице штата Мэкэле.

ТПЛФ овладел земельными ресурсами благодаря тому, что по Конституции земля считалась государственной собственностью. Как пишет Кассахун Мэллесе, правительственные чиновники передали огромные массивы земель в долгосрочную аренду зарубежным и отечественным инвесторам, заработав на этом миллиарды долларов. Он приводит данные Human Right Watch, по которым к январю 2011 года эфиопское правительство передало в аренду иностранным инвесторам 3,6 млн га – территорию, равную по площади Нидерландам. Элита Фронта владела 70 % земель в штате Гамбелла. Ей же принадлежали огромные земельные площади в штате Бенишангул-Гумуз.

Власти страны, руководимые ТПДФ, начали планомерно развивать экономику штата Тиграй. В штат поступала львиная доля федеральных бюджетных средств: строились промышленные предприятия, дороги, аэропорты, медицинские и образовательные учреждения.

Господство политической элиты тиграй продолжалось 27 лет.

Начавшийся в стране политический кризис после смерти премьер-министра Мелеса Зенауи в 2012 году, автократический режим привели к возникновению в ноябре 2015 года протестных движений, продолжавшихся несколько лет. Протестующие выступали против коррупции, плохого управления, земельных грабежей и, главное, засилья тиграй и ТПДФ.

Начавшиеся как мирные демонстрации оромо против отчуждения их земель в пользу муниципалитета Аддис-Абебы (столица находится в штате Оромия), они превратились в мощные антиправительственные выступления. К январю 2017 года, по официальным данным, более 20 тыс. участников были арестованы и заключены в тюрьмы. По данным Эфиопской комиссии по правам человека, более 600 человек было убито. Дважды в стране вводилось чрезвычайное положение: с октября 2016 по август 2017 года и 16 февраля 2018 года на полгода – на следующий день после ухода в отставку премьер-министра Хайлемариам Десаленя. Чтобы как-то смягчить напряженность, правительство 17 января 2018 года освободило видного политического деятеля оромо, профессора Мереру Гудина. Были также освобождены около 6 000 заключенных.

После отмены режима чрезвычайного положения в августе 2017 года протестные движения возобновились, особенно в штате Оромия. Стали весьма популярны новые формы протеста – сидячие забастовки. Закрывались предприятия быта, магазины, гостиницы. Люди по несколько дней не покидали свои дома. По данным экспертов, во многих регионах, даже в прежде спокойных западных и юго-западных штатах, создавались подпольные вооруженные формирования. Местное население обучалось методам ведения партизанской войны. Осенью 2017 года произошли массовые столкновения в

пограничных районах штатов Оромия и Сомали. Тысячи оромо были насильно выселены из штата Сомали. Было немало жертв. Значительно активизировалась молодежь кеерроо. Именно она была организатором забастовок в 2018 году.

15 февраля 2018 года премьер-министр Хайлемариам Десалень подал в отставку, мотивируя это желанием облегчить осуществление реформ.

27 марта исполком правящей партии «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (ИПРДФ), состоящий из 180 членов, избрал председателем д-ра Абия Ахмеда. Выборы проходили в сложной обстановке: фактически правящая партия страны – «Народный фронт освобождения тиграй» – делал всё, чтобы сохранить лидирующие позиции во властных структурах страны. 2 апреля 2018 года кандидатура Абия Ахмеда была одобрена Палатой народных представителей в качестве премьер-министра.

Абий Ахмед, оромо по своей этнической принадлежности, родился 15 августа 1976 года в небольшом городке Бешаша провинции Каффа (штат Оромия). Отец – оромо-мусульманин, мать – амхара-христианка. Абий Ахмед – протестант по своей религиозной принадлежности. Семья не была зажиточной, и мать, чтобы прокормить четверых детей, торговала медовухой. Она назвала сына Абийот, что по-амхарски значит «революция». С детства она внушала ему, что его ждет большое будущее и он станет царем. По мнению многих экспертов, Абий Ахмед своей авторитарной политикой старается воплотить это в жизнь.

В 2001 году Абий Ахмед окончил информационно-технологический колледж в Аддис-Абебе, в 2011 году получил магистерский диплом Школы бизнеса Гринвичского университета (Великобритания). В 2013 году он завершил магистратуру в области бизнеса и делового администрирования по совместной программе с Институтом лидерства колледжа в Аддис-Абебе и частного университета г. Ашленд (штат Огайо, США). В 2017 году Абий Ахмед защитил диссертацию по проблемам мира и безопасности в Университете Аддис-Абебы.

В 1991 году еще подростком он присоединился к повстанцам, действовавшим против марксистского режима Менгисту Хайле Мариама. После падения режима Менгисту он остался в вооруженных силах. Вышел в отставку в звании подполковника.

В 2007 году Абий Ахмед основал Эфиопское агентство безопасности информационных сетей, директором которого являлся до 2010 года.

С 2010 года он занимается политической деятельностью. В 2010–2012 годах входил в состав центрального комитета Демократической партии оромо (Oromo Democratic Party, OPDO) и исполнительного комитета «Революционно-демократического фронта эфиопских народов». В 2010 и 2015 годах избирался в нижнюю палату представителей (Совет народных представителей).

В 2016 году Абий Ахмед был назначен заместителем президента штата Оромия. 22 февраля 2018 года был избран председателем OPDO, а 27 марта того же года – председателем ИПРДФ.

Как было сказано выше, 2 апреля 2018 года парламент утвердил его на посту главы правительства.

Впервые в истории страны этот пост заняли оромо – самый многочисленный этнос, составляющий более трети населения страны.

Результатом протестных движений стало изменение политического ландшафта в стране. По существу, произошел бескровный переворот. Иногда его называют «Революцией оромо».

Начался новый период в истории Эфиопии. Господствующее положение заняли оромо.

ТПДФ, правивший в стране до этого времени, утратил свою власть, но не примирился с этим и все последующие годы активно выступал против политики федерального правительства.

Уже в первые дни и недели пребывания у власти Абия Ахмеда были освобождены тысячи политзаключенных, легализованы запрещенные и объявленные террористическими политические партии и группировки и

приглашены вернуться в Эфиопию, объявлена решительная борьба с коррупцией, реорганизованы силы безопасности, наводившие ужас на население. Была решена гендерная проблема: в сформированном 19 апреля новом правительстве половина постов была предоставлена женщинам. Женщина – верховный судья, женщина – председатель избиркома. Во главе созданного Министерства мира также стояла женщина. Впервые в истории страны президентом стала женщина Сахле-Ворк Зевде – единственная женщина президент в Африке.

9 июля 2018 года состоялось знаменательное событие: Эфиопия и Эритрея подписали совместную декларацию о мире и дружбе. Был положен конец 20-летней войне, унесшей тысячи жизней. Со стороны Эфиопии ее подписал премьер-министр Абий Ахмед, со стороны Эритреи – президент Исаяс Афеворк. Оба лидера заявили, что «они выбирают любовь и прощение вместо ненависти и насилия [21].

С тех пор прошло пять лет. Решения Декларации так и не были воплощены в жизнь, думается, едва ли будут. Дело в том, что, во-первых, с самого начала против принятых решений о передаче спорных территорий Бадме и вокруг выступили жители этих районов – ироб по своей этнической принадлежности. Основным языком у ироб и других проживающих здесь народов является амхарский. Если эти территории отойдут к Эритрее, основным языком станет тигринья. В 2023 году протесты ироб продолжались.

Подписание мирного договора с Эритреей было встречено с энтузиазмом во всем мире. Абию Ахмеду была присуждена Нобелевская премия мира.

Страна ликовала. Нового премьера объявили чуть ли не мессией. На него возлагали большие надежды. Существовал даже термин «абийномания».

Новому премьеру предстояло решить множество накопившихся проблем. Большинство из них связаны с системой управления – этническим федерализмом.

Прошло шесть лет. Ни о какой «абийномании» нет и речи. В стране глубокий кризис. Причин много.

Все большее недовольство вызывает существующая система этнического федерализма. Ведется борьба между унитаристами и федералистами. Однако большинство штатов выступают за федерализм, но требуют значительного реформирования.

Все эти годы сложные отношения существовали между политическими элитами штатов Амхара и Тиграй, Амхара и Оромией. Наличие многочисленных оппозиционных партий оромо в штате Оромия также создает трудности.

1 декабря 2019 года, вместо правившего с 1991 года «Революционно-демократического фронта эфиопских народов», была создана Партия процветания (Prosperity Party).

ТПЛФ отказался войти в состав Партии процветания. Многие видные политические деятели оромо также отказались.

21 июня 2021 года после нескольких переносов в Эфиопии состоялись выборы в парламент и законодательные советы штатов. Победу одержала Партия процветания (ПП), набравшая 436 голосов. Оппозиционные партии «Эзема» (Ezema) и «Национальное движение амхара» (NaMA; National Movement of Amhara) набрали по 10 голосов.

В результате выборов премьер-министр Абий Ахмед сохранил власть на следующие пять лет. 4 октября 2021 года он был приведен к присяге и было сформировано правительство. Впервые в него вошли представители оппозиционных партий: «Эфиопские граждане за социальную справедливость» (Ethiopian Citizens for Social Justice, Ezema), «Национальное движение амхара» (National Movement of Amhara, NaMA) и «Фронт освобождения оромо» (Oromo Liberation Front, OLF) – фракция, отделившаяся от основной партии ОЛФ.

Политическая элита тиграй, возглавляемая «Народным фронтом освобождения тиграй» (ТПЛФ), назвала выборы незаконными. 9 сентября 2020 года она провела выборы в штате Тиграй и сформировала собственное

правительство. Однако официальные эфиопские власти не признали ни выборы, ни новое правительство.

Внутриполитическая ситуация в штате Оромия

Как говорилось выше, господствующее положение ныне принадлежит оромо. Они занимают все руководящие посты в экономике, органах исполнительной и законодательной власти, в вооруженных силах и спецслужбах. Им принадлежат «Эфиопские авиалинии» и Коммерческий банк. Оромо составляют подавляющее большинство в парламенте и правящей партии – Партии процветания.

Политической идеологией в настоящее время является ультранационалистическая концепция Оромомумма (Оромнесс), иными словами: интересы оромо главнее других этнических общностей. Некоторые ученые сравнивают ее с «Майн кампф» Гитлера.

Одним из видных идеологов концепции Оромомумма является эфиопский ученый Асафа Джелата, давно живущий в США. Он утверждает, что национальное движение оромо, ставящее своей целью укрепление идентичности паноромо (оромо состоят из многих субэтносов), постепенно расширяло содержание данной концепции. Если вначале это относилось преимущественно к совокупности культурных ценностей: языку афаан оромо, традиционной религии Ваакефанна, политической системе управления Гада, в основе которой лежат возрастные классы, нормам морали, обычному праву – иными словами, ко всему, что составляет идентичность, то со временем в него были включены политические и идеологические аспекты. Ставилась задача покончить с господством амхара и тиграй и создать суверенное государство [11, p. 119].

Острие данной концепции направлено против амхара. Подавляющее большинство старшего поколения оромо до сих пор считают амхара колонизаторами, угнетателями, лишившими их традиционной культуры и языка.

Идеология оромо, активно поддерживаемая премьер-министром Абием Ахмедом, сказала даже на школах штата Оромия: в школьном гимне искажается история народа. Он изображается как борец против угнетателей с целью освобождения от рабства и угнетения (имеются в виду амхара). Власти запретили эфиопам и Ортодоксальной эфиопской церкви использовать национальный эфиопский флаг, существующий с давних времен [31].

За последние шесть лет во многих штатах амхара подверглись не просто дискриминации, как было прежде, но угнетению и насилию. У них отнимались земли, имущество, бизнес, разрушались и поджигались дома. За годы правления (с 2018 года) нынешнего премьер-министра Абия Ахмеда погибли более 5 млн амхара [18]. Амхара изгоняются из всех учреждений, в штатах Бенишангул-Гумуз, Гамбелла и Оромия у них отнимают принадлежащие им земельные участки (в эти штаты амхара были переселены в 1974 году). В середине 2023 года в штате Амхара бомбами был разрушен исторический монастырь Дэбре-Элиас – образец культурного наследия. В результате погибли почти 600 человек. В январе 2024 года были зверски убиты свыше 100 гражданских лиц. 22 февраля 2024 года были убиты 4 монаха [18]. Только в июне 2024 года около 1 000 амхара – фермеры, учителя, банкиры, женщины, дети, старики – были убиты главным образом в штате Амхара.

«Эти массовые убийства амхара, тщательно спланированные и исполненные федеральными и региональными государственными институтами, включая армию, этническую милицию, силы безопасности, очень напоминают события в Руанде», – пишет эфиопский исследователь Гетахун Ассефа [22].

Эксперты подчеркивают, что амхара в штате Амхара систематически изгоняются из государственных учреждений. Их собственность конфискуется, предприниматели лишены доступа к капиталу. Они не могут приобрести землю, а фермеры, у которых есть земельные наделы, не могут получать семена и удобрения только потому, что они амхара. Они не могут заниматься бизнесом. Торговцы амхара и бизнесмены должны платить огромные налоги

и требуемые властями средства на военные нужды, субсидировать партийный аппарат. Они не могут создавать политические и гражданские организации.

Только с середины мая 2022 года свыше 12 тыс. амхара были арестованы властями в штате Амхара. Среди них 20 журналистов, 62 члена оппозиционных партий, юристы, профессора университетов, чиновники, критикующие нынешнюю администрацию и премьер-министра [9].

Эксперты, ученые и общественные деятели называют эти акты не иначе как геноцид. Члены оппозиционных партий и парламентарии в 2023–2024 годах неоднократно обращались к премьер-министру срочно принять меры. Однако власти бездействуют. Более того, в СМИ появляется все больше сведений об участии в этих акциях региональных властей Оромии.

Основная задача нынешней администрации – распространить власть оромо на все штаты.

В качестве примера можно привести Аддис-Абебу. Город расположен на этнической территории штата Оромия. Там же находится столица штата Финфине. Власти хотят полностью оромизировать Аддис-Абебу. Особенно такая политика проявилась в последние 5–6 лет.

На ее окраинах были многочисленные поселения амхара. Все они были снесены, на этих землях построены кондоминимумы и апартаменты для официальных лиц и элиты оромо [4]. Региональные власти объявили Аддис-Абебу собственностью оромо, хотя в ней оромо составляют менее 5 %.

По указанию мэра Аддис-Абебы (Финфине) Аданэч Абиебие амхара запрещен въезд в столицу [24].

Были снесены жилища амхара, построенные 60 лет тому назад (якобы как незаконно построенные), а жители были изгнаны [25]. По мнению автора, это 1 500 кв.м. Стоимость одного кв. м – 200 000 бирр. Итого 300 млн бирр (100 долл. составляют 5.751.20000 бирр).

Перед выселением на дверях церквей развешивались объявления с указанием лиц, подлежащих выселению. В случае отказа их помещали во временные тюрьмы или убивали. По словам свидетелей, у многих случались

сердечные приступы с летальным исходом. В зависимости от этнической принадлежности выселенным предлагали перебраться в Дебре Берхан в штате Амхара или в Воллегу в штате Оромия. В ответ на критику пресс-секретарь правительства Сейюм заявила, что земля является собственностью государства и происходящее вполне законно [35].

Живущие в Аддис-Абебе амхара жалуются, что в официальных учреждениях работают исключительно оромо, которые отказываются обслуживать амхара, а за обслуживание требуют взятки.

Амхара в столице подвергаются незаконным арестам, их изгоняют из государственных учреждений, несмотря на их высокую квалификацию и профессионализм. По данным аналитиков, они живут в постоянном страхе. Дело не только в дискриминации. Люди боятся общаться друг с другом. Некогда оживленные, полные жизни улицы ныне пусты. Молодежь боится выходить, так как становится жертвой похищения и вымогательства. За незаконный арест требуют выкуп.

По мнению экспертов, амхара подвергаются целенаправленной дискриминации и угнетению [15].

Амхарский язык все больше утрачивает в стране свою роль рабочего языка. В штатах большинство населения не владеет им. Даже студенты университетов и школьники старших классов не знают его, что крайне затрудняет возможность их будущего трудоустройства.

Чтобы отстоять права амхара и представителей других этнических общностей, жителями Аддис-Абебы создана политическая организация Арада хибрет (Arada Hibret). Ее цель – добиться полной автономии и политического представительства. Было проведено исследование, в котором приняли активное участие 20 тыс. человек. В анкете было 4 вопроса: 1. выселение амхара и сгон с земли; 2. отсутствие свободы и справедливости и отнятие земельных участков; 3. высокий прожиточный минимум; 4. все вместе. Результаты исследования показали всеобщее недовольство населения существующим режимом [39].

Вернемся к ситуации в штате Оромия.

В штате действуют боевики «Освободительной армии оромо» (Oromo Liberation Army) – военного крыла «Фронта освобождения оромо» (Oromo Liberation Front)⁴.

Особенно бесчинствуют боевики ОЛА в западных регионах штата – Западном Уоллега. Они убивают гражданское население, грабят и захватывают их имущество, поджигают дома. Боевики целенаправленно действуют против амхара. В июне 2022 года были убиты свыше 300 амхара, преимущественно женщины и дети были убиты в зоне Западного Уоллега.

В штате ведется пропаганда против амхара среди молодежи [4]. Детей убеждают в том, что амхара колонизаторы, агрессоры, якобы поработившие оромо во время завоевательных походов Менелика II в конце XIX века. В действительности же в армии Менелика было немало оромо и представителей других этнических общностей, а некоторые генералы оромо занимали высокие посты в управлении страной.

К сожалению, в этой пропагандистской кампании участвуют премьер-министр Абий Ахмед и президент штата Абдисса Шимелис.

Абий Ахмед называет себя спасителем оромо, их прав и привилегий от угнетателей амхара. Он публично называет амхара «лающими собаками» [23].

Большой резонанс вызвало выступление премьер-министра 8 мая 2024 года в г. Некемте в штате Оромия на митинге руководства и членов Партии процветания. Присутствовали также все члены правительства. Более того, на стадион на грузовиках свозили крестьян из соседних деревень. Абий Ахмед произнес свою речь на оромо, хотя многие присутствовавшие не знают его.

«Народ оромо, – сказал премьер-министр, – в течение столетия был лишен своей идентичности, он не мог говорить на своем языке, владеть землей и

4 Организация, именуемая властями Шене и объявленная парламентом в мае 2020 года террористической.

считался второсортным. Ныне оромо освобождены. Люди должны понимать это...Покончим же с врагом» [32]. Всем было ясно, что враг – это амхара.

Не отстаёт от премьер-министра и президент штата Оромия Абдисса Шимелис. Так, выступая перед новобранцами перед отправлением их в штат Амхара, Абдисса пообещал наказать нэфтэнья (так презрительно называют амхара) и подготовить ещё 1 млн вооружённых солдат в штате. «Вчера нэфтэнья претендовали на Уолло, Финфине и Адама. Ныне они требуют Бахр Дар и Гондар... Они никогда не получают их!» [40]. Подобные, полные злобы, заявления он делал неоднократно.

Война в штате Амхара

Второй год ведётся война против амхара в штате Амхара.

Во время двухлетней войны с боевиками тиграй (2020–2022 гг.) амхара активно поддерживали федеральные власти и принимали участие в боевых действиях. В апреле 2023 года власти издали приказ о безоговорочной сдаче милиции амхара оружия. После этого они должны были присоединиться к полиции штата либо к федеральным вооружённым силам – эфиопским национальным силам обороны (Ethiopian National Defence Forces, ENDF). Амхара категорически отказались, поскольку опасались боевиков тиграй в соседнем штате Тиграй. В ответ в августе 2023 года власти развязали войну. Амхара ответили созданием отрядов «Фано».

Эфиопский профессор Гирма Берхану так определяет «Фано».

«Фано – исторический термин, издавна используемый в Эфиопии и означающий борьбу против несправедливости и иноземных захватчиков. Это главным образом молодежное движение. Оно сыграло значительную роль в сохранении суверенитета Эфиопии. Ныне термин "Фано" стал обиходным названием и важным движением, задача которого – сохранить не только само существование амхара как народа, но и целостность Эфиопии. Оно коренным образом отличается от других молодежных движений в стране, цель которых – укрепить этническую идентичность как этнические составляющие федерацию» [24].

В 2016 году «Фано» (амхара) активно поддержало протестные выступления молодежи оромо против господства тиграй во главе с «Народным фронтом освобождения тиграй».

В состав «Фано» входят представители разных слоев населения: рядовые фермеры, представители интеллигенции, молодежь и старшего поколения. По существу, это – партизанская война против существующего режима. За прошедшие два года солдаты «Фано» нарастили мощь и ведут активные бои. Они контролируют большую территорию преимущественно в сельской местности. Но до сих пор нет единого командования, и в каждом регионе штата – Годжам, Гондар, Уолло и др. – действуют отряды со своими командирами. Раздробленности движения во многом способствуют многочисленные диаспоры. Каждая из них поддерживает «своего» командира.

Кроме того, по словам аналитиков, у «Фано» нет программы действий.

В этом они коренным образом отличаются от национально-освободительных движений в других странах, например в ЮАР. Основной лозунг – борьба против правящего режима не только в защиту амхара, но всей страны, – весьма расплывчатый.

В войне против амхара в штате Амхара задействованы вооруженные силы, состоящие из солдат оромо, милиции оромо и сотрудников службы безопасности. Федеральные вооруженные силы используют самолеты, танки, современное оружие, поставляемое арабскими странами и Китаем [45]. Дроны Эфиопия покупает в Турции, Катаре и Саудовской Аравии [41].

Дроны бомбят в основном школы, больницы, земельные угодья, целенаправленно уничтожая гражданское население. Так, в 7 ноября 2024 года в вореде Дурбете (Северный Годжам) были убиты 50 амхара. Среди них старики, дети, беременные женщины. 21 человек получил тяжелые ранения. Обстрелу подверглись начальная школа, больница, рынок [35].

Военные действия усилились в октябре–ноябре 2024 года. В совместном заявлении эфиопских национальных вооруженных сил и администрации штата Амхара было подчеркнуто, что они будут продолжать операцию по

восстановлению правопорядка (“law enforcement operations”) до полной победы.

Война в штате Тиграй

В самом «Народном фронте освобождения тиграй» издавна существует деление на «ястребов» и «умеренных». Премьер-министру Мелесу Зенауи своим авторитетом удавалось смягчать ситуацию. Часть политической элиты тиграй выступает за отделение от Эфиопии и создание собственного государства.

5 мая 2020 года парламент объявил ТПДФ, как и военное крыло «Фронта освобождения оромо» – «Армию освобождения оромо», террористическими организациями.

В ответ политическая элита тиграй развязала войну против федерального правительства.

4 ноября 2020 года боевики тиграй напали на объекты Северного командования, убили оставшихся верными центральному правительству военных и захватили тяжелое вооружение. По данным экспертов, погибло около 3 000 ни в чем не повинных солдат.

Война продолжалась два года. Уже в первые месяцы войны в разных штатах началась атака на тиграй: их изгоняли, закрывали их бизнес, наделяли разными оскорбительными эпитетами. Обе воюющие стороны понесли огромные потери. По данным ООН и экспертов, погибло около 1 млн человек [43].

Более 3 млн называются внутренне перемещенными лицами и находятся в лагерях для беженцев, 70 тыс. тиграй бежали в соседний Судан. Разрушена экономика штата Тиграй, большой ущерб нанесен боевиками тиграй штатам Амхара и Афар [2, p. 75–92].

Информационная война, которую вели обе воюющие стороны, нанесла непоправимый ущерб межэтническим отношениям. Потребуется годы и большие усилия, чтобы улучшить ситуацию. Весьма полезным был бы опыт Руанды, где благодаря использованию традиционного механизма разрешения

конфликтов (гачачи) были успешны решены проблемы, вызванные геноцидом 1994 г. [3, с. 164–167].

2 ноября 2022 года в Претории под эгидой Африканского союза и группы посредников во главе с бывшим президентом Нигерии Олусегуном Обасанджо было соглашение между эфиопским правительством и ТПДФ – “The Agreement for Lasting Peace and Permanent Cessation of Hostilities between The Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and The Tigray People’s liberation Front (TPLF). November 2. 2022” (сокращенно СоНА) [39].

В эксклюзивном 1,5-часовом интервью, данном национальному телевидению 12 февраля 2023 года, президент Эритреи Исаяс Афеворки заявил, что за соглашением стоят США, преследующие цель сохранить ТПДФ и не дать его окончательно разгромить. Комментируя соглашение, президент подчеркнул, что «власти Тиграй летели из столицы штата Мэкэле в Джибути на борту самолета США, а затем в Преторию, где им дали документы для подписи. Все было сделано Вашингтоном. Обасанджо, Ухуру, Африканский союз все были charerons (кукловодами). Документ был подготовлен и вручен им... Это хорошо, что они подписали, но мы не можем ничего сказать, пока он не будет воплощен в жизнь» [7].

Таким образом, президент Эритреи четко указал, что руководящую роль в переговорном процессе сыграли США. Они же подготовили текст договора, а миротворческая группа лишь присутствовала при его подписании.

Соглашение подтверждает суверенитет и территориальную целостность Эфиопии, предусматривает скоординированное и упорядоченное разоружение сторон, соблюдение Конституции, создание временного правительства.

3 ноября в кенийской столице Найроби была разработана дорожная карта по реализации достигнутого соглашения. Это касалось прежде всего разоружения. Однако многие требования соглашения до сих пор не воплощены в жизнь.

Как отмечалось выше, в ТПДФ имеется несколько группировок: от «умеренных» до «ястребов», или, другими словами, «реформистов» и

«сторонников жесткой линии». Часть из них приветствовала соглашение, другая часть настаивала и продолжает настаивать на продолжении войны с тем, чтобы вернуть утраченную гегемонию. Так, оппозиционная организация «Бастион Тиграй» отвергла соглашение, поскольку, по ее мнению, ТПДФ не представляет население штата.

Категорически против соглашения выступает многочисленная эфиопская диаспора. ТПДФ называют изменниками и предателями народа.

Не снята с повестки дня идея создания независимого государства Большой Тиграй, которое бы включало территорию Эритреи.

В штате Тиграй сложная ситуация. Созданная по итогам соглашения Временная администрация Тиграй (ИТРА; Interim Tigray Regional Administration, ITRA) во главе с Гетачью Редой встречает яростное сопротивление со стороны политической элиты ТПДФ во главе с Дебреционом Гебремикаэлем.

Поскольку Дебрецион Гебремикаэль и Гетачью Реда, наравне с премьер-министром Абием Ахмедом, являются важными лидерами в нынешней политической истории Эфиопии, стоит привести их биографические данные.

Дебрецион родился 7 июля 1956 года в Шире Инда-Селассие, в нынешнем штате Тиграй. В 1970-е годы он присоединился к ТПДФ и принимал активное участие в борьбе против Дерга. Окончил Аддис-Абебский университет, затем Университет Капелле (Италия). Получил специальность «информатика и электротехника», доктор наук. С 29 ноября 2017 года являлся председателем ТПДФ. С 9 января 2018 года был президентом штата Тиграй в правительстве, возглавляемом премьер-министром Абием Ахмедом. 13 ноября 2020 года федеральным правительством был отстранен от должности.

Ныне занимает пост президента штата Тиграй после незаконно проведенных региональных выборов. Считается «умеренным».

Гетачью Реда – представитель молодого поколения. Он родился в июне 1974 года в Алабаме, зона Уолло штата Тиграй. Получил юридическое образование: окончил Аддис-Абебский университет и университет в Алабаме

(США). Преподавал юриспруденцию в университете Мэкэле. До 2018 года занимал важные посты в прежнем правительстве «Революционно-демократического фронта эфиопских народов». В 2012 году был министром связей федерального правительства, в 2016 году – руководитель Научно-исследовательского института юстиции и правовой системы. В 2018–2020 годах являлся советником президента штата Тиграй, членом исполкома «Народного фронта освобождения тиграй». У него нет опыта 17-летней борьбы ТПДФ за власть с 1974 по 1991 год, как у ветеранов. Он активно участвует в СМИ, прекрасный оратор. Всё это импонирует молодому образованному поколению тиграй. Его политические взгляды далеки от идеологии марксизма-ленинизма и «революционной демократии».

Временная региональная администрация тиграй заменила правительство, сформированное 2 сентября 2020 года, после проведения ТПДФ выборов, объявленных федеральными властями незаконными.

Абий Ахмед назначил Гетачью Реду главой ИТРА.

Премьер-министр отклонил решение ТПДФ выдвинуть кандидатуру Дебрециона Гебремикаэля в качестве главы ИТРА, что усилило напряженность между федеральным правительством и ядром руководства Фронта.

В самом Фронте ныне верх взяли «ястребы». Часть политической элиты тиграй выступает за отделение от Эфиопии и создание собственного государства.

19 августа 2024 года состоялся 14-й съезд ТПДФ. Многие члены Фронта, в том числе Гетачью Реда, отказались участвовать. Дебрецион был переизбран председателем. Заместителем председателя стал малоизвестный Амануэль Ассэфа. Он заменил на этом посту Гетачью Реду. Дебрецион является заместителем главы Временной администрации штата Тиграй (ТИРА; Interim Tigray Regional Administration) Гетачью Реды. Фракция Гетачью Реды на своем заседании назвала конгресс незаконным и отказалась признать его решения.

Это привело к новым сложностям во взаимоотношениях между фракциями. Члены ТПДФ, бойкотировавшие конгресс, были выведены из состава ЦК.

Национальный избирком отказался признать решения 14-го съезда ТПДФ [12].

До сих пор не воплощен в жизнь ряд подписанных в Претории соглашений о прекращении огня: остаются под ружьем более 200 тыс. боевиков, а должны были быть разоружены в первый же месяц; всё еще находятся в штате эритрейские войска; остро стоит проблема так называемого Западного Тиграя – Волкаит и Райя. Территория к северу от Гондара – Северный Телее Тегеде, Волкаит и Химера – имеет общее название Волкаит (Волкайт). Ее площадь приблизительно 1 600 тыс. га (половина Бельгии). Территория Райя составляет 400 тыс. га (в полтора раза больше Люксембурга). Эти территории богаты минеральными и водными ресурсами, плодородными землями. Здесь расположены богатые месторождения золота, серебра, меди и цинка [33]. Понятно, почему власти штата Тиграй так заинтересованы в их возврате.

Волкаит и Райя, населенные амхароязычными народами волкаит и райя, в 1991 году, после создания федерации по Конституции, были незаконно присоединены к вновь созданному штату Тиграй. Прежде они входили в административные единицы амхара – Уолло и Гондар. С тех пор эти народы требуют возвращения их на родину. Во время войны с боевиками тиграй в 2020–2022 годах территории, населенные волкаит и райя, были захвачены амхара и вошли в состав штата Амхара. Администрация штата категорически отказывается вернуть их штату Тиграй. Но в соглашении сказано, что все проблемы должны решаться в соответствии с Конституцией. Временная администрация Тиграй требует выполнить принятые решения и вернуть эти районы штату. Федеральные власти вскользь завилы, что проблема могла бы быть решена путем проведения референдума.

Руководители Временной администрации выражают также озабоченность недостаточным финансированием штата со стороны федерального правительства.

Осенью 2024 года ситуация в штате еще больше ухудшилась: обострились отношения между руководством ТПЛФ в лице Дебрециона Гебремикаэля и главой Временной администрации штата Тиграй Гетачью Редой.

6 октября Дебрецион заявил о выводе из ТПЛФ Гетачью Реды и еще четверых членов правительства и о переговорах с федеральным правительством по кандидатуре нового главы правительства. В ответ Гетачью заявил, что это переворот и что ТПЛФ встал на незаконный путь. Более того, он обвинил фракцию ТПЛФ в попытке силой захватить власть и выразил негодование по поводу распространения фракцией Дебрециона слухов о якобы планах Временной администрации Тиграй свергнуть федеральное правительство [37].

31 октября 2024 года религиозные лидеры штата, отколовшиеся от Эфиопской ортодоксальной церкви, попытались примирить обе фракции ТПЛФ. Однако их попытка оказалась безуспешной.

10 ноября 2024 года Временная администрация опубликовала заявление, в котором обвинила фракцию ТПЛФ, возглавляемую Дебреционом, в «официальном перевороте» регионального правительства. Было сказано, что фракция перешла от обструкции работы правительства к попыткам переворота.

Более того, в начале декабря состоялась встреча Абия Ахмеда с руководством обеих фракций ТПЛФ – Дебреционом Гебремикаэлем и Гетачью Редой. После острой дискуссии премьер-министр заявил, что главой Временной администрации штата Тиграй до выборов остается Гетачью Реда. Однако ситуация еще больше усугубилась. Поскольку члены фракции Гетачью Реды были исключены из состава ТПЛФ, Дебрецион утверждает, что они утратили власть в штате.

В штате произошло еще одно событие – появление нового подпольного движения “Tintag Woledo Tigray” (“Tigray Fire Generation” – в переводе «Огненное/пламенное поколение тиграй») [36]. Цель движения – борьба против угнетения. Оно возникло год назад и действует во всем штате. Однако

официально объявили лидера только в октябре 2024 года. Лозунг движения: «Угнетение есть угнетение, и неважно, его причины внешние или внутренние. Борись с ним!» В качестве причин возникновения движения названы автократический режим ТПДФ и общая политическая ситуация в штате. Растет численность движения в том числе и за счет новых членов из числа вооруженных сил штата.

В 2020 году в штате возникло движение под названием “Fenkil Tigray”. Но его лидер Йемане Нэгуссу был убит, как считают, не без участия ТПДФ.

На вопрос «В чем отличие нового движения “Tintag Woledo Tigray”?» последовал ответ: «Наша цель покончить с деспотичной силой. Мы устали эмигрировать, чтобы не чувствовать ее. Наше движение будет прибегать к силе, если это потребуется» [36].

Неэффективный менеджмент

Многие существующие ныне проблемы связаны с системой управления, исполнительными и законодательными органами.

В оппозиционной прессе раздается всё больше критики в адрес парламента. Подавляющее большинство его членов составляют оромо. Отмечается, что решения просто штампуются без обсуждения. Иначе как «марионеточным», «игрушечным», «простым этническим декором» его не называют. Эфиопский ученый Гетахун Ассефа пишет: «Режим продолжает безжалостно бомбить детей, женщин, стариков, разрушать посевы, школы, больницы, монастыри и мечети. Конфискуется имущество амхара, их безжалостно сгоняют с земель и разрушают жилища, отбирают бизнес. А 547 парламентариев безмолвствуют и остаются глухими к происходящему» [23].

Большие проблемы существуют в экономике. Между 2004 и 2019 годами экономический рост Эфиопии составлял около 10 %. Это был самый высокий показатель в мире [42]. В этот период строились дороги, развивался легкорельсовый транспорт, а главное, началось осуществление амбициозного проекта – строительство дамбы «Возрождение».

По мнению эфиопского профессора Месерета Тессемы, за последние 30 лет экономическая ситуация в штате Амхара значительно ухудшилась, и причиной этого стала проводимая правительством политика – недостаточное инвестирование в экономику и инфраструктуру. В результате в штате самая худшая в стране инфраструктура, включающая дороги, школы и медицинские учреждения [34].

Существует угрожающе высокая безработица среди молодежи. По данным Международной организации труда, в 2020 году количество безработных среди молодежи в Эфиопии составило 27 % [42]. Ныне процент значительно выше.

В промышленности львиную долю занимает Китай. Однако масштабные проекты были заморожены из-за нехватки финансирования. Так, из десятка цементных фабрик действовали только 4 или 5. Их продукцию нельзя было доставлять из-за обстановки в штате Оромия: в 2023 году китайские рабочие были похищены, в 2022 году 20 рабочих были похищены на другом цементном заводе, принадлежащем нигерийскому мультимиллионеру Алико Данготе.

Эти и следующие данные приводит профессор Йонас Биру, в прошлом председатель Economic Advisory Council при премьер-министре Абие Ахмеде [44].

По данным UN-ОСН, в 2023 году фермеры вынуждены были забросить громадные земельные площади, не засевая их. Это было сделано по двум причинам: военные действия в штатах Оромия и Амхара и невозможность получать удобрения.

Большие сложности существуют в сфере транспорта. Дело не только в инфляции и недостатке топлива. Водители большегрузов систематически похищаются. За них требуют огромный выкуп, и они удерживаются, пока за них не заплатят компания или родственники. По данным газеты Guardian (январь 2024 года), которую цитирует Йонас Биру, дорога, соединяющая Аддис-Абебу с портами Джибути (основная торговая магистраль), в течение 18 месяцев была центром похищения водителей большегрузов.

Большие сложности испытывает такая важная отрасль экономики, как сфера услуг: туризм, ресторанный бизнес, отели, розничная торговля и др. Развитие туризма невозможно из-за военных действий в штатах Амхара и Тиграй. Именно в этих штатах расположены основные туристические объекты. Гостиницы за пределами столицы, по существу, пусты, поскольку люди боятся ездить из-за беспокойной обстановки. Ресторанный бизнес испытывает трудности вследствие высокой инфляции.

Биру подчеркивает, что значительно ухудшились сферы здравоохранения и образования. Государственные ассигнования на образование сократились с 21,1 % в 2019 году до 9,7 % в 2023 году. Почти 33 % школьников находится вне школьного обучения [44].

По данным ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО, 11 млн детей школьного возраста живут в охваченных войной штатах (главным образом в Амхара) и не посещают школу. В стране 60 % населения неграмотно.

Двухлетняя война нанесла огромный урон в штатах Тиграй, Амхара и Афар: разрушены промышленные предприятия, образовательные и медицинские учреждения.

Ко всем вышеназванным проблемам добавились последствия стихийных бедствий. Небывалая засуха в последние несколько лет в зоне Борана штата Оромия привела к массовой гибели скота. Наводнения в 2024 году в некоторых зонах штата Бенишангул-Гумуз негативно сказались на сельском хозяйстве. В некоторых зонах штатов Амхара и Оромия непрерывно идущие дожди уничтожили весь урожай продовольственных культур: теффа, кукурузы, пшеницы, ячменя. По заявлению ФАО (FAO) от 10 октября 2024 года, 15, 8 млн человек нуждаются в экстренной продовольственной помощи [40].

В стране наблюдаются вспышки малярии и других заболеваний.

Насчитывается более 2 млн внутренне перемещенных лиц. Многие из них живут в хижинах, голодают, особенно в штате Тиграй.

Эксперты отмечают небывалый рост коррупции. Так, во время войны в штате Тиграй США поставляли Эфиопии гуманитарную помощь, но она

разворовывалась, причем, как выяснилось, это делали высокопоставленные чиновники. США прекратили поставлять продовольствие. В 2024 году источники зафиксировали новые проявления коррупции. В штате Оромия происходят похищения богатых и зажиточных граждан. За большой выкуп, а он нередко составляет 1 млн бирр, они могут быть отпущены. Прежде всего похитители выясняют в банках размер счета человека, которого планируется похитить, с тем чтобы запросить соответствующий выкуп у родственников. Естественно, эти сведения предоставляются не бесплатно. Таким образом, обе стороны обогащаются. Видный политический деятель оромо Джавар Мохаммед предполагает, что правительственные чиновники напрямую участвуют в широкомасштабных операциях в регионе по похищению людей. До этого представители «Армии освобождения оромо» также обвиняли региональные власти Оромии в вовлеченности в этот процесс [20]. Такие похищения распространены и в других штатах, включая Тиграй, но в Оромии ситуация более острая.

Приведем другой пример. В том же штате Оромия в связи с военными действиями в штате Амхара объявлен неофициальный принудительный призыв молодежи в армию. По существу, молодых людей задерживают. Но за большую взятку начальникам призывных пунктов можно избежать призыва. «Пока задержанные молодые люди ждут переправления их в учебные лагеря, брокеры и официальные лица предлагают родителям откупиться. Взятка составляет от 100 тыс. до полумиллиона бирр, – пишет Джавар Мохаммед. Размер взятки зависит от финансового положения родителей. Для этого брокеры обращаются в банки, чтобы выяснить размер счета. В случае отсутствия денег, продолжает Джавар, родители занимают у друзей или организуют сбор средств через местные ассоциации взаимопомощи, например, Идир» [20].

В это время премьер-министром и президентом штата Оромия Абдисой Шимелисом строятся дорогие дворцы, облагораживается набережная в Аддис-Абебе, возводятся фонтаны, вокруг строящихся дворцов устанавливается

дорогое электроосвещение и асфальтируются улицы, сажаются деревья, сооружаются дороги в сателлитах столицы (Сегер).

Создаются новые места отдыха для богатых вроде открытого в ноябре 2024 года премьер-министром «рая на земле» – пятизвездочного курорта Бейноуна Вилидж в Метакхера [10].

Конечно, всё это хорошо. Но не тогда, когда в стране идут военные действия в штатах Оромия и Амхара и много нерешенных проблем, когда в стране гуманитарный кризис, когда многие не могут себе позволить поесть даже раз в день. Но главное для властей предрержащих – создание собственного имиджа.

По результатам анализа, осуществленного центром Оксфордская инициатива по проблемам бедности и человеческого развития при Оксфордском университете (Oxford Poverty and Human Development Initiative, ОРНИ), 68,7 % в Эфиопии признаны бедными во всех отношениях. В отчете организации «Кризис бедности глобального масштаба» (The Global Multidimensional Poverty Index, MPI), опубликованном в октябре 2024 года, подчеркивается, что в сельских районах страны 79,7 % являются бедными, в то время как в городах эта цифра составляет 39,2 %. Это – огромная разница, свидетельствующая о срочной необходимости со стороны властей принять меры. В отчете отмечается, что главной причиной бедности является плохое питание, что сказывается на здоровье населения. Большое число граждан не имеет доступа к питьевой воде и др. [17].

Для сравнения: по данным эфиопских ученых Месерета Тессемы и Амсала Ворета, стоимость дворца премьер-министра составляет 15 млрд долл. [34]. Стоимость дворца президента штата Оромия – свыше 1 млрд долл.

Однако проправительственные СМИ представляют это как показатель процветания страны. Оппозиция называет их «медийной армией», чья задача – широкомасштабная дезинформация населения.

За последние годы значительно ухудшилась ситуация, касающаяся свободы слова и свободы прессы.

12 ноября 2024 года в Совете по правам человека ООН состоялся отчет эфиопского Комитета по защите журналистов за последние пять лет. В Отчете отмечается значительное ухудшение в медийной сфере, подчеркивается, что большое число журналистов было арестовано, происходят их незаконные задержания и преследования, а также применяется физическое насилие. Содержатся конкретные рекомендации, включая требования освободить задержанных журналистов, исследовать конкретные действия властей по отношению к прессе, изменить репрессивное законодательство в соответствии с международными стандартами, касающимися прав человека [14].

Эфиопские и международные правозащитные организации – Human Rights Group, Amnesty International – осуждают насилие и нарушение прав человека в разных регионах Эфиопии. В своем заявлении от 6 ноября 2024 года Amnesty International обращает внимание на ситуацию в штате Амхара. Подчеркивается, что федеральные войска вкупе с органами безопасности штата без суда и следствия задерживают гражданское население. 28 сентября с.г. тысячи граждан были помещены в четыре лагеря для задержанных в городах Дангела, Сераба, Комболча и Шева Робит. В г. Дангела, например, число задержанных составляло 1 600 человек [37]. Были задержаны 11 профессоров Университета Уолло, огромное число журналистов, выступающих в защиту прав граждан. Власти нередко подозревают их в поддержке «Фано». Amhara Region Judges' Association осудила проходящие во всем штате задержания судей. «Эти задержания свидетельствуют о новом этапе неуважения Эфиопии к правам человека, – заявил Тигере Чагутах – региональный директор Amnesty International по Восточной и Южной Африке. Массовые необоснованные задержания стали повседневной практикой» [18].

Существенно осложнилась ситуация, касающаяся внешней политики. Абий Ахмед вдруг заявил, что Эфиопии нужен выход к морю. С незаконным Сомалилендом – составной частью Республики Сомали – был подписан Меморандум о взаимопонимании (Memorandum of Understanding, MoU) о выделении Эфиопии в аренду сроком на 50 лет 20 км береговой полосы в

обмен на признание Эфиопией независимости Сомалиленда. Это вызвало негодование правительства Сомали и привело к разрыву дипотношений с Эфиопией. Осложнились также отношения с Египтом и Джибути. Некоторые аналитики высказывают мнение, что идея с выходом к морю якобы понадобилась премьер-министру, чтобы отвлечь население и мировую общественность от острых внутренних проблем в Эфиопии.

В начале октября 2024 года в Эфиопии произошло знаменательное событие: премьер-министр Абий Ахмед назначил нового президента, сместив Сахле-Ворк Зевде, проработавшую на этом посту с октября 2018 года. Новым президентом стал Тайе Атске-Селассие, занимавший до этого посты заместителя премьер-министра и министра иностранных дел [41].

7 октября состоялось объединенное заседание Палаты народных представителей и Палаты Федерации, на котором он был избран большинством голосов при пяти воздержавшихся. На церемонии Сахле-Ворк Зевде просто передала Конституцию новому президенту и молча покинула парламент [41].

Оппозиционные СМИ объяснили произошедшее сложными рабочими отношениями Сахле-Ворк Зевде с премьер-министром и правительством [19]. В последний год она неоднократно в очень деликатной форме высказывала критические замечания по поводу проводимой в стране политики. Это касалось военных действий в штатах Оромия и Амхара, массовых убийств амхара [19]. Она призывала к мирному урегулированию ситуации в штате Амхара. До своего назначения президентом в 2018 году Сахле-Ворк Зевде была Постоянным представителем Эфиопии в ООН, а до этого – послом в Египте и Швеции. Ни Сахле-Ворк, ни новый президент не являются членами правящей партии – Партии процветания. Сахле-Ворк была единственным президентом-женщиной в Африке. Официальные лица ООН поблагодарили Сахле-Ворк Зевде за плодотворное сотрудничество [38].

Что касается эфиопских властей, то официальных проводов не было и никаких добрых слов в адрес Сахле-Ворк сказано не было: убедительное

доказательство существования в стране автократического режима (поступать только по указке премьера). Любопытно, что об этом написала оппозиционная “Zehabesha”: «Абий Ахмед, авторитарный лидер Эфиопии, формально назначил Тайе Атске-Селассие новым президентом страны... Ожидают, что новый президент решит проблемы, возникшие в период правления Абий Ахмеда, включая политические и экономические проблемы, которые имеют прямое отношение к единству страны [6].

Тайе Атске-Селассие родился 13 января 1956 года в Дебарке (зона Гондар) в штате Амхара. По этнической принадлежности он амхара. Изучал политические науки, международные отношения и стратегические науки в Аддис-Абебском университете и в Университете Ланкастер (Великобритания).

В конце ноября 2024 года страна торжественно и широко отметила пятилетие правящей Партии процветания. Торжества продолжались несколько дней и прошли под лозунгом “Ideological Excellence for Inclusive Prosperity”. Церемония проходила в Мемориальном музее победы при Адуа. На ней присутствовали высокопоставленные эфиопские деятели, члены правительства и парламента, а также дипкорпус.

Были организованы дискуссии, спортивные состязания и много других мероприятий.

В своем докладе Абий Ахмед подчеркнул, что за прошедшие годы страна добилась огромных успехов, вызовы трансформированы в победы, что лозунг партии: «Братство, истина, знание и мудрость».

Подобные торжества прошли во всех регионах.

Заключение

Этнополитическая ситуация в стране крайне сложная. Одной из причин этого является нынешняя политическая система – этнический федерализм. Этничность, как политическая идеология режима, создание штатов по этническому принципу, разделение на нации, национальности и народы,

титульные и нетитульные национальности привели в конечном счете к конфликтам, этношовинизму и его крайней форме – этнонационализму. Борьба политических этнических элит за власть и ресурсы, стремление к большей автономии регионов, выход на политическую арену многочисленных этнических меньшинств привели к еще большему преувеличению этнической идентичности.

Приход к власти оромо вместо тиграй, политика оромизации и господство политической идеологии Оромомумма вызывают недовольство многих этнических общностей.

В стране усилились центробежные процессы, в результате которых произошло ослабление центральной власти в регионах. Штаты всё больше становятся автономными. Особенно это относится к территориально отдаленным штатам – Бенишангул-Гумуз, Гамбелла, Сомали.

«Центральная власть, которая при Мелесе Зенауи чувствовалась в каждом уголке страны, ныне не распространяется дальше столицы», – пишет английский корреспондент журнала “Economist” в странах Африканского Рога Том Гарднер в своей книге “The Abiy project: God, Power and War in New Ethiopia” [35].

Обстановку существенно осложняют военные действия в штатах Оромия и Амхара, последствия двухлетней войны с ТПЛФ.

Политика правительства и премьер-министр подвергаются резкой критике. Направляются письма в Нобелевский комитет с просьбой лишить Абия Ахмеда звания «Лауреат мира».

Слабость общеразделяемой гражданской идентичности эфиопов, усиление сепаратистских и изоляционистских тенденций в некоторых регионах страны, а также дезинтеграционных этносоциальных и этнокультурных процессов и, как следствие, рост, прежде всего в штате Оромия, радикального этнического национализма значительно осложняют этнополитическую ситуацию.

Главное, что требуется для дальнейшего развития, – мир и безопасность, разрешение внутренних конфликтов, налаживание ситуации в штатах Оромия

и Амхара. Чтобы решить все эти проблемы необходима выработка программы реабилитации.

В этой связи некоторые ученые предлагают изучить удачный опыт Руанды и применить его к Эфиопии.

В середине ноября 2024 года в разных странах Европы, во многих городах США и Канады, в ЮАР прошли массовые демонстрации с осуждением правительства Эфиопии под лозунгом «НЕТ геноциду амхара!!!».

В ответ на это представитель правительства Легесса Тулу 16 ноября выступил с заявлением. Он сказал, что «страна, как никогда до этого, живет в атмосфере спокойствия и мира. В стране стабильность и прогресс».

Легесса Тулу признал, что в штатах Оромия и Амхара существует напряженная ситуация. Он отметил, что в этом вина некоторых групп, выступающих против мирного развития страны, и что правительство принимает соответствующие меры. Также он подчеркнул, что тысячи бойцов и военных перешли к гражданской жизни. Это высказывание можно рассматривать как ложь. Известный эфиопский журналист остроумно откликнулся на это заявление Легессы Тулы, сравнив с романом Жоржа Оруелла «1984». Он привел следующую цитату: «Война – это мир. Свобода – это рабство. Невежество – это сила» [26].

Подводя итоги, можно с уверенностью сделать вывод о наличии в Эфиопии глубокого политического кризиса. Его истоки лежат, во-первых, в существующей политической системе – этническом федерализме, в основе которого преувеличение значимости этнической идентичности, что в конечном счете привело к возникновению радикального национализма. Наиболее ярко он проявляется в существующей ныне ультранационалистической политической системе – концепции Оромомумма. Во-вторых, из-за плохого менеджмента, в результате которого произошел спад в экономике, возникло множество проблем в образовании, медицине. Остро стоит проблема безработицы молодежи и т.д.

Всё больше недовольства в стране вызывает монополизация власти этнической общностью оромо.

«Наше правительство ныне, – пишет эфиопский политолог Абасибер Валекен, – состоит из нескольких представителей элиты оромо. В их числе: премьер-министр, главнокомандующий вооруженными силами, глава федеральной полиции и глава спецслужб. Элита оромо оказывает существенное влияние буквально на все стороны жизни. Коррупция и nepotизм, как чума, разъедают нас» [5].

Из реформатора, каким Абий Ахмед был в 2018 году, по общему мнению, он превратился в диктатора, а в стране существует авторитарный режим. Резкой критике подвергается и правящая Партия процветания. «Партия процветания, – пишет эфиопский аналитик Кебур Генна, – руководящая партия со всем основанием может быть названа Партией премьер-министра Абий Ахмеда. Она все больше становится синонимом его руководства и отражает злоупотребление властью, когда приоритет отдается грандиозным проектам вместо того, чтобы решать насущные нужды населения. Когда главным для лидера становится строительство роскошного дворца в стране, где граждане едва сводят концы с концами или облагораживается столица, в то время как население живет в трущобах и испытывает финансовые трудности. Совершенно ясно, что курс лидера не демократия и процветание народа» [29].

Можно выделить следующие возможные пути выхода из кризиса:

— отказ от наиболее одиозных составляющих системы вроде разделения на нации, национальности и народы, а также на титульные и нетитульные национальности;

— замена нынешней административной системы по этническому признаку территориальной;

— коренная реформа исполнительной власти: на первом месте должны быть квалификационные характеристики, а не этническая принадлежность, как ныне;

— постепенное создание гражданской идентичности. Но это вовсе не значит, что человек должен отказаться от своей этнической принадлежности, языка и культурных ценностей. Он может быть одновременно амхара (тиграй, оромо и др.) и эфиопом.

Но все это едва ли будет возможно в ближайшем обозримом будущем. К сожалению, радикальный национализм вроде концепции Оромомумма еще надолго останется правящей идеологией.

Вместе с тем следует учесть следующие факторы: напряженность в стране усиливается, растет недовольство господством оромо. Всё более успешной становится борьба амхара в штате Амхара под руководством бойцов «Фано».

Не исключено, что всё это в результате может привести к массовым движениям протеста, подобным 2015–2018 гг., на этот раз против засилья оромо и политики оромизации.

Список литературы

1. Исмагилова Р.Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., «Наука». 1973. С. 175.
2. Р.Н. Исмагилова. Эфиопия: Долгий путь к миру. Ученые записки Института Африки РАН. 2023. №3. Сс. 75– 92.
3. Исмагилова Р.Н. Гачача //Эфиопия: особенности федерализма. М., 2018. С. 164–167.
4. Aba Habtu. The Great Replacement in Addis Ababa: Ethnic Cleansing in Plain Sight. URL: <https://borkena.com/2024/11/13/> (дата обращения: 16.11.2024)
5. Abasiber Waleken. A Meaningless Call for Peace from the Government of Ethiopia: Fano's justified refusal. URL: <https://borkena.com/2024/06/26/> (дата обращения: 27.09.2024)
6. Abiy Ahmed Installs Taye Atske-Selassie as New President, Succeeding Sahle-Work Zewde. URL: <https://zehabesha.com/2024/10/07> (дата обращения: 21.11.2024)

7. Addis Standard. Addis Ababa. 13.02. 2024
8. Al Mariam. The truth about TPLF Genocide Lies and Disinformation in Ethiopia. URL: <https://ethioforum.org/2016/09/19> (дата обращения: 20.08.2017)
9. Amhara Association of America calls for PM Abiy's resignation over Wollega. URL: <https://borkena.com/2022/06/20/> (дата обращения: 18.11.2024)
10. Amsal Woreta. The Paradox of Leadership: How a Leader's Pursuit of Power and Image Creates Crisis and Contradictions. URL: [/https://borkena.com/2024/11/13](https://borkena.com/2024/11/13) (дата обращения: 21.11.2024)
11. Asafa Jalata. Promoting and Developing Oromumma // The Journal of Pan African Studies. 2014. Vol. 6. № 8. P. 119.
12. Debretsion Gebremichael reelected as TPLF chairperson amid party split. URL: [/https:// www.ethiopiaobserver.com/2024/08/19/](https://www.ethiopiaobserver.com/2024/08/19/) (дата обращения: 14.10.2024)
13. Dereje Tariku. The TPLF's Manifesto "Dream of Republic of Greater Tigray". URL: https://raimoq.com/tnr_tplf_manifesto (дата обращения: 14.08.2024)
14. CPJ's five-year review reveals significant decline in press freedom since Ethiopia's last review. URL: <https://addisstandard.com/2024/11/12/> (дата обращения: 20.11.2024)
15. The Enigmatic Silence: General Abebaw Tadesse's Decision. URL: <https://zehabesha.com/2024/06/22/> (дата обращения; 14.09.2024)
16. Ethiopia and the English white supremacist : the incessant vilification of Amhara . URL: [/https://zehabesha.com/2024/11/13 /](https://zehabesha.com/2024/11/13/) (дата обращения: 23.11.2024.)
17. Ethiopia's Multidimensional Poverty Crisis (ОПН). URL: <https://zehabesha.com/2024/11/12/> (дата обращения: 24.11.2024)
18. Ethiopia entered a new era of disregard for human rights: Amnesty International Reveals. URL: [//borkena.com/2024/11/06/](https://borkena.com/2024/11/06/) (дата обращения: 17.11.2024)
19. Ethiopian President will not continue, "Media army" attacking her. URL: <https://borken.com/2024/10/06/> (дата обращения: 21.11.2024)
20. Former Radical Activist Speaks out against "Forced Conscription"/ <https://borkena.com/2024/11/13/> (дата обращения: 20.11.2024)

21. Full Text of the Ethio-Eritrean Agreement signed in Jeddah . URL; <https://ad-disstandard.com/2018/09/18/> (дата обращения : 11.11.2018)
22. Getahun Assefa. Lessons unlearned, discarded, or forgotten from the 1994 Rwanda Genocide: What is the world waiting for in Ethiopia? URL: <https://borkena.com/2024/06/28/> (дата обращения: 08.10.2024)
23. Getahun Assefa. How is Ethiopia being led to disastrous failure to weak institutions & incompetent leadership? URL : <https://borkena.com/2024/11/12/> (дата обращения: 16/12/2024
24. Girma Berhanu. Fano: a widespread public anger for preservation of Amhara identity, fairness, and the unity of Ethiopia. URL: / <https://zehzbesha.com/2024/04/03/> (дата обращения: 14.08.2024)
25. Girma Berhanu, Gash Telye. Blood per Acre– The Price to Pay in Addis Ababa’s Ruthless Campaign for Urban Land. URL: <https://borkena.com/2024/05/08/> (дата обращения: 12.08.2024)
26. Government Claims Progress and Stability. Despite Ongoing Conflict and Unrest. URL: <https://www.ethiopiaobserver.com/2024/11/17/> (дата обращения: 26.11.2024).
27. Hussien Adal M. and Aklog Birara. Ethiopia’s divisive politics and causing the disintegration of national unity. URL: <https://zehabesha.com/2024/05/10/> (дата обращения: 07.20.2024)
28. Kasshun Melecce. Tigray’s War Against Ethiopia isn’t about Autonomic Power. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/11/19/> (дата обращения: 12.11.2022)
29. Kebour Ghenna. Can PM Abiy Ahmed be a dictator and thrust the country into prosperity? URL: /<https://borkena.com/2024/05/04/> (дата обращения: 24.11.2024)
30. Levine D. Greater Ethiopia. The Evolution of a Multiethnic Society. 2nd. Ed. Chicago, London, 2000.
31. Mariam Senbet. Ethiopia’s Battle: Transitioning from Unity to Violence/[https:// zehabesha.com/ 2024/05/04/](https://zehabesha.com/2024/05/04/) URL: (дата обращения: 12.07.2024)

32. Mariam Senbet. Amhara Massacre: A Grim Reminder of Ethiopia's Fragile Peace. URL: // <https://zehabesha.com/2024/06/18/> (дата обращения: 12.10.2024)
33. Mekuria. The Significance of Liberating Gondar and the importance of standing firm and prudent in defending Amhara's rights. URL: <https://borkena.com/2024/04/28/> (дата обращения: 09. 10.2024)
34. Meseret Tessema. Why Ethiopians an International Community Support the Fano Movement? URL: // <https://borkena.com/2024/05/18/> (дата обращения: 07.10.2024) Amsal Woreta. The Paradox of Leadership: How a Leader's Pursuit of Power and Image Creates Crisis and Contradictions. URL: /<https://borkena.com/2024/11/13/> (дата обращения: 21.11.2024)
35. Over 50 civilians killed in drone strike in Amhara region included pregnant woman. URL: <https://borkena.com/2024/11/08/> (дата обращения: 15.11.2024)
36. Press Release: Chicago Charter of Ethiopiawinnet. URL: <https://slideserve.com> (дата обращения: 20.12.2017)
37. Rights group urges Ethiopian authorities to end "arbitrary" mass detentions in Amhara Region amid crackdown. URL: // <https://addisstandard.com/2024/11/06/> (дата обращения: 15.11.2024)
38. Shack W.A. Urban ethnicity and cultural process of urbanization in Ethiopia // Urban Anthropology / Ed. A. Southall. N.Y., 1973.
39. Signs of a Brewing Revolution in Addis Ababa: Public Survey Reveals Growing Discontent. URL: <https://borkena.com/2024/10/17/> (дата обращения : 19.10.2024)
40. Shimeles Abdissa reportedly makes another genocidal, hateful message. URL: //<https://borkena.com/2024/05/30/> (дата обращения: 12.06.2024)
41. Taye Atske-Selassie Removed as FM, named president. URL: / <https://borkena.com/2024/10/07/> (дата обращения: 21.11.2024.)
42. Tesfa ZeMichael. Ethiopians: Know the Enemy and Know Yourself. URL: <https://zehabesha.com/2024/06/11/> (дата обращения: 2.11.2024)
43. Teshome M. Borago. Professor Haile Larebo and ESAT shouldn't apologize to Oromo extremists. URL: <https://ethioforum.org/2017/02/04/>. (дата обращения: 10.05.2017)

44. Teshome Borago. Understanding ethnicity and politics in Ethiopia . URL: <https://ecadforum.com./2016/02/14>. (дата обращения: 10.05. 2017)
 45. The Continent. Issue 166, June 15. 2024 (дата обращения : 24.11.2024)
 46. Tintag Woledo Tigray: New Political Movement Emerges to Challenge Oppression in Ethiopia's Tigray Region. URL: <https://borkena.com/2024/11/09/> (дата обращения: 20.11.2024)
 47. TPLF announces the removal of regional president Getachwv Reda. URL: <https://www.ethiopiaobserver.com/2024/10/07/> (дата обращения: 12.11.2024)
 48. UN in Ethiopia congratulates President Taye Atske-Selaccie. URL: [/https://fanabc.com/English/2024/10/08/](https://fanabc.com/English/2024/10/08/) (дата обращения: 22.11.2024)
 49. UNpeacemaker. Nov.2 2022. URL: [/https://www.un.org/02/November 2022/](https://www.un.org/02/November 2022/) (дата обращения: 12. 05.2024)
 50. Unseasonal rains threaten crop yields in Ethiopia's Oromia, Amhara regions; farmers report crop losses.URL: <https://addisstandard.com/2024/11/04/> (дата обращения: 24.11.2024)
 51. Update from Washington on Ethiopia -Senate briefing on the Ethiopian crisis. URL: <https://zehabesha.com/2024/06/30/> (дата обращения: 12.09.2024)
 52. Yonnes Abagaz. Ethiopia: The Illusion of Economic Growth Amidst Deep-Rooted Challenges. URL: <https://borkena.com/ 2024/07/06/> (дата обращения: 24.09.2024)
 53. Yonas Biru. The Int'l Community is more Imperative to Avert a Dangerous Showdown in Ethiopia. URL: <https://djirkena.com/2023/02/19/> (дата обращения: 04.15.2023)
 54. Yonas Biru and Abu Girma. Ethiopia at a Glance: Imminent Threat of Economic Collapse and Genocide in Ethiopia. URL: <https://zehabesha/2024/06/15/> (дата обращения; 15.10.2024)
- Zemenu Tenagne. Another Attempt by PM Abiy Ahmed Ali to Deceive the International Community. URL: <https://borkena.com/2024/06/29/> (дата обращения: 04.10.2024)

Нафиков Ильсур Закирзянович,
кандидат исторических наук, заведующий кафедрой алтаистики, тюркских и
центральноазиатских исследований,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Ilsur Z. Nafikov,
PhD (historical sciences),
Head of the Department of Altay, Turkic and Central Asian Researches,
Kazan (Volga region) Federal University
e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

**НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ
СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПАРТИЙНОГО ПАРЛАМЕНТА:
ПАРТИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ОТ
ОППОЗИЦИОННОЙ СИЛЫ К ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ**

**NATIONALIST MOVEMENT IN TURKEY IN THE CONDITIONS OF
THE FORMATION OF A MULTIPARTY PARLIAMENT:
THE NATIONALIST MOVEMENT PARTY FROM AN OPPOSITION
FORCE TO THE RULING COALITION**

Аннотация: статья направлена на обобщение и анализ материалов по исследованию турецкой внутренней политики. Турция стала формировать свою политическую систему с начала XX века, и с самого первого периода развития государства националистическая идеология стала играть важную политическую роль в жизни страны. Национализм в Турции стал формироваться как особая, государственная, идеология. По мере роста экономического благосостояния страны, укрепления ее внешнеполитических позиций как региональной державы возросло влияние и националистических идей.

Ключевые слова: Турция, Великое национальное собрание Турции, Партия националистического движения, коалиционное правительство.

Abstract: The article is aimed to summarise and analyse materials in the field of Turkish internal politics. Republic of Turkey began to form its political system and its ideology of nationalism started to play a significant role in state formation from the beginning. Nationalism in Turkey began to take shape as a special state ideology. As the country's economic well-being grew and its foreign policy position as a regional power strengthened, the influence of nationalism ideology increased. Scientific research describes the main periods of political transformation with active participance of National movement group in Turkey's internal political dynamics.

Keywords: Turkey, Grand National Assembly of Turkey, Nationalist movement party, coalition government.

Формирование парламентской системы в Турции

Прообраз парламентской системы в Турции сложился еще во времена Османской империи, когда в 1876 году была принята первая конституция в стране, сформировавшая некую модель двухпалатного парламента государства. Члены верхней палаты, Меджлис-и Аян, должны были назначаться султаном на пожизненной основе, а члены нижней, Меджлис-и Мебусан, избирались с учетом имущественного и ряда иных цензов. В компетенцию палаты входило обсуждение бюджета и других финансовых законов, но при этом реальное значение парламента в тот период было невелико. Султан имел полномочия распустить парламента, а также отменить принятые парламентакие законы. В 1877 году прошли первые парламентакие выборы в Турции. В начале 1878 года по инициативе султана сформированный парламента был распущен и в течение 30 лет не созывался [9].

После поражения Турции в Первой мировой войне в результате революции в сентябре 1919 года Сивасский конгресс “Müdâfaa-i hukuk cemiyetleri” («Обществ защиты прав») избрал руководящий орган войны за независимость – Представительный комитет во главе с Мустафой Кемалем. На этом же Сивасском конгрессе в 1919 году произошла консолидация политических сил и был сформирован Союз групп сопротивления и сообществ и против греческого вторжения в Анатолию, известный как “Anadolu ve Rumeli Müdâfaa-i Hukuk Cemiyeti” («Ассоциация защиты прав Анатолии и Румелии»). В результате их объединения была образована Народная партия, созданная первоначально как союз политических сил, ставивший свою цель как отстаивание интересов республики во время войны за независимость под предводительством Мустафы Кемала Ататюрка [8]. Новый избранный орган, Представительный комитет, 23 апреля 1920 года созвал в Анкаре Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), провозгласившее себя единственной законной властью в стране. Великое национальное собрание Турции приняло закон «Об основных организациях» 20 января 1921 года, который стал переходной конституцией и в котором содержалось 23 статьи,

провозгласившие национальный суверенитет, создание парламента, избираемого сроком на 2 года и ведающего вопросами войны и мира, законотворчества на основе норм ислама. При этом формально документ не отменял, а только дополнял Конституцию 1876 года [8]. Закон об отделении султаната от халифата и о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти вступил в силу 1 ноября 1922 года, а в октябре 1923 года было провозглашено официальное создание Турецкой Республики. В результате политических преобразований 9 августа 1923 года национальным лидером Турции Мустафой Кемалем Ататюрком союз политических сил «Народная партия» официально был преобразован в первую политическую партию в стране – Народную партию, а в 1924 году данная партия была переименована уже в Народно-республиканскую партию (Cumhuriyet Halk Partisi). Это партийное образование стало основным в политической системе Турции в межвоенный период, а первым руководителем партии стал сам турецкий лидер М.А. Ататюрк, а его заместителем – Исмет Иненю.

Провозглашенной Турецкой Республике потребовалась новая конституция, которая была составлена и ратифицирована 20 апреля 1924 года [5]. Именно данный документ заложил правовую основу структуры и функционирования государства – Турецкой Республики и ее парламентской системы. Конституция 1924 года провозглашала Турцию республикой и поставила страну на путь классического парламентского строя. Законодательные и исполнительные полномочия, а также контрольные функции в судебной сфере принадлежали ВНСТ, избираемому сроком на 4 года. В ведении ВНСТ также находились вопросы войны и мира, бюджета, ратификация международных договоров, чеканка монет, объявление амнистии, проведение судебных расследований, вопросы, связанные с исполнением высшей меры наказания. С целью предотвращения разгона парламента, по Конституции ВНСТ было запрещено прерывать свою деятельность более чем на полгода [9]. Депутатом нового парламента ВНСТ мог стать любой гражданин Турции, которому исполнилось 30 лет и который

не имел уголовного прошлого, мог читать и писать на турецком языке. Важность депутатского поста была значительной, именно из числа депутатов ВНСТ избирался президент Турции [16]. Одной из «шести стрел» Ататюрка, закрепленной в качестве государственной идеологии в данный период, был национализм (*milliyetçilik*), который определялся как идеал нации-государства. Еще в 1924 году в Конституции (ст. 88) была проведена разделительная линия между гражданством и национальностью: «Все жители страны, вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, объявлялись турками по гражданству» [5]. Такой национализм дистанцировался от этнонационализма и пантюркизма и представлял собой идеологию и практику построения нации в границах Турецкой Республики. В начале своего существования Турция сталкивалась с серьезными вызовами в отношении немусульманских по вероисповеданию меньшинств: греков, армян, айсоров и т.д. Как следствие, власти пошли на принципиальное отрицание полиэтничности страны и насаждение гражданской общенациональной идентичности всеми доступными средствами, включая широкое использование репрессивных и пропагандистских инструментов. Происходила замена нетурецких топонимов и имен собственных на тюркоязычные, вводился запрет обучения в школе на родном языке, закрывались национальные СМИ и т.п. [19].

Как указывает исследователь П.В. Шлыков, до 1950-х годов идеи кемализма и национализма охватывали в основном только городскую среду Турции. Провинции, сельские территории жили преимущественно в рамках традиционного, консервативного суннитского религиозного уклада. В 1950-х годах вследствие массовой эмиграции из деревни в города начинает происходить усиление влияния консервативных религиозных идей на городскую культуру. Ислам начал возвращаться не только в общественную жизнь людей, но и стал интегрироваться в государственную идеологию. Начался постепенный рост радикализма и экстремизма, основанного на национально-религиозных чувствах граждан [19].

Ислам стал рассматриваться военной элитой страны как фактор социальной стабильности и общественного объединения. Постепенно ислам становится одной из опор исламского национализма, а не его противником. Демократическая партия (ДП), пришедшая на смену Народно-республиканской партии (НРП), с 1950 по 1960 год также проводила достаточно авторитарную и жесткую политику, часто используя силовые методы для принятия решений, что вызвало глубокий политический и экономический кризис в стране. Вместо демократических свобод и либерализации экономики, экономическая политика Демократической партии была направлена на усиление государственного контроля, создание мощного государственного сектора предприятий в виде государственных экономических организаций (ГЭО). Конфликт между правящей ДП и главной оппозиционной партией, НРП, всё более обострялся. Отмечалась неспособность двух главных политических партий сотрудничать в парламенте – межджлисе фактически заблокировала работу законодательной власти [15].

Национально-политические группы и течения в государственном аппарате Турецкой Республики: политический плюрализм

Политико-экономический кризис в стране был разрешен первым в истории республики военным переворотом в мае 1960 года. Принятая в 1961 году новая Конституция Турции являлась самой демократической, она стала более буржуазной и открывала большее количество политических свобод для граждан, фактически закрепила существующую многопартийность в стране [6]. Это была «вторая республика», которая просуществовала 20 лет. Конституция 1961 года сделала политическую жизнь Турции более свободной и демократической, что вызвало создание новых политических сил в стране, прежде всего националистических. С середины 1960-х годов началось оформление радикальных политических течений – пантюркистов и исламистов – в собственные политические партии. Националистические идеи начинают пропагандировать как крайне левые, так и крайне правые политические силы. На крайне правом крыле появляются два политических

лидера Нихаль Атсыз и Алпарслан Тюркеш, которые пропагандировали взгляды пантюркизма и пантуранизма. Согласно данным идеологиям, все народы, говорящие на тюркских языках, можно объединить в одну единую нацию и в одно государство. С точки зрения пантюркизма таким государством должна была стать великая Турция. А с позиции пантуранистов, должно было возникнуть новое государственное образование под предводительством Турции – государство Туран, которое бы простиралось от Балканского полуострова до Средней Азии и Сибири [13].

Пантюркистские группы решили, что возникшая после принятия новой Конституции ситуация позволяет им создать собственную партию. В 1965 году А. Тюркеш и его ближайшие соратники установили контроль над Республиканской крестьянской национальной партией (РКНП; Cumhuriyetçi Köylü Millet Partisi). Из 14 членов бывшей радикальной группы 9 вошли в эту партию, вскоре было заменено руководство и лозунги партии, а во главе ее стал А. Тюркеш. Новая программа партии предусматривала создание «нового государственного порядка», особое внимание было уделено молодежи. Основой внешнеполитической доктрины РКНП было противостояние идеологии коммунизма и странам советского блока. В феврале 1969 года Республиканская крестьянская национальная партия была переименована в Партию националистического движения (ПНД; Milliyetçi Hareket Partisi) [14].

Активизируются в 1960-х годах и левые радикальные политические силы Турции. Хотя их и нельзя в полной мере было назвать националистическими, но определенные элементы национализма в их деятельности присутствовали. В 1960–1970-х годах левая идеология была представлена в Турции тремя течениями: левокемализмом в лице политического сообщества журнала “Yön”; сторонниками концепции «социалистической революции» (Рабочая партия Турции; Türkiye İşçi Partisi) и движением «Национально-демократическая революция» (НДР), главными представителями которого являлась группа бывших членов и руководителей Компартии во главе с Михри Белли. Из движения «Национально-демократической революции» возникли

все основные леворадикальные организации Турции [7]. Националистические взгляды этих трех левых политических движений проявились в том, что они резко осуждали сотрудничество Турции со странами НАТО и США. Данные политические объединения считали необходимым выход Турции из военно-политических блоков НАТО и СЕНТО и ликвидацию политической и экономической зависимости Турции от империалистических стран. Так же как и правые националисты, левые силы мечтали о создании сильного независимого государства, только уже на основе развития и внедрения идей социализма. Следует отметить, что на официальной политической арене левые партии не пользовались поддержкой и большой популярностью среди населения. Ко второй половине 1970-х годов многие левые организации перешли на полуподпольное существование [7].

Еще одним проявлением национализма в Турции в 1960–1970-х годах был сохраняющийся национализм этнических меньшинств в стране, среди которых идеи создания большого общего государства курдов на территориях Турции и соседних стран – Курдистана – были особенно популярны. В 1978 году была образована Рабочая партия Курдистана (Kürdistan İşçi Partisi), которая позиционировала себя как левая социалистическая партия, борющаяся за права этнического меньшинства страны – курдов. Легальная деятельность партии продлилась всего 2 года до 1980 года, после чего она была объявлена экстремистской и запрещенной на территории Турции [19].

В 1960–1970-х годах в турецком государстве наблюдается значимый подъем идей национализма применительно к самым разным политическим силам, партиям и идеологиям. Создание многих гражданских свобод по Конституции 1961 года дало возможность официального оформления в Турции многим националистическим политическим силам и организациям. Подъем националистических идей был вызван во многом слабостью существующей партийной системы Турции, которая фактически была представлена оппозиционной Народно-республиканской партией и Партией справедливости. При этом Партию справедливости считают фактической

наследницей Демократической партии, распущенной в 1960 году. Несмотря на то что националистические политические партии и организации занимали очень скромное место в парламенте и по результатам выборов не являлись серьезной политической силой в стране, в обществе, среди рабочих, студентов, сельских жителей, идеи национализма получают все большее принятие и распространение. Исследователь Л.В. Савинов отмечал, что к концу 1970-х годов в Турции сложилось несколько направлений национализма: государственный национализм (ататюркизм); левый, или общинный, национализм; этнический национализм (тюркизм, пантюркизм); либеральный (нео)национализм (вестернизм); исламский национализм [11].

Партия националистического движения (ПНД) в политико-правовом пространстве Турецкой Республики

Партия Националистического движения была создана в 1969 году, ее можно отнести к проявлению именно этнического национализма в Турции. За основу своей идеологии партией были взяты идеи пантюркизма и праворадикальной идеи «третьего пути». В 1965 году лидер движения Алпарслан Тюркеш представил так называемую «Доктрину девяти лучей», включавшую девять идеологических основ нового политического движения: национализм, идеализм, коллективизм, аграризм (преимущество земледелия и сельского уклада жизни перед промышленностью и городским образом жизни), сциентизм (принцип, основанный на абсолютизации роли науки в обществе; опора на культурное развитие), народность, индустриализм, свобода и прогресс [2].

Националистические идеи проявлялись у ПНД в том, что партия отвергала всякую территориальную и политическую автономию в Турции, выступала за сохранение унитарного государственно-территориального устройства и нерушимость границ Турции. Важное место в партийной доктрине националистического движения занимают идеи тюркского единства: ПНД выступала за объединение тюркского мира (государств и народов, говорящих на тюркских языках) под эгидой Турции. В одном из выступлений Алпарслан

Тюркеша отметил: «Мы должны восстановить турецкую нацию, чтобы осуществить наше национальное развитие и сделать каждого турка свободным. Мы будем сплетать узы, основанные на взаимной любви и уважении среди наших граждан, независимо от партии, секты, расы или региона» [1]. Достаточно важным вопросом, который касался национальности, было отношение ПНД к туркам, которые проживали за пределами турецкого государства, например в северной части острова Кипр. Лидер партии А. Тюркеш выступал за любую помощь и поддержание связей Турции с этническими турками, живущими в других странах.

Идеология «третьего пути» заключается в том, что партия националистического движения отвергала два «классических пути развития страны». Она выступала с критикой существующей политики сближения с Западом, странами Европы и США. Данные регионы были названы странами – западными империалистами, но при этом партия активно выступала и против коммунистических идей в интерпретации СССР или Китая. Идеология ПНД предполагала, что Советский Союз удерживает у себя часть «братских турецких стран», проводя свою национальную политику [2]. По мнению руководства партии, и западный капитализм, и коммунизм были иностранными идеологиями, поэтому они чужды турецкой нации. Идеолог партии Альпарслан Тюркеш в качестве альтернативы предлагал особый путь развития – турецкий национализм. Представители националистического движения обвиняли официальную власть в излишней слабости и мягкости и видели свою миссию в объединении турецкого государства и защите молодежи [2]. После образования ПНД стала флагманом националистического движения в Турции и выступала за широкое развитие частной коммерческой инициативы, считая частную собственность одной из основ развития государства. Вопросы собственности были одними из многих оснований столкновения взглядов ПНД с коммунистическими идеями. Алпарслан Турке полагал: «В коммунистических системах люди находятся в плену, потому что

они не могут владеть собственностью. Собственность – единственная гарантия свободы» [1].

При этом конфессиональная составляющая также не была доминирующей в идеологии ПНД, но при этом партия не отрицала ислам. Лидер партии так высказывался о значении религии в жизни страны: «Турецкость – наше тело, ислам – наша душа. Тело без души становится трупом» [1]. Лидер партии А. Тюркеш в качестве приверженности религиозному аспекту в идеологии движения совершил показательный хадж в Мекку – священный город для мусульман. Политическое объединение, давшее начало турецкому национализму, провозгласило себя основной партией. Вместе с этим многие идеи партии встретили понимание у турецких крестьян, мелкой городской буржуазии и молодежи страны. Партия была организована достаточно централизованно и сформировалась из провинциальных организаций, которые в свою очередь делились на окружные, а высшим органом ПНД объявлялся Великий конгресс. К середине 1970-х годов популярность партии и ее лидера в турецком обществе росла, а сам Алпарслан Тюркеш в 1975–1978 годах занимал правительственный пост вице-преьера в правительстве Сулеймана Демиреля, вместе с ним в Кабинет министров вошли еще пять представителей от ПНД. Фактически в конце 1970-х годов в парламенте Турции сформировался такой коалиционный блок, состоящий из ПНД, консервативной Партии справедливости во главе с С. Демирелем и исламистской Партии национального благоденствия, которая исповедовала религиозный национализм. Данный коалиционный блок всё активнее расправлялся с левыми и оппозиционными партиями [13].

Таким образом, в 1950–1970-х годах в Турецкой Республике была создана многопартийная система, что способствовало появлению и расцвету различных политических объединений, в том числе и националистических. Однако механизм эффективного взаимодействия, демократической конкуренции между этими политическими партиями еще не сложился, что вылилось в многочисленные политические и общественные столкновения в

стране. В данный период происходит формирование первой ярко выраженной националистической партии в стране – Партии националистического движения, которая в 1970-х годах постепенно укрепляет свои позиции как в правительстве и парламенте, так и среди самых широких слоев общества. Острейший политический кризис проявился в столкновении крайне правых националистов, коммунистов, представителей ислама и сепаратистов, в результате чего за период с 1971 по 1980 год в Турции сменилось 10 слабых коалиционных правительств. Вместе с этим стычки происходили на улицах во время общественных акций и приводили к человеческим жертвам. Общее количество погибших в результате столкновения левых и правых сил за период 1978–1980 годов оценивается в 5 241 человека [14].

«Перезагрузка» идеолого-политического ареала Турецкой Республики и формирование курса государственного развития в 1980–2018 годах

Среди военных сил Турции стало расти острейшее недовольство слабостью гражданского правительства страны, и в ночь на 12 сентября 1980 года высшие военные чины Турции под руководством генерала Кенана Эврена совершили государственный переворот, в результате которого аресту подвергся премьер-министр Сулейман Демирель, а также руководители всех парламентских партий Турции, включая главу Партии националистического движения Алпарслана Тюркеша. В дальнейшем под стражу были взяты и все депутаты парламента, а сам меджлис и правительство были официально распущены. Власть в стране перешла к военному органу управления – Совету национальной безопасности – под руководством генерала Кенана Эврена [20].

Военные провозгласили свою приверженность националистическим идеалам Турции и верность заветам К. Ататюрка с целью сохранения системы единства страны и нации, обеспечения правопорядка и безопасности жизни и имущества граждан, их прав и свобод, беспристрастного восстановления авторитета государства. По итогам этого 29 апреля 1981 года Партия националистического движения предстала перед судом по обвинению в

политических преступлениях против государства: их обвиняли в подстрекательстве к гражданской войне, беспорядкам, а также убийстве около 600 человек. На скамье подсудимых оказалось 587 членов Партии националистического движения, среди которых были как руководство партии, так и члены националистического движения, а также многие молодые сторонники. По решению суда Алпарслан Тюркеш, председатель партии, около 4,5 лет провел под стражей, а принятый 16 октября 1981 года военным руководством Турции «Закон о запрете политических партий в стране» создал условия для перехода ПНД на подпольное, нелегальное положение [14].

В 1983 году в связи с относительной стабилизацией общественной обстановки в Турции политические партии возвращаются в правовое пространство страны и члены ПНД решают возродить политическую структуру, но уже под другим именем. В результате этого 7 июля 1983 года бывшие представители националистического движения основали Консервативную партию (Refah Partisi), а уже 30 ноября 1985 года на первом большом конгрессе в Анкаре переименовали движение в Национальную партию труда (Milliyetçi Çalışma Partisi). В это же время был освобожден из под стражи лидер националистического движения страны Алпарслан Туркеш. Партия сменила эмблему и вместо старой «Платан на подъеме в Турции» была выбрана другая: красный фон с белым полумесяцем и девятью звездами вокруг него [13]. Активизация националистического движения, его столкновение с левыми силами, коммунистами не способствовали стабилизации и устойчивости политической системы страны. Кризис конца 1970-х годов стал угрожать основам государственности Турции и привел к многочисленным человеческим жертвам, а военный переворот 1980 года в данных условиях стал способом остановить политический кризис и возможную деградацию страны. При том, что политическое движение и партийное руководство провели структурные изменения, националистическая партия не была допущена к участия в выборах ни в 1983 году, ни в 1987 году. Выборы 1991 года для Партии националистического движения (которая тогда

называлась Националистической партией труда) прошли неоднозначно, так как в них она участвовала совместно с правой Партией благоденствия Неджметтина Эрбакана и Партией реформисткой демократии. Коалиция трех политических групп набрала 16,9 % голосов, получив 62 места в парламенте – Национальном собрании. Но после выборов 19 депутатов покинули ПНД, 3 депутата вышли из Партии благоденствия. Тем не менее важным фактором по итогам результатов выборов 1991 года стало возвращение в политическую жизнь страны лидера националистического движения Турции Альпарслана Тюркеша [17].

В 1993 году Националистическая партия труда возвращает себе старое историческое название, эмблемой партии становятся три белых полумесяца на красном фоне. На всеобщих выборах 1995 года ПНД набирает всего 8,2 % голосов избирателей и не проходит установленный 10-процентный барьер, не получив депутатских кресел в парламенте страны, а уже через два года в 1997 году умирает основатель и лидер партии Альпарслан Тюркеш, и на конгрессе новым лидером националистического движения был избран Девлет Бахчели [3].

На выборы 1999 года Партия националистического движения пошла с обновленной политической программой, и по итогам подсчета голосов ПНД набрала 17,98 % голосов избирателей и получила 129 мест в национальном парламенте [3]. После выборов 1999 года ПНД стала второй политической партией по представительству в парламенте после Демократической левой партии. Ее успех был обусловлен ростом националистических настроений в Турции.

Во внешнеполитической повестке страна переживала сложный период отношений с Европейским союзом, заявку на вступление в который Турция подала еще в 1987 году, при этом непростыми были и отношения с США в рамках НАТО. Электорат Турции считал, что страна чрезмерно «заискивает» перед мировыми лидерами Европы и Америки и необходимо проводить более самостоятельную и независимую внешнюю политику. В этот период ПНД

начинает искать единомышленников и с 6 ноября 2000 года сближается с премьер-министром Бюлентом Энджевитом, в результате чего была образована шестая правящая коалиция в парламенте [12].

Выборы 1999 года стали наиболее успешными в новой истории Партии националистического движения, но серьезная болезнь Бюлента Энджевита вызвала новый политический кризис. Распад парламентской коалиции привел к досрочным выборам в парламент в ноябре 2002 года, на которых Партия националистического движения не смогла пройти в парламент с результатом в 8,4 % голосов вместо необходимых 10 %.

В начале 2000-х годов Партия националистического движения резко критиковала турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана и его консервативно-исламистскую Партию справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi) за расточительную финансовую политику, внешнеполитическую оглядку на США, недостаточно решительную поддержку «арабской весны» вплоть до того, что между Бахчели и Эрдоганом часто наблюдались политические прения [10]. На всеобщих парламентских выборах 2007 года ПНД смогла преодолеть необходимый 10 % барьер, и, набрав 14,29 % голосов избирателей, парламентская группа из 71 депутата была восстановлена в Великом национальном собрании Турции. В 2011 году ПНД по-прежнему оставалась достаточно популярной среди избирателей и набрала на всеобщих выборах 14,27 % голосов, получив 53 депутатских кресла, а на всеобщих парламентских выборах в Турции в июне 2015 года Партия националистического движения набрала 16,29 % голосов и получила уже 80 мест в парламенте страны [3]. В период 1990–2000-х годов ПНД позиционировала себя как оппозиционная действующему правительству ПСР партия. Она критиковала правительство страны за коррупцию, авторитаризм и сближение с курдами. Однако после неудачной попытки государственного переворота 15 июня 2016 года, ставшего причиной многочисленных жертв среди гражданского населения, начинается новый этап развития ПНД и ее постепенное сближение с Партией справедливости и развития. В результате

расследования было официально объявлено о внешнем вмешательстве в политическую жизнь страны и военном заговоре террористической группы сторонников Гюлена, поддерживаемого правительством США. Турецкая Республика неоднократно требовала экстрадиции лидера группировки ФЕТО, проповедника Ф. Гюлена, но получала отказ. В результате чего были пересмотрены концепции взаимоотношений с США и рядом европейских стран, а коалиция ПСР–ПНД стала всерьез рассматривать пути диверсификации экономики и переоценки политических ориентиров во внешней политике. На выборах 2018 года ПНД приняла решение не выставлять своего кандидата, а поддержала кандидатуру Р. Эрдогана на пост главы государства, а на парламентских выборах 2018 года получила 11,1 % голосов избирателей и 49 мест в парламенте [10].

В целом стоит отметить, что Партия националистического движения является системным образованием и обладает достаточно сложной и развитой структурой, возглавляемой председателем, который избирается общим партийным собранием – Большим конгрессом партии, формально являющимся высшим руководящим органом партийной структуры, и утверждает Устав и программы партии с периодичностью раз в три года [4]. В 1990–2000-х годах, после периода ослабления 1980-х годов, Партия националистического движения вновь становится значимой политической силой страны, проходит в парламент, оставаясь приверженцем крайне правых политических взглядов, выступая за усиление турецкой государственности, при этом оставаясь скептически настроенной к интеграции Турции с Европейским союзом, а также борется с сепаратистскими движениями в стране. Вместе с этим, как отмечают исследователи Р.Н. Шангараев, Н.В. Поспелов, распад Советского Союза и провозглашение России в качестве его правопреемницы в конце декабря 1991 года не только послужили фактором возникновения нового мирового порядка, но и стерли разногласия и претензии ПНД относительно вопроса тюркских народов в Советском Союзе,

позволив выстраивать двусторонние отношения с Центральной Азией и пересмотреть векторы взаимодействия Анкары и Москвы [17].

Попытка государственного переворота 2016 года в Турции оттолкнула правящие силы Партии справедливости и развития Эрдогана от прозападной политики и позволила сблизиться с ПНД, в результате чего сформировалась прочная политическая коалиция «Республиканский союз» (Cumhur İttifakı). Несмотря на скромные результаты на муниципальных выборах, вызванных во многом экономическими проблемами и сложностями, коалиция ПСР и ПНД продолжает составлять парламентское большинство в Национальном собрании Турции.

Список литературы

1. Başbuğ Alparslan Türkeş özlü sözleri (Краткие высказывания Басбуга Алпарслана Тюркеша) [Электронный ресурс] / Сайт Партии националистического движения. - Режим доступа: http://www.mhp.org.tr/htmldocs/basbug/ozlu/mhp/basbugumuzun_ozlu_sozleri.html, свободный. - Проверено 14.05.2022
2. Değerli devlet adamı rahmetli Alparslan Türkeş'in ardından (Государственные ценности деятельности Алпарслана Тюркеша) [Электронный ресурс] / Сайт Партии националистического движения. - Режим доступа: http://www.mhp.org.tr/htmldocs/basbug/ardindan/mhp/basbugun_ardindan.html, свободный. - Проверено: 14.05.2022
3. Tarih Giriş ve Kısa Özet (История. Введение и краткое изложение) [Электронный ресурс] / сайт партии НРП - Режим доступа: <https://chp.org.tr/chp-tarihi>, свободный. - Проверено: 14.05.2022
4. Milliyetçi Hareketin Parti kadroları (Кадры партии националистического движения) [Электронный ресурс] / Сайт Партии националистического движения. – Режим доступа: https://mhp.org.tr/htmldocs/kadrolar/mhp_kadrolari/mhp/Milliyetci_Hareket_Partisi.html, свободный. - Проверено 14.05.2022
5. Teşkilat Esasiye Kanunu №491. 20.04.1924 (Конституция Турецкой Республики № 491. 20.04.1924) [Электронный ресурс] / Конституционный суд Турецкой Республики. - Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110826235341/http://www.anayasa.gov.tr/index.php?l=template&id=20&lang=0>, свободный. - Проверено: 14.05.2022
6. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası, №334. 07.09.1961 (Конституция Турецкой Республики, № 334. 07.09.1961) [Электронный ресурс] / Конституционный суд Турецкой Республики. - Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110826235336/http://www.anayasa.gov.tr/index.php?l=template&id=19&lang=0>, свободный. - Проверено 14.05.2022

7. Йанлик, Л. Левые партии и движения Турции 1960–1970-х годов и их отношение к вооруженным формам борьбы / Йанлик, Л. //Новая и новейшая история. - 2018. - №6. - С.89-106.
8. Косенко, Д. С. Эволюция турецкого парламентаризма по Конституциям 1876, 1921 и 1924 годов / Д. С. Косенко //Черноморский чтения: труды III Международной научной исторической конференции. – 2016. – С. 265-272.
9. Михеев В. Сравнительная характеристика конституций Турции // Турецкий клуб МГИМО / https://mgimotc.ucoz.ru/stuff/politicheskaja_sistema_turcii/politicheskaja_sistema/sravnitel'naja_kharakteristika_konstitucij_turcii/4-1-0-3429, свободный. - Проверено: 14.05.2022
10. Нечаева, Л. Суперпрезидентская система Р.Т. Эрдогана: куда движется Турция? / Л. Нечаева //Русская политология. – 2020. – №. 3 (16). – С. 54-60.
11. Савинов, Л.В. Национальный вопрос в Турции / Л.В. Савинов //Федерализм. -2012.- №2. - С. 135-146.
12. Создание многопартийной системы в Турции. Особенности ее функционирования [Электронный ресурс] / Турецкий клуб МГИМО. - Режим доступа: https://mgimotc.ucoz.ru/stuff/istorija/istorija/sozdanie_mnogopartijnoj_sistemy_v_turcii_osobennosti_ee_funkcionirovanija/2-1-0-17, свободный. - Проверено: 14.05.2022
13. Товсултанов, Р.А. Партия национального движения и сторонники политического ислама в Турции во второй половине XX - начале XXI века / Р.А. Товсултанов, М.Ш. Товсултанова, Л.Н. Галимова // Самарский научный вестник. - 2021. - №10. - С. 193-197.
14. Товсултанова, М. Ш. Политический кризис в Турции 1970-х гг. и военный переворот 12 сентября 1980 года / М.Ш. Товсултанова, Р.А. Товсултанов, Л.Н. Галимова //Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9. – №. 3. – С. 234-238.
15. Хасанов, Р. Ш. Трансформация партийной системы современной Турции / Р. Ш. Хасанов //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2017. – Т. 13. – №. 1. – С. 56-69.
16. Хасанов, Р. Ш. Стабильность и изменения в партийной системе турецкой республики / Р. Ш. Хасанов //Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №. 8. – С. 31-34.
17. Шангараев Р.Н., Пospelов Н.В. Россия и Турция: исторические особенности взаимодействия и перспективы сотрудничества // История и современное мировоззрение. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-turtsiya-istoricheskie-osobennosti-vzaimodeystviya-i-perspektivy-sotrudnichestva> (дата обращения: 23.05.2024).
18. Шлыков, В. И. Идеологическая эволюция турецкого национализма: феномен Партии националистического движения / В.И. Шлыков //Ломоносовские чтения. Востоковедение. – 2016. – С. 74-78.
19. Шлыков, П.В. Турецкий национализм в XX веке: поиски национальной идентичности /П.В. Шлыков // Вопросы национализма. - 2011.- №1 (5), 2011.- С. 135-155.

20. Ягудин, Б. М. Государственный переворот 12 сентября 1980 г. в Турции / Б.М. Ягудин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – №. 1. – С. 207-213.
21. Исхаков А.С., Шангараев Р.Н. "Мягкая сила" Турции в странах СНГ // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 160-178.
22. Нафиков И.З., Шангараев Р.Н. Балканский вектор во внешней политике Турции: исторические предпосылки региональной интеграции // Вестник ученых-международников. 2023. № 4 (26). С. 119-135.
23. Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Геостратегические перспективы Турции в евразийской интеграции стран Центральной Азии // Вестник ученых-международников. 2024. № 2 (28). С. 11-18.

Гребенкина Елена Владимировна,

эксперт Института актуальных международных проблем,

Дипломатическая академия МИД России,

e-mail: grebenkina-2017@list.ru

Elena V. Grebenkina,

Expert of the Institute for Contemporary International Studies,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

e-mail: grebenkina-2017@list.ru

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В 2000-2016 ГГ.

VALUES OF RUSSIAN SOCIETY AND STATE AS THE BASICS OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN 2000-2016

Аннотация: в статье рассматриваются понятие «ценности», которое часто используется в стратегических документах политики России, и основные ценности российского общества и государства, проблема защиты которых становится целью внешней политики России на ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика России, ценности и интересы, основные ценности российского общества и государства, традиционные ценности.

Abstract: the article considers definition of value, which is frequently used in the main statements of Russian strategic documents. It also examines the core values of Russian society and state, protection of which becomes an important goal of Russian foreign policy for the next decades.

Keywords: Russia, Russian foreign policy, values and interests, core values of Russian society and state, traditional values.

Введение

Ценности, как и интересы, имеют основополагающее значение для определения ключевых целей и задач внешней политики. Кроме того, в настоящее время ценности становятся всё более распространённым понятием во внутренней и внешней политике России, особенно в сочетании с традициями. Поэтому важно рассмотреть понятие «ценности» и проанализировать предпосылки к появлению этой тенденции, сформировавшиеся в 2000–2016 годах, к которым можно отнести воздействие ценностного кризиса после распада СССР, изменения базовых ценностей в

представлениях общества и отражение смены ценностных ориентиров в основных документах внешней политики государства.

Что представляет собой ценность?

В научной литературе, в политологии, социологии, философии и психологии, присутствует множество определений ценности, однако общее понимание этого понятия отсутствует. Согласно философскому определению ценность – это одно из ключевых понятий, означающее глубинные аспекты структуры личности, связанные с ее намерениями и целеполаганием на основе благ и целей, а также общность аспектов будущего, настоящего и прошлого, входящих во внутренний мир человека [14]. Тем не менее считать ценность только частью внутреннего мира человека ошибочно, поскольку ценность обозначает нечто значимое и идеальное, признаваемое многими людьми в различные времена и эпохи, а значит, выходящее и за пределы индивидуального сознания, и за пределы реальности. Поэтому **ценностью** следует считать идеальный объект из сферы должного, служащий основанием для постановки целей и действий личности, для оценок и ориентиров действительности, формирования культуры и идентичности общества, а также принципов деятельности, в том числе политической.

Ценностями индивидуального уровня бытия считаются такие базовые ценности, как жизнь, любовь, истина, добро, красота [1, с. 130–210], которые также являются и всеобщими (общечеловеческими) ценностями. Оценки индивида формируются по мере приобретения воспитания, образования и в процессе познания в целом, а также на основе ценностей и оценок, свойственных историческим особенностям конкретной эпохи, обществу и культуре. Культура, в свою очередь, включает в себя множество ценностных элементов, образующих идентичность того или иного народа и определяющих поведение, стремление, предпочтения людей [8, с. 48] и принадлежность к цивилизации как к наивысшей форме культурной идентичности [11, с. 34]. Ценности могут иметь как устойчивый, так и переменный характер, когда

происходит их переоценка или изменение условий среды, особенно в условиях ценностных кризисов, меняющих системы ценностей человека и общества.

Погружение в кризис ценностей

Наиболее драматичным ценностным кризисом, безусловно, явился распад СССР, который негативно повлиял на российское общество и последствия которого ощущаются до сих пор. Исследователи отмечают несколько важных характеристик, описывающих сложившуюся к 2000 году ситуацию.

Во-первых, ценностный кризис проявлялся в разрушении систем ценностей: православной в советское время и советской в 1990-е годы. Кроме того, разрушительная экономическая политика 1990-х годов усилила социальное неравенство, а вместо «мирного сосуществования» народов СССР происходило развитие националистических настроений [12, с. 94–95]. На этом фоне происходило постепенное возвращение к православию и другим системам религиозных ценностей, однако общая ценностная основа была намечена в Конституции, где присутствуют абсолютные ценности (справедливость, добро, мир, согласие), исторически сложившиеся и традиционные ценности русского и советского общества (память предков, семья, Родина), а также ряд западных либеральных ценностей (права и свободы, равенство, принцип разделения властей, демократия и др.) [3, с. 3–8], но для консолидации общества этих ценностей было недостаточно.

Во-вторых, новая система ценностей была «случайно построенной» на основе заимствованных западных демократических ценностей, передающихся от элиты к народу в «путанной и неясной форме», а начавшееся объединение разных слоев общества, как отмечает Е.Б. Шестопал, происходило вокруг президента, а не на основе консенсуса ценностей, общих для всех [13, с. 92–93]. Поэтому по-прежнему сохранялся запрос общества на такие ценности, которые были бы общепризнанными и исторически близкими для народа, и в последующие годы государство их формулирует в основных документах. Несмотря на проводимый курс на сближение с Западом и заимствование западных ценностей, России пришлось столкнуться с его растущими

экспансионистскими амбициями. Поэтому в 2000 году государством были намечены такие ценности, как безопасность, суверенитет и престиж на международной арене [12, с. 93–94], которые в дальнейшем дополнялись и развивались в концепциях внешней политики.

В-третьих, возникла проблема новой идентичности россиян: вместо советской и постсоветской идентичности должно было возникнуть новое самосознание. Тем не менее в конце 1990-х – начале 2000-х годов на первом плане стояли политические, экономические и социальные проблемы, из-за чего возник запрос общества на стабильность политической и социально-экономической сфер, а процесс формирования новой российской идентичности затянулся на долгие годы. В целом все перечисленные выше факторы сформировали тенденцию к поиску устойчивых ориентиров со стороны общества и государства.

Общество в поисках ориентиров

О динамике ценностей российского общества свидетельствуют данные социологических опросов. К 2000 году, на основе данных всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS), ключевыми ценностями (в порядке убывания значимости) для россиян являлись: семья; работа; друзья, знакомые; свободное время; религия; политика. В это время в обществе преобладали «ценности выживания», когда помимо ценностей семейного благополучия была высока роль материальных и экономических факторов [2, с. 51–52]. В исследовании ценностей отразились и другие симптомы сложной общественно-политической обстановки, такие как крайне низкий показатель доверия государственным институтам и органам власти, низкие показатели доверия в обществе, участия граждан в общественных организациях и удовлетворенности жизнью. Однако в это же время сохраняется высокий уровень доверия по отношению к армии, церкви и системе образования, уровень религиозности составлял 50 %, и, несмотря на трудности, уровень оптимизма составлял 49 % [2, с. 55], что свидетельствует о приверженности традиционным социальным институтам, свойственным России во многие

исторические периоды, и сохранению надежды на перемены к лучшему. Также отмечается апатия по отношению к политической жизни и партиям, неоднозначное отношение к демократии, сохранившееся и в дальнейшем.

В 2000-е годы, по мере преодоления политического и экономического кризиса, ситуация начала постепенно улучшаться. По данным WVS за 2006 и 2011 годы, основные ценности россиян остались прежними, однако фактор работы сместился со второго на третье место, а фактор «друзья, знакомые» – с третьего на второе [15; 16], что указывает на улучшение социально-экономических условий в стране. С 2006 по 2011 год выросло и количество людей всех возрастов, считающих себя счастливыми. Высокий уровень недоверия в обществе и нежелание граждан участвовать в различных общественных объединениях сохраняются, равно как и невысокий интерес к политике и религии. Вместе с тем изменился и выбор приоритетов для страны: если в 2006 году к ним относили экономическую стабильность и армию [15], то в 2011 году – экономический рост, возможности участия в принятии локальных решений и армию [16], что свидетельствует об улучшении ситуации в экономике, социальной сфере и международной обстановке.

Таким образом, по результатам социологических исследований можно сделать вывод, что ключевые ценности российского общества отличаются постоянством, но их приоритет меняется в зависимости от изменения общественно-политической и экономической ситуации.

От ценностей общества к ценностям государства

Постепенно запросы общества на ценности и ценностные аспекты начали отражаться во многих основополагающих документах. Кроме того, со временем возник и запрос государства на такие ценности, которые бы, с одной стороны, отражали наиболее значимые идеалы российского общества, его культуры, истории и цивилизации, а с другой – были бы общими для многих стран и народов, что помогло бы стране позиционировать себя как проводника этих ценностей и находить союзников на международной арене.

Во внутренней политике ценностные элементы содержатся в положениях Конституции (1993 года и в поздних редакциях), где отражены многие из базовых ценностей российского общества, Концепции (2000) и стратегиях национальной безопасности (2009, 2015), Основах культурной политики (2014). В последнем документе вводится понятие **«традиционные духовно-нравственные ценности»**, означающее совокупность ценностей, духовных и нравственных норм, традиций, обычаев и образцов поведения, характерных для российской цивилизации [10], которые входят в общероссийскую идентичность, а защита таких ценностей становится национальным приоритетом [9]. Тем не менее в документах внешней политики этот термин появляется только в 2023 году.

В концепциях внешней политики (КВП) 2000, 2008 и 2013 годов в качестве высшего приоритета указывается «защита интересов личности, общества и государства» [4; 7; 5], в то время как в КВП 2016 года главная цель обозначена более масштабно: реализация «национальных интересов и национальных стратегических приоритетов» [6]. Тем не менее достижению этих интересов должны были способствовать цели и задачи, общие для всех четырех концепций, в которых отражены и основные ценности:

- обеспечение безопасности страны, ее суверенитета, территориальной целостности и укрепление позиции России в мире;
- формирование стабильного, справедливого и демократического мирового порядка;
- создание благоприятных условий на международной арене для устойчивого внутреннего развития страны;
- добрососедские отношения с ближайшими странами;
- поиск консенсуса и совпадающих интересов с зарубежными странами и организациями для реализации интересов России;
- защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом;

— распространение русского языка, культуры и благоприятного образа России за рубежом [4; 7; 5; 6].

Эти цели дополняются и другими важными аспектами, содержащими ценностную основу внешней политики: многополярное мироустройство, уважение принципов Устава ООН и международного права и многие другие.

Следует заметить, что в концепциях отражается изменение отношения к ценностям на международной арене, прежде всего западным. Если в КВП 2000 года признается ориентация большинства государств на рыночную экономику и демократические ценности [4], то в КВП 2008 года говорится о глобальной конкуренции «между различными ценностными ориентирами и моделями развития» в рамках демократии и рыночной экономики (хотя они и считаются «универсальными принципами»), о культурно-цивилизационном многообразии мира, об усилении роли религиозного фактора и о поиске «общего нравственного знаменателя» мировых религий для формирования международной системы [7]. В Концепции 2013 года и Концепции 2016 года эти идеи повторяются, однако уточняется, что к общим ценностям относятся «стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие» [5; 6]. Подлинно универсальными ценностями, исходя из текста концепций, могут стать ценности морального и нравственного фундамента мировых религий. Такой подход, сочетающий сохранение ключевых ценностей российского общества и опору на общие ценности для диалога с другими странами, народами и цивилизациями, стал одним из наиболее перспективных в условиях формирования многополярного мира.

Дальнейшее развитие ценностных аспектов и их перспективы

Таким образом, период 2000–2016 годов в российском обществе и государстве можно охарактеризовать как процесс преодоления ценностного кризиса, в ходе которого происходило восстановление системы ценностей и постепенное возвращение к исторически сложившимся ценностям и идеалам, а также формирование новой российской идентичности. Документы

внутренней и внешней политики во многом сформировали основные векторы развития страны, среди которых к 2016 году особенно выделяется направление по сохранению базовых ценностей в условиях роста вызовов и угроз. Поэтому во внешнеполитических концепциях отразились и ценностные основы российского общества, и тенденция к их сохранению, и переосмысление принятых ранее западных и международных ценностей.

В дальнейшем эти ценностные аспекты укрепились в поправках к Конституции 2020 года, дополнивших список традиционных ценностей, защищаемых государством; в Концепции внешней политики 2023 года, где Россия позиционируется как государство-цивилизация, защищающая ключевые ценности как внутри страны, так и за рубежом, и в других документах. На международной арене эти ценности также востребованы, поскольку многие страны мирового большинства выступают за уважение и сохранение как своих ценностей, так и ценностей, общих для всего человечества. Вероятно, следующим шагом станет разработка ценностной политики, позволяющей объединить на международном уровне под «общим знаменателем» ценностей всё больше стран и народов, которые вместе сформируют общее видение будущего и будут к нему стремиться.

Список литературы

1. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии / Л. В. Баева. – М.: Прометей; МПГУ, 2003. – 240 с.
2. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества. // Полис. 2000. № 6. С. 51-65.
3. Конституция Российской Федерации [Публикуется с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ.]. – М.: Юридическая литература, 2009. – 64 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 28 июня 2000 г. / Электронный фонд правовых и

нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 30.03.2024).

5. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. № Пр-251. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

6. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. (Указ №640). / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 30.03.2024).

7. Концепция внешней политики Российской Федерации [Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. (№ Пр-1440)], 15.07.2008 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 30.03.2024).

8. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 880 с.

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». / Некоммерческая интернет-версия «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&dst=100014#kwYW81UITNuO3Gsc1> (дата обращения: 30.03.2024).

10. Указ Президента Российской Федерации об утверждении Основ государственной культурной политики от 24 декабря 2014 г. № 808. / Официальный сайт Правительства России. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201412250002.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. // Полис. 1994. №1. С. 33-48.

12. Цыганков А.П. Русские ценности и внешняя политика. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 93-96.

13. Шестопад Е.Б. Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. №2. С. 92-121.
14. Шохин В.К. Ценность. / Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт Философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2010. / Институт Философии РАН. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01018ece6b4d1aefc3392301> (дата обращения: 30.03.2024).
15. WVS wave 5 (2005-2008). Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). World Values Survey: Round Five – Country-Pooled Datafile Version. Madrid: JD Systems Institute. 2014. – URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp (дата обращения: 30.03.2024).
16. WVS wave 6 (2010-2014). Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile Version. Madrid: JD Systems Institute. 2014. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 30.03.2024).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Звягина Дарья Александровна,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
АНО «Содействие и развитие инноваций
в научно-производственной сфере»,
e-mail: d.zvyagina89@gmail.com

Daria A. Zvyagina,
PhD in political science, senior research assistant,
ANO «Promotion and development of innovations
in the scientific and production sphere»,
e-mail: d.zvyagina89@gmail.com

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ВОПРОСЫ ПРИМЕНИМОСТИ PROJECT MANAGEMENT IN INTERNATIONAL RELATIONS: APPLICABILITY ISSUES

Аннотация: в данной статье рассматривается применимость проектного управления в сфере международных отношений. Анализируются наиболее известные методы управления проектами с точки зрения их потенциальной применимости во внешнеполитической деятельности, а также исследуются проблемы использования проектного подхода в международных отношениях. Делается вывод о том, что проектный подход может быть успешен во внешней политике государства с некоторыми ограничениями.

Ключевые слова: проектное управление, международные отношения, дипломатия, методологии управления проектами.

Abstract: this article examines the applicability of project management in the field of international relations. The author analyzes the most well-known project management methodologies from the point of their potential applicability in foreign policy activities, and explores the problems of using the project approach in international relations. It is concluded that the project approach can be successful in the foreign policy with some limitations.

Key words: project management, international relations, diplomacy, project management methodologies.

В последнее десятилетие проектный подход стал весьма популярен в социальной, общественно-политической и культурной сферах деятельности государства. В его использовании видится путь снижения издержек бюрократического подхода, представляющего собой «неизменный

повторяющийся процесс, где иерархия, порядок, соответствие нормативной базе превалирует над результатом» [8, с. 141].

В данной статье анализируется применимость проектного подхода к международным отношениям. Начнем с определения понятий.

Что такое «проект»?

В одном из своих программных трудов, «Поэтике», Аристотель, описывая, что такое классическая пьеса, ввел правило трех единств, которым пьеса должна соответствовать: единство действия, места и времени.

Эти Аристотелевы единства вполне подходят и для ответа на вопрос, что такое проект. Каждый проект должен иметь единые и строго очерченные рамки, сроки и акторов. Разберем каждую из составляющих.

Рамки проекта. Прежде чем начать какой бы то ни было проект, важно определить, что конкретно мы хотим получить в итоге, какую проблему решаем. Контуры проекта, его основные требования должны быть неизменны на протяжении всего времени реализации. Нельзя начать проект по строительству дома и где-то на середине выяснить, что изменившиеся требования соответствуют конструкции подводной лодки. Такой проект обречен на провал.

Сроки проекта. Любой проект по своей сути конечен, он должен завершиться и достичь определенных в контурах проекта результатов. Если целью вашей деятельности является поддержание жизнедеятельности системы, это нельзя считать проектом, поскольку не наступит такого момента, когда вы закончите поддерживать систему. Сроки проекта содержат вехи или критические точки, по которым вы будете судить о прогрессе. Критические точки должны отличаться друг от друга и выстраиваться в цепочку действий, ведущую к моменту достижения результата. Если сроки цикличны и повторяются, это нельзя назвать проектом.

Акторы проекта. В данном пункте мы будем подразумевать как тех, для кого реализуется проект (заказчики или потребители), так и тех, кто реализует проект (исполнители, лица принимающие решения). Проектом нельзя назвать

деятельность, направленную «на всех». Необходимо понимать, для кого реализуется проект, чтобы не только адекватно представлять себе цель, но и иметь источник обратной связи. В противном случае ресурсы проекта могут быть потрачены впустую на то, что никому особо не нужно.

Когда эти три единства прояснены, формируются ресурсы, т.е. какими средствами этот проект будет реализовываться; риски, т.е. что может пойти не так на проекте и угрожать срывом; аудит, т.е. как будет отслеживаться успешность наших усилий.

Важно сказать несколько слов о программном документе для проектного управления. PMBOK (Project Management Body of Knowledge), свод методик, подходов, инструментов и техники по управлению проектами, был разработан еще в 1996 году, но с тех пор прошел шесть редакций. PMBOK разделен на десять областей знаний, которыми должен обладать руководитель проекта⁵. В PMBOK подчеркивается, что результат проекта должен быть уникален. Эта уникальность заключается не только в создании несуществующего ранее на рынке продукта или услуги, но и в удовлетворении насущных потребностей акторов.

Понятие «проект» и международные отношения

Теперь обратимся к применению проектного подхода в поле международных отношений, которые в классическом определении являются «совокупностью экономических, политических, культурных, военных, дипломатических и других связей и отношений между государствами, организациями и движениями, действующими на международной арене» [7, с. 24]. То есть международные отношения порождаются политиками государств и негосударственными акторами, направленными на друг друга. Идеи, концепции и решения, которые государства и негосударственные

⁵ Управление содержанием проекта; управление временем проекта; управление деньгами проекта; управление качеством проекта; управление заинтересованными сторонами проекта; управление коммуникациями проекта; управление ресурсами проекта; управление поставками проекта; управление рисками проекта; управление интеграцией проекта.

акторы реализуют в поле международных отношений составляют мировую политику.

Именно из-за того, что в международных отношениях действует огромное количество различных участников (государств, международных организаций и т. д.), сложно говорить о применимости здесь проектного управления, которое предполагает четкую цель, сроки, а также заинтересованные стороны. Поэтому видится, что проектное управление возможно скорее во внешней политике государства, а не в международных отношениях. Поскольку во внешней политике есть конкретный актер, который стремится к достижению своей цели в четко обозначенные сроки.

Таким образом, далее будет рассматриваться проектное управление во внешней политике государства, а также анализироваться основные методы управления проектами и насколько они применимы к внешнеполитической деятельности. Стоит сделать оговорку, что большинство современных методов управления было создано для разработки программного обеспечения, но в данной статье исследуются только те из них, которые потенциально могут использоваться за пределами сферы информационных технологий⁶.

Основные методы проектного управления

Начнем с Waterfall (англ. «водопад»). Это самая старая методология управления, она применяется с незапамятных времен. Здесь задачи проекта имеют заранее указанный и согласованный срок, создается и утверждается большое количество документации, а результат виден только в финале⁷. Waterfall подходит для высоко бюрократизированной среды, где любое действие должно быть заранее подробно описано и одобрено руководством. Однако в современном быстро меняющемся мире очевидным недостатком этой методологии является негибкость. Особенно это важно для деятельности

⁶ Такие методы, как XP (Экстремальное программирование), TDD (Test-Driven Development), FDD (Feature Driven Development), RUP (Rational Unified Process), также являющиеся частью подхода Agile, в данной статье не рассматриваются.

⁷ Отсюда и название: как в водопаде вода собирается наверху, а затем падает вниз всей массой, а не отдельными потоками.

государства на международной арене, где новые события могут полностью поменять повестку и проект, не способный быстро среагировать на изменение, станет неактуальным и, более того, убыточным из-за пустой траты ресурсов.

Подход, который был призван нивелировать риски Waterfall, пришел из сферы информационных технологий и был в 2001 году описан в «Манифесте гибкой разработки программного обеспечения». Agile (англ. «гибкий») появился как система ценностей, так сказать, философия гибкого подхода к проектному управлению. Agile сместил фокус с управления как такового на «людей, продукт и коммуникации» [1]. Главным отличием Agile от Waterfall стала его готовность и даже поощрение изменений. Проект, реализуемый по Agile, рассчитан на то, что в любой момент повестка/рынок/политика изменятся и нужно будет подстраиваться.

Под «зонтиком» Agile можно найти методы проектного управления, обеспечивающие это быстрое реагирование на перемены. Scrum (англ. «схватка»), фреймворк, в котором ценности Agile претворяются в жизнь, противопоставляет последовательности задач Waterfall итеративный подход, нацеленный на создание инкрементов. Инкремент – это маленький фрагмент проекта, который полностью завершен в определенный небольшой период времени (спринт, как правило, две недели) и готов к использованию. Итерационный подход позволяет, во-первых, видеть непрерывное формирование результата, во-вторых, оперативно получать обратную связь от того, кто является потребителем эффектов проекта. Стоит отметить, что Scrum предполагает специфические практики и ритуалы (ежедневные короткие встречи, планирования и обзоры спринта, ретроспективы спринтов), а также роли на проекте. Именно эта жесткость Scrum привела к тому, что всё больше проектов используют только элементы Scrum и объединяют его с другими практиками.

Kanban (яп. «рекламный щит, вывеска») – следующий метод из семьи Agile, который в последнее время всё чаще от нее обособляется. Идея данного метода пришла из Японии, где проблема многолюдности туристов в

императорском саду была решена через принцип «пока предыдущий посетитель не выйдет, новый не войдет». Так, Kanban предполагает визуализацию потока работы над проектом, где в реализацию берется столько задач, сколько могут занять высвободившиеся места.

Метод критического пути применяется как в Waterfall, так и в Agile, и представляет собой цепочку задач, которые нужно выполнить в строгой последовательности, чтобы получить результат. Этот метод позволяет определить критичные для проекта задачи и сфокусироваться на снижении рисков по срыву их сроков, а также четко представлять взаимосвязь этапов. Очевидным минусом метода критического пути является его неприменимость к масштабным проектам, где большинство задач реализуются параллельно и лишь косвенно связаны между собой. Поэтому данный метод предпочтительно использовать локально, внутри подэтапа проекта или для декомпозиции большой задачи.

Еще одной методологией управления проектами служит PRINCE2 (Проекты в контролируемых средах; Projects In Controlled Environments), разработанная в 1990-х годах при поддержке правительства Великобритании. PRINCE2 делает акцент на контроле над затратами и рисками проекта, реализуемом через 7 принципов, 7 тем и 7 процессов⁸. Методология предлагает шаблоны проектных документов, которые покрывают все стадии проекта и позволяют более прозрачно следить за разными этапами и их задачами.

Проектный подход и международные отношения

Перейдем к оценке применимости проектного подхода в международных отношениях. Стоит отметить, что Agile в целом синонимичен внешнеполитической деятельности, в особенности дипломатии. Как точно подмечали теоретики и практики дипломатии, внешнеполитическая цель государства всегда распадается на множество частных задач, которые, с одной

⁸ См. подробнее о специфике и применении PRINCE2: <https://www.prince2.com/eur/what-is-prince2>

стороны, критичны для достижения ожидаемого результата, а с другой – ценны сами по себе. Например, если цель государства (Катар) – увеличить свою значимость в регионе, в качестве инструмента может быть выбрано использование публичной дипломатии, в частности новостных каналов («Аль-Джазира»). Таким образом, проект по созданию «Аль-Джазира» своей целью имел не только непосредственно открытие канала телевидения, но и увеличение значимости Катара в арабском регионе.

Акцент на людях и их коммуникации также вторит дипломатии как деятельности по популяризации основного нарратива государства среди соседей.

Существуют, однако, некоторые ограничения применения проектного подхода – в целом в политике государства и во внешней политике в частности. Рассмотрим эти ограничения через призму некоторых законов общественного управления.

Согласно закону Винера – Шеннона – Эшби, управляющая система должна постоянно превосходить управляемую по мощности и по сложности. Чтобы реализовывать проект во внешнеполитической сфере, нужно обладать обширными знаниями не только международной ситуации, но и локальных тенденций того региона присутствия. Это значительно усложняет управление проектом уже на начальном этапе.

Закон Анохина – Бира говорит нам о том, что важно «опережающее прогнозирование развития не только управляемой системы, но и изменений внешней среды» [4, с. 14]. Применительно к проектам во внешнеполитической деятельности это означает прогнозирование рисков, возникающих не только из-за непосредственной реализации проекта, но и из-за изменения политической ситуации в целом.

Также отметим процессуальные трудности управления проектами во внешней политике государства. Проектное управление предполагает специфический подход к финансовому обеспечению реализации. Бюджет, который рассчитывается и закладывается на старте проекта, должен

отслеживаться на каждом этапе исполнения. Дополнительное финансирование проекта возможно только в случае его доказанной успешности. В госуправлении чаще всего встречается иная ситуация, когда бюджет выделяется не фиксировано на конкретную цель, но в рамках субсидий, которые имеют неопределенность в части контроля. «Бюджетный кодекс Российской Федерации предусматривает выделение субсидий безвозмездно и безвозвратно на выполнение государственного задания. Позиция же контролирующих органов часто сводится к тому, что финансирование бюджетных и автономных учреждений должно осуществляться на конкурсной основе» [9].

Также сложностью в применении проектного подхода в государственном секторе является плохая сочетаемость бюрократических структур и проектных команд. Долгие согласования и затягивание принятия решений губительны для проектов.

Подводя итоги, стоит отметить, что, хотя применение проектного подхода во внешнеполитической деятельности имеет слабые стороны, в целом оно при верном использовании может дать свои плоды. Поскольку проектный подход не может быть применен к текущей, ежедневной деятельности органов государственной власти, принципиальным моментом является уместное использование проектного подхода, без попыток приравнять его к панацее, решающей все проблемы государства на международной арене.

Список источников и литературы

1. Agile-манифест разработки программного обеспечения. URL: <https://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html> (дата обращения: 19.07.2024).
2. Scrum. Революционный метод управления проектами / Джефф Сазерленд; пер. с англ. М. Гескиной. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 272 с
3. Андерсон Д. Канбан: альтернативный путь в Agile. М.: 2017.

4. Делягин М.Г. Семь законов общественных трансформаций и главная задача социальной инженерии // Свободная мысль. 2022. №3 (1693).
5. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 - 1986 гг.). М.: Автор, 1996. - 688 с
6. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Neoclassic, 2021. - 896 с
7. Политология: краткий словарь политологических терминов. Справочное пособие для студентов всех факультетов. Ставрополь: СтГАУ, 2010.
8. Серкина Н.Е. Проектный подход как альтернатива бюрократическому методу социального управления // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnyy-podhod-kak-alternativa-byurokraticheskomu-metodu-sotsialnogo-upravleniya> (дата обращения: 09.07.2024).
9. Созаева Д.А., Бахарева О.С. Бюджетирование в организациях, финансируемых за счет предоставления субсидий из средств государственного и муниципального бюджета // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2017. № 11 (44). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/5191> (дата обращения: 19.07.2024).
10. David Hinde. PRINCE2 Study Guide John Wiley and Sons, Ltd, UK. 2012. 528 p.

Шангараев Руслан Насимович,

доктор политических наук, кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры стратегических коммуникаций и государственного
управления, Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: shang143@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,

Doctor of Political Sciences, Ph.D. (Economic Sciences), Associate Professor,
Department of Strategic Communications and Public Administration,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: shang143@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СИТУАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ
В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
FEATURES OF THE DESIGN AND FUNCTIONING OF SITUATIONAL
CENTERS IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION**

Аннотация: в современной науке принято определять ситуационный центр как часть системы управления, обеспечивающую информационную и аналитическую поддержку принятия решений в рамках решаемых органом управления функциональных задач на основе автоматизации функций мониторинга и ситуационного анализа обстановки в контролируемом информационном пространстве, включая сбор, обобщение, аналитическую обработку, визуализацию и защиту информации.

Ключевые слова: ситуационные центры, государственное управление, мониторинг, ситуационный анализ, информационное пространство.

Abstract: in modern science, it is customary to define a situation center as a part of the management system that provides information and analytical support for decision-making within the framework of the functional tasks solved by the management body on the basis of automation of the functions of monitoring and situational analysis of the situation in the controlled information space, including the collection, generalization, analytical processing, visualization and protection of information.

Keywords: situation centers, public administration, monitoring, situational analysis, information space.

Практика создания ситуационных центров (СЦ) на современном этапе активно применяется многими государствами. Подобные комплексы могут иметь различные наименования, в т.ч. «командный центр», «диспетчерский центр», «центр принятия решений», «центр управления», тем не менее сущность их работы сводится к мониторингу объектов управления и

оперативному реагированию на происходящие с ними ситуации (в т.ч. кризисного и чрезвычайного характера) [1].

Современная наука выделяет три вида ситуационных центров с точки зрения их предназначения:

1. Ситуационные центры корпоративного управления;
2. Ситуационные центры оперативного реагирования;
3. Ситуационные центры государственного управления [3].

Первая категория ситуационных центров применяется в качестве механизма управления крупными частными и государственными компаниями в целях обеспечения централизации и оптимизации управленческих процессов, недопущения утечек конфиденциальной информации в условиях сложной организационной структуры. Их использование, способное обеспечить одновременный контроль над значительным числом объектов управления, представляется целесообразным в условиях их широкой географической распределенности (филиалы компаний, заводы, точки реализации продукции и др.), позволяя сократить скорость принятия решений и их имплементации, минимизируя тем самым возможные финансовые издержки [3].

Ситуационные центры оперативного реагирования применяются в условиях возникновения кризисных и чрезвычайных ситуаций, а также в деле обеспечения информационной и инженерно-технической безопасности. В подобных центрах ведется круглосуточный мониторинг объектов управления, максимально автоматизируется процесс реагирования на поступающие в ходе такого мониторинга сигналы. Ситуационные центры подобного типа имеют, как правило, узкоспециализированный характер и набор функций и применяются при управлении рисками в конкретной предметной области [3].

Третья категория – ситуационные центры государственного управления – ввиду масштабности решаемых задач ориентированы на контроль над процессами на стратегическом уровне. Они характеризуются наличием обширной нормативно-правовой базы деятельности, широкого спектра

источников информации, интегрированных в мониторинговую подсистему, а также крайне высокими требованиями к обеспечению информационной безопасности их работы, обусловленной привязкой к критической информационной инфраструктуре [3].

Применение ситуационных центров обусловлено необходимостью решения комплексных задач управления, являющихся, в свою очередь, совокупностью десятков и сотен взаимосвязанных факторов: политических, экономических, социальных, научно-технических и др. Оно позволяет существенно упростить процесс принятия решения посредством использования в этих целях возможностей автоматизированных систем по сбору, аналитической обработке и визуальной репрезентации информации.

В качестве источников информации для работы ситуационного центра могут быть задействованы государственные информационные ресурсы различных уровней, средств массовой информации, аналитических центров.

Методология создания ситуационных центров призвана обеспечить их построение в соответствии с целями и задачами органа государственной власти или организации, где планируется их применение, дальнейшее организационное и техническое сопровождение, а также совершенствование программной, аппаратной и организационной базы и адаптации ситуационных центров к трансформации задач такого подразделения.

В ходе создания центров и их эксплуатации руководствуются следующими методологическими принципами:

1. Принцип системности, позволяющий рассматривать ситуационный центр как единое целое, структурные элементы которого объединены разноплановыми связями, устанавливать направления деятельности и конкретные функции СЦ. Центры, как правило, строятся на основе многоуровневой иерархической структуры с относительной свободой действий каждого из компонентов, достаточной гибкостью управления и контроля над системой с возможностью ее адаптации к изменяющейся ситуации. Это позволяет повысить их надежность и эффективность.

2. Принцип развития (открытости), позволяющий в случае возникновения определенных причин вносить в систему различные изменения посредством внедрения дополнительных модулей без кардинальной перестройки и нарушения функционирования. Реализация этого принципа предусматривает создание возможности наращивания вычислительных мощностей, технического и программного дооснащения в целях обеспечения потенциального расширения и обновления круга задач. Реализовать необходимые изменения представляется возможным за счет определения возможных дальнейших мероприятий по модернизации основных технологий, на базе которых будет функционировать каждый из элементов СЦ, и обеспечения их динамической адаптации к изменениям потребностей пользователей, а также условий и областей функционирования.

3. Принцип совместимости заключается в обеспечении беспрепятственного взаимодействия информационных интерфейсов создаваемого центра с уже существующими аналогичными структурами в соответствии с ранее установленными правилами.

4. Принцип стандартизации предусматривает применение при создании СЦ типовых технических компонентов, форматов данных и интерфейсов, что обусловлено необходимостью снижения финансовых, временных и трудовых затрат при его конструировании и дальнейшей эксплуатации.

5. Принцип эффективности тесно связан с принципами совместимости и стандартизации и предусматривает достижение наиболее приемлемого соотношения между расходами на конструирование центра и планируемыми результатами его функционирования.

6. Принцип организационного единства состоит в необходимости определения спектра административных и функциональных взаимосвязей создаваемого ситуационного центра как внутри органа государственной власти/организации, так и в межведомственной координации и его

конструирования с возможностью обеспечения максимальной интегрированности в систему таких взаимодействий.

7. Принцип масштабируемости позволяет обеспечить перманентное расширение ситуационного центра в части используемых технологий, реализуемых функций, используемых источников информации и т.д.

8. Принцип комплексной безопасности предусматривает единство подходов к обеспечению безопасности информационных систем центра, а также в вопросах распространения и доступности имеющихся данных, надежности и производительности программных и аппаратных комплексов, защиты подсистемы управления центром.

9. Принцип декомпозиции учитывает создание элементов системы СЦ, обладающих собственными типовыми и специфическими характеристиками.

10. Принцип концептуальной общности предполагает обеспечение единства методологических подходов при создании и дальнейшей эксплуатации центра.

11. Принцип непротиворечивости и полноты предусматривает гармонизацию и единство нормативно-правовой базы для создания структурных элементов центра и обеспечения их дальнейшей работы и взаимодействия, а также распределения между ними различных рабочих процессов и функций (контроля, управления и др.).

12. Принцип синергетики призван объединить возможности технических средств и сотрудников центра посредством создания языка взаимодействия с использованием графических образов, позволяющих стимулировать формулировку гипотез и выработку решений.

13. Принцип сбалансированности технического уровня учитывает необходимость взаимного учета требований при применении различных информационных, технологических и эргономических решений.

14. Принцип наглядности направлен на обеспечение наиболее эффективного восприятия подготавливаемой ситуационным центром информации.

15. Принцип технической эстетики призван обеспечить комфортную работу сотрудников центра в его предметно-пространственной среде.

16. Принцип фасилитации коммуникаций предусматривает формирование среды, призванной обеспечить максимизацию продуктивности при взаимодействии участников процесса работы СЦ друг с другом и программно-аппаратными средствами.

17. Принцип надежности применим в первую очередь к программно-аппаратному компоненту центра и предполагает необходимость обеспечения его круглосуточного и бесперебойного функционирования с возможностью резервирования критически важных технических средств [4].

Двойственная природа ситуационного центра (он представляет собой организационный центр управления и является автоматизированной информационной системой) определяет одновременное применение методов проектирования информационных систем и методов разработки предметно-пространственной среды при его создании. Это обуславливает необходимость использования структурного и объектно-ориентированного подходов в качестве методологической основы построения ситуационного центра.

Структурный подход предполагает декомпозицию центра на компоненты, каждый из которых ориентирован на автоматизацию их функций с обеспечением качественного функционирования центра как системы. Реализация данного подхода, в том числе в части моделирования процесса подготовки и принятия решений, задач центра и системы его обеспечения необходимыми данными, основана на применении математической методики IDEF [1].

Объектно-ориентированный подход предполагает объектную декомпозицию данных, способов их обработки и взаимосвязей между ними в рамках ситуационного центра. Она основывается на фиксации требований

будущих пользователей и построении на их базе сценариев применения центра и его объектно-ориентированной, логической и затем физической модели [1].

Порядок проектирования ситуационного центра как автоматизированной системы основывается на комплексе соответствующих стандартов, принятых на государственном уровне, методических и руководящих документов и включает следующие этапы:

1. Определение требований к ситуационному центру и разработка его концепции;
2. Разработка технического задания и проекта, а также уставной документации центра;
3. Монтаж оборудования и необходимые пуско-наладочные работы;
4. Установка программного обеспечения и внедрение соответствующих информационных систем;
5. Обучение сотрудников и опытная эксплуатация центра [1].

На этапе проектирования осуществляется также определение пространственной структуры центра с учетом расположения лиц и структурных подразделений по конкретным помещениям, что, в свою очередь, выдвигает дополнительные требования к инженерной части проекта.

Организационно ситуационные центры в основном включают в себя три блока, каждый из которых, соответственно, отвечает за информационно-аналитическое, информационно-технологическое и техническое обеспечение работы центров. Первый блок обеспечивает определение и решение типовых задач в рамках заданной предметной области, второй блок, в свою очередь, включает в себя технологии их решения и востребованное для их реализации программное обеспечение. Третий блок объединяет в своем составе программные и аппаратные мощности, обеспечивающие выполнение всего спектра задач ситуационного центра [2].

Информационно-аналитический блок выявляет и оценивает различные вызовы и угрозы в зависимости от предметной области функционирования СЦ в режиме реального времени, а также в краткосрочной и долгосрочной

перспективе. Он ориентирован на анализ поступающих данных об угрозе для определения способов ее нейтрализации, выработку в этих целях необходимой реакции органа государственной власти или компании, на базе которой функционирует СЦ, оценку решений, принимаемых руководством, а также определение долго- и краткосрочных тенденций и аномалий, подготовку прогнозов, визуальное отображение результатов проделанной аналитической работы для заинтересованных потребителей [4].

Как правило, указанный блок включает ряд технических средств, призванных обеспечить анализ и моделирование различных ситуаций исходя из имеющихся данных, средства информационного и лингвистического обеспечения, а также аппаратные и программные средства сбора, распознавания и хранения информации.

Функциональные задачи СЦ коррелируют с рассмотренной структурой организационных элементов (блоков) и подразделяются на три группы:

1. Информационные;
2. Информационно-расчетные;
3. Информационно-аналитические [1].

Первая группа задач подразумевает первичный сбор внешних данных, их систематизацию и хранение, а также распределение между заинтересованными структурными элементами центра, формализацию данных в формате служебной документации и обеспечение функционирования ее оборота (в т.ч. электронного).

Информационно-расчетный и информационно-аналитический спектры задач, в свою очередь, ориентированы непосредственно на практическую поддержку принятия управленческих решений в части определения наиболее оптимального применения сил и средств в каждой конкретной ситуации по итогам анализа имеющихся связанных с ней сведений, а также на анализ сопутствующих ей и вновь возникающих угроз и тенденций ее развития.

Для реализации функциональных задач СЦ применяются шесть групп различных технологии, обеспечивающих сбор, обработку и анализ поступающих данных. Указанные группы включают:

— Технологии мониторинга контролируемого пространства. Данная технологическая подсистема обеспечивает сбор данных о состоянии обстановки как из собственных источников информации, так и из внешних (в т.ч. на внутриведомственном, межведомственном, международном уровнях). При наличии в системе технических средств наблюдения подсистема мониторинга, как правило, включает также средства первичной обработки поступающих от них сигналов [4].

— Технологии структурирования и формализации массивов данных о значимых событиях в соответствии с выбранной информационной моделью предметной области. Данная технологическая подсистема необходима для обеспечения анализа поступающей в центр неструктурированной информации в форме донесений о текущем состоянии контролируемых объектов и его изменениях; преобразования такого рода сведений в массив структурированных данных, отражающих характеристики и взаимосвязи объектов предметной области. Среди основных компонентов данного набора технологий есть средства настройки, регулярной актуализации и распространения информационно-лингвистического обеспечения системы (включая корректировку информационных моделей, ведение тезаурусов, классификаторов, словарей терминов и др.), что позволяет обеспечить соответствие информационных схем работы СЦ регулярно меняющимся условиям его функционирования [4].

— Технологии ведения распределенных баз ситуационных данных. Этот набор технологий обеспечивает вертикальную каскадную интегрируемость и иерархическое накопление данных по территориальному признаку с возможностью «ручного ввода» формализованной информации. Это позволяет сформировать хранилища ситуационных данных, а также

обеспечить избирательный доступ к ним в зависимости от параметров складывающейся обстановки [4].

— Технологии подготовки и ведения служебной документации. Данная группа обеспечивает ведение, актуализацию и публикацию служебных документов, формирование которых осуществляется как на основе непосредственно ситуационных данных, так и по итогам проведения их анализа, а также с учетом картографической информации. Они позволяют технологически обеспечить ведение журналов, учет ключевых элементов обстановки, подготовку отчетности по итогам проводимого мониторинга, ведение электронного документооборота, формирование распорядительных и информационных документов, осуществление контрольной функции [4].

— Технологии ситуационного анализа, позволяющие выявлять и оценивать возникающие угрозы и обеспечивать поддержку процесса принятия решений по их устранению. В работе ситуационных центров применяются три вида таких технологий: непрерывный анализ ситуационных данных (обеспечивает выявление и оценку возникающей угрозы, определение стратегий ее нейтрализации, подготовку комплекса мер в рамках первичного ответа системы на ее возникновение с учетом совокупности всех существующих сценариев развития ситуации, а также оценку решений руководства в данном контексте); анализ данных в краткосрочном периоде (ретроспективный анализ существующих угроз с целью формирования краткосрочных прогнозов развития ситуации и поддержка принятия необходимых решений); анализ данных в долгосрочном периоде (долгосрочный анализ угроз и прогнозы по развитию ситуации, поддержка принятия решений, а также дополнительная подготовка соответствующей аналитической документации, информационное обеспечение, определение вектора дальнейших исследований по рассматриваемой угрозе) [4].

— Технологии отображения данных. Задача данной совокупности технологий – обеспечить репрезентацию сложившейся ситуации и результатов ее анализа на средствах отображения информации для заинтересованных лиц

с предоставлением возможности изучения вариантов принятия решений в условиях текущей обстановки и выбора наиболее оптимального из них с возможностью демонстрации его прогнозируемых результатов [4].

Каждой из перечисленных технологий присуще наличие средств корректировки процессов и всех составляющих информационно-лингвистического обеспечения системы, позволяющих учесть особенности функционирования конкретной организационной системы, частью которой является ситуационный центр.

С точки зрения организационно-штатной структуры ситуационного центра как одного из подразделений органов власти принято выделять четыре основных сегмента, каждый из которых – отдельное структурно-функциональное подразделение центра, имеющее собственные информационно-аналитические, информационно-технологические и технические компоненты. В число данных сегментов входят:

- сегмент руководства;
- сегмент мониторинга;
- сегмент ситуационного анализа и систематизации информации;
- сегмент администрирования и эксплуатации [4].

Основные тенденции работы ситуационно-кризисных центров в настоящее время включают расширение сфер их применения, рост технологических возможностей их материально-технического обеспечения, систем связи и координации, методологии процессов подготовки и принятия решений, необходимость подбора наиболее подходящего и современного оборудования для организации информационного обеспечения на должном уровне в соответствии с требованиями времени, учета психофизических особенностей человека при подготовке и принятии решений в СЦ.

Исходя из изложенного, можно заключить, что каждый ситуационный центр представляет собой уникальную систему, обладающую множеством индивидуальных особенностей в зависимости от стоящих перед ним функциональных задач. Тем не менее к текущему моменту выработана и

широко применяется единая комплексная методология конструирования ситуационных центров, включающая в себя основные принципы работы и взаимодействия подсистем ситуационного центра.

Ситуационный центр является современным инструментом управления, призванным обеспечить информационную и аналитическую поддержку принятия решений на основе автоматизированного мониторинга и ситуационного анализа обстановки в контролируемом информационном пространстве.

Разработки технических решений с аналогичным функционалом были начаты и в различной степени внедрялись во второй половине XX века в СССР, США и Чили [5; 6]. Эти наработки в связке с существенно возросшими на протяжении последних нескольких десятилетий возможностями вычислительной техники и информационных технологий создали необходимый потенциал для широкого применения ситуационных центров как инструментов корпоративного и государственного управления на оперативном и стратегическом уровнях [17].

Современная методология, используя структурный и объектно-ориентированный подходы, а также 17 устоявшихся принципов создания ситуационных центров, позволяет в каждом случае обеспечить конструирование системы с индивидуальным набором характеристик в соответствии с предполагаемым кругом решаемых центром задач, а также их организационно-техническое сопровождение, модификацию и адаптацию к меняющимся условиям работы и стоящим перед ними задачам.

Устоявшаяся структура ситуационных центров, включающая в себя четыре подсистемы (руководство, мониторинг, анализ и структурирование информации, администрирование и эксплуатация), позволяет обеспечить их эффективное функционирование и поддержку принятия решений в профильной области. Существенное значение в данном процессе также имеют координация и обмен данными с другими ситуационными центрами органов

государственной власти и при необходимости частных и/или государственных корпораций.

В последнее время устойчиво просматривается тенденция к расширению сфер применения ситуационных центров как механизмов управления, а также росту их технологических возможностей, обеспечивающих информационное и аналитическое сопровождение процесса принятия управленческих решений на различных уровнях.

Список литературы

1. Абрамов В.И., Евдокимов Д.С. Ситуационный центр как механизм государственного управления: российский и зарубежный опыт / В.И.Абрамов, Д.С.Евдокимов // РППЭ. 2019. №10 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsionnyy-tsentr-kak-mehanizm-gosudarstvennogo-upravleniya-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 29.02.2024).
2. Зацаринный А.А. Организационные и системотехнические подходы к построению современных ситуационных центров // Методы построения и технологии функционирования ситуационных центров: сборник научных статей / под ред. А.А. Зацаринного. – Москва: ИПИ РАН, 2011. – с. 10-15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-aspekty-effektivnosti-situatsionnyh-tsentrov> (дата обращения: 23.03.2024). – Текст: электронный.
3. Кислова Е.И. Ситуационные центры в сфере государственной власти. / Е.И. Кислова // Постулат. 2019. № 5. URL: <https://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/download/2635/2679> (дата обращения 28.01.2024)..
4. Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития : монография / Авдеева З.К., Барышников П.Ю., Бауэр В.П. [и др.] ; под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова – М.: Когито-Центр, 2017. – с. 178 - ISBN 978-5-89353-519-8
5. Карпович О.Г. Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами // Политика и общество. 2011. № 12 (84). С. 12-17
6. Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами (сравнительный политологический анализ) // Национальная безопасность / Nota Bene. 2013. № 4 (27). С. 605-612
7. Шангараев Р.Н. Формирование кластерных структур в современной экономике // Горизонты экономики. 2011. № 2. С. 71-72.
8. Шангараев Р.Н., Лобас Е.В., Трифонов И.В. Роль национальной платежной системы в обеспечении экономического роста и национальной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 336-343.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Стригунова Наталья Николаевна,
начальник Управления международного сотрудничества,
связей с общественностью и научно-координационной работы,
Дипломатическая академия МИД России
e-mail: n.strigunova@dipacademy.ru

Natalia N. Strigunova,
Head of the International Cooperation Department,
public relations and scientific coordination work,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
e-mail: n.strigunova@dipacademy.ru

ДИПЛОМАТИЯ БРИКС: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

BRICS DIPLOMACY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES IN A MULTIPOLAR WORLD

Аннотация: в данной статье анализируются итоги российского председательства в БРИКС и XVI саммита в Казани в контексте задач, стоящих перед дипломатией стран БРИКС на фоне расширения объединения, и связанных с этим вызовов и новых возможностей. Рассмотрены оценки и мнения иностранных партнеров по БРИКС и российских экспертов, высказанные на международной научной конференции БРИКС «Будущее дипломатии и дипломатических служб», проходившей 15 ноября 2024 года в Дипломатической академии МИД России. В статье подчеркивается ключевая роль дипломатии БРИКС в формировании многополярного, более справедливого миропорядка. Подробно исследованы отдельные аспекты развития цифровой, культурной дипломатии, дипломатии бизнеса.

Ключевые слова: БРИКС, глобальные вызовы, глобальный диалог, дипломатическая служба, дипломатия, искусственный интеллект (ИИ), миропорядок, многополярный мир, председательство в БРИКС.

Abstract: this article analyzes the results of the Russian presidency of the BRICS and XVI The Kazan Summit in the context of the tasks facing the diplomacy of the BRICS countries against the background of the expansion of unification and related challenges and new opportunities. The assessments and opinions of BRICS partners expressed at events held at the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry in the year of the Russian presidency of the BRICS, primarily at the International Scientific Conference "The Future of Diplomacy and Diplomatic Services" (November 15, 2024), are used. The article emphasizes the key role of BRICS diplomacy in shaping a multipolar, more just world order. Certain aspects of the development of digital, cultural diplomacy, and business diplomacy are examined in more detail.

Keywords: Artificial Intelligence (AI), BRICS, BRICS presidency, diplomacy, diplomatic service, global challenges, global dialogue, multipolar world, world order.

Завершение года российского председательства в БРИКС: итоги дипломатии

Завершается год российского председательства в БРИКС, экспертное сообщество в России и за рубежом анализирует его содержательные итоги. Существенные результаты, которых удалось добиться России, во многом являются итогом успешной дипломатической работы, проведенной руководством страны, МИД России, ключевыми министерствами и ведомствами, деловыми кругами. Российское председательство применяло различные формы, методы и приемы ведения дипломатии как инструмента достижения национальных интересов в политике и экономике. Фактически Россия показала всему миру позитивный пример взаимодействия с партнерами из дружественных государств и эффективного продвижения коллективных идей, инициатив, проектов.

Результатами дипломатических усилий стали расширение БРИКС, консолидация объединения, политическая поддержка стран-партнеров, всё большее количество которых стремится присоединиться к объединению или установить отношения партнерства. Сегодня в БРИКС входят страны, представляющие все континенты и объединяющие колоссальные географические территории, природные и экономические ресурсы, человеческий потенциал.

Формирование многополярного мира, которое министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров назвал «многополярным моментом» [3], отражает объективные перемены в геополитике, мировой экономике и финансах. Происходят перебалансировка и становление новых центров силы, в которых принимают политические и экономические решения, независимые от Запада. Этот факт зафиксирован в Казанской декларации XVI саммита

БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (пункт 6) [5].

Трансформация БРИКС ставит новые задачи перед дипломатией: необходимо совместно выступать с консолидированной позицией на площадке всемирных и региональных организаций и форумов (прежде всего, ООН, Группы двадцати, ВТО), выработать и продвигать многосторонние взаимовыгодные инициативы и проекты.

Расширение числа стран – членов БРИКС, как неоднократно отмечалось экспертами, является своего рода испытанием на прочность объединения и влечет за собой наряду с новыми «окнами возможностей» также многочисленные вызовы, лежащие в политической, экономической, социальной плоскости. Но важнее другое: государства привлекают в БРИКС позитивная повестка, нацеленная на формирование многополярного мира, уважение суверенного права всех государств на собственный выбор политического и экономического пути развития, взаимовыгодные двусторонние и многосторонние связи.

В Казанской декларации XVI саммита БРИКС [5] лидеры подтвердили «приверженность духу БРИКС, в основе которого взаимоуважение и взаимопонимание, суверенное равенство, солидарность, демократия, открытость, инклюзивность, взаимодействие и консенсус» (пункт 3), а также заявили об укреплении диалога в рамках объединения по вопросам политики и безопасности. Формирование основ для более справедливого, демократического и сбалансированного многополярного миропорядка – это то, над чем в первую очередь предстоит работать дипломатии БРИКС [3].

Требуется определенное время и системные усилия дипломатии для того, чтобы новые члены БРИКС могли полноценно влиться в работу объединения, освоить действующие форматы сотрудничества и предложить совместные инициативы.

В Совместном заявлении, принятом 10 июня 2024 года на совещании в Нижнем Новгороде, министры иностранных дел стран БРИКС приветствовали

активное участие новых стран-членов и «заверили в неизменной поддержке их органичной и полной интеграции в механизмы сотрудничества БРИКС» [12].

Новые задачи, которые стоят перед дипломатией стран БРИКС, обсуждались с партнерами по объединению на состоявшейся 15 ноября 2024 года в Дипломатической академии МИД России международной научной конференции «Будущее дипломатии и дипломатических служб» [7; 8]. Ректоры дипломатических академий и институтов стран БРИКС вместе с авторитетными российскими экспертами поделились собственным видением и подходами к будущему дипломатии, прежде всего в контексте подготовки и повышения квалификации дипломатических работников.

БРИКС в полицентричном мире: подготовка дипломатов

Как отмечают авторы доклада Валдайского клуба «В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира» (под ред. А. Сушенцова, Н. Неклюдова), в условиях усиления соперничества государств, которое сопровождает формирование полицентричного мирового порядка, качество дипломатической подготовки способно сыграть решающую роль в стремлении национальных государств к автономии и субъектности [1, с. 3].

Дипломатическая подготовка имеет важное значение для обеспечения суверенитета государств в полицентричном мире. В этой связи представляет практическую значимость исследование практик дипломатии, действующих в странах БРИКС+, и обмен лучшим опытом в этой области.

Как отметила на конференции директор Департамента МИД Народной Республики Бангладеш Ш. Гази, такие проблемы, как изменение климата, пандемии и нехватка ресурсов, не признают национальных границ. Они требуют глобальных решений и такого уровня многостороннего сотрудничества, которого зачастую трудно достичь. Пандемия COVID-19 стала ярким напоминанием о том, насколько взаимосвязанным стал наш мир и какую важность приобретает международное сотрудничество. В будущем дипломатия должна стать движущей силой скоординированных усилий по

борьбе с этими экзистенциальными угрозами: потребуется создание механизмов, которые не только реагируют на кризисы, но и предвидят их, смягчают, не допуская эскалации [8; 9].

Разрешение конфликтов остается одной из важнейших функций дипломатии. Многие участники конференции подчеркивали, что дипломатия – самый мощный инструмент для того, чтобы заставить воюющие стороны сесть за стол переговоров, превратить враждебность в диалог и построить пути к прочному миру [8; 9].

Все эти вызовы диктуют необходимость подготовки дипломатических кадров, обладающих широким набором компетенций и эрудицией, необходимой для принятия ответственных и обоснованных политических решений.

Цифровая дипломатия

Цифровая дипломатия является одной из наиболее востребованных областей взаимодействия в БРИКС, а формирование цифрового суверенитета – насущная задача России, Китая, Ирана и ряда других партнеров [2]. С 2015 года, когда благодаря инициативе России была проведена первая встреча министров связи стран БРИКС, приоритеты многостороннего сотрудничества в сфере ИКТ регулярно обсуждаются на самостоятельном треке работы объединения [2; 10].

На международной конференции БРИКС в Дипломатической академии иранские коллеги отметили, что в последние годы стремительное развитие технологий, рост числа негосударственных субъектов и растущая взаимосвязанность нашего мира сделали необходимым переосмысление дипломатической практики. Сегодня цифровая дипломатия, сетевая дипломатия и другие инновационные подходы не только дополняют, но и трансформируют традиционные методы дипломатии [8; 9].

Цифровая дипломатия включает в себя применение цифровых инструментов и виртуальных платформ для достижения дипломатических целей. Платформы социальных сетей, которые когда-то использовались лишь

для личного общения, стали мощным инструментом в руках политиков и дипломатов.

Главы государств и министры иностранных дел теперь регулярно используют социальные сети для политических заявлений, участия в общественной дипломатии и даже проведения неофициальных переговоров. Одним из примеров является Твиттер-дипломатия, применяемая западными дипломатами, политиками и общественными деятелями электронная форма публичной дипломатии, осуществляемая с помощью использования социальной сети X).

Участники международной конференции отмечали, что интеграция искусственного интеллекта и аналитики больших данных в дипломатическую практику становится насущной необходимостью. При этом подчеркивается важность учета этических соображений и необходимость человеческих суждений при принятии значимых решений; по-прежнему остаются немаловажными и во многих случаях определяющими личное общение и личные взаимоотношения дипломатов.

Цифровая грамотность и навыки анализа цифровых данных принадлежат к тем необходимым базовым компетенциям, без которых немислимо представить современного и тем более будущего дипломата.

Виртуальные консульские службы, как отмечено на конференции иранскими спикерами, уже активно вводятся в дипломатическую практику и могут получить большое распространение, особенно в тех регионах, где в силу разных причин сложно организовать работу консульства в его традиционном формате.

Одновременно с внедрением цифровых технологий важной задачей является обеспечение кибербезопасности, защита от лавинообразного роста киберугроз и хакерских атак, которые часто препятствуют дипломатическим коммуникациям и могут нарушить нормальное функционирование загранпредставительств.

Применение искусственного интеллекта в дипломатии: возможности и вызовы

Использование искусственного интеллекта (ИИ) для реализации широкого спектра рутинных услуг и задач дипломатов постепенно становится обычной практикой. Но важно понимать (и на этом особо акцентировали внимание участники дискуссии на конференции), в какой степени ИИ может принимать решения за людей, используя различные виды анализа данных.

С одной стороны, применение ИИ предоставляет больше возможностей и выбора лицам, принимающим решения в области дипломатии, и открывает для них новые горизонты. Так, ИИ способен помочь дипломатам отслеживать широкий спектр новостей иностранных СМИ на разных языках во время проведения мероприятий или переговоров и быстро анализировать последствия принимаемых решений, оценивать потенциальные риски. Возможность узнать результаты после очень быстрого анализа больших данных является уникальной и потому очень полезной для современного дипломата. По сути, искусственный интеллект – это инструмент для сбора и визуализации данных с целью проведения более точного и обоснованного анализа.

Полагаясь на возможности ИИ, дипломаты могут, в частности, определять будущие тенденции и прогнозировать нарастание политической напряженности, конфликтов и кризисов как в отдельных странах, так и в глобальном контексте.

Проблема заключается в том, что отсутствие прозрачности алгоритмов компьютерного обучения затрудняет оценку того, как искусственный интеллект достигает определенных результатов. Перед дипломатией встают вопросы о происхождении, разработке и надежности ИИ.

Чтобы быть абсолютно надежным, алгоритм должен быть разработан для государственных целей, а не для частных компаний или организаций. Как отметили участники конференции, привлечение ИИ к дипломатическим переговорам одной из сторон равносильно подключению к переговорам

неконтролируемой заинтересованной стороны, которая отражает ценности и интересы своего разработчика. Кроме того, отсутствие общих стандартов и единой нормативной базы для ИИ создает неопределенность в его использовании.

Для анализа информации ИИ необходим доступ к большому набору данных, связанных с ранее проведенными дипломатическими переговорами и принятыми документами. Таким образом, встает вопрос о защите соответствующих данных.

Участники конференции отметили актуальность для БРИКС фундаментальных принципов дипломатии, таких как взаимопонимание, уважение и мирное разрешение конфликтов. Задача дипломатических служб – найти баланс между внедрением новых технологий и устоявшимися ценностями, традициями дипломатии.

Культурная дипломатия

Каждая из стран БРИКС, тем более в контексте расширения географии участников, привносит в объединение свои культурно-исторические корни, традиции, ценности. С 2024 года в БРИКС входят арабские страны с их древней культурой и традициями, расширилось представительство государств Африканского континента, интерес к участию в БРИКС проявляют страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Дипломатия БРИКС – это и культурная дипломатия, для развития которой сформированы совершенно уникальные предпосылки. Прежде всего, налицо взаимный интерес государств-партнеров к культуре, истории, языку друг друга. Это формирует условия для развития туризма, совместных программ изучения истории, языка и культурных традиций народов.

Представляется, что инициатива в области культурной дипломатии должна исходить прежде всего от России, тем более что эта тема созвучна практически всем партнерам.

В этой связи кажется полезным использование опыта взаимодействия России в рамках других авторитетных международных организаций,

объединений и форумов. Так, с учетом наработок Диалогового партнерства Россия – АСЕАН (Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, 2021–2025 годы, пункт 74), представляется целесообразным содействовать распространению информации о традициях, наследии и культуре стран БРИКС путем организации на основе взаимных договоренностей мероприятий по культурному обмену, художественных выставок, кинофестивалей, языковых курсов и других мероприятий в России и странах БРИКС [6].

В качестве примеров таких культурных инициатив на других многосторонних площадках можно привести концерты Молодежного симфонического оркестра Россия – АСЕАН [6]; межгосударственную программу «Культурные столицы Содружества» [7], в соответствии с которой ежегодно один из городов стран СНГ получает статус культурной столицы; «Кабинет Русского мира» – целевую программу фонда «Русский мир», нацеленную «на популяризацию русского языка и культуры, поддержку программ их изучения, расширение культурно-гуманитарного сотрудничества зарубежных стран с Российской Федерацией, обеспечение доступа всех желающих к российским обучающим онлайн-ресурсам по русскому языку» [4] и многие другие проекты.

Эти лучшие практики имеет смысл транслировать в БРИКС и БРИКС+ для взаимного обогащения наших культур, развития гуманитарных связей. На сцену выходит публичная дипломатия, которая приносит имиджевый эффект БРИКС и самой России, способствует усилению интереса к объединению и росту его авторитета и влияния во всем мире.

Так, в АСЕАН проводится линия на создание собственной идентичности, сохранение и популяризацию культурного наследия и обычаев стран-членов, направленная на устойчивое развитие и процветание каждой страны-участницы. Подобную миссию может выполнять и культурная дипломатия БРИКС. Представляется, что информационно-познавательный телевизионный

проект о жизни, истории, культуре, политике и экономике стран БРИКС – телеканал TV BRICS [14] – расширит свой охват и обеспечит освещение проектов публичной и культурной дипломатии во всех заинтересованных регионах мира.

Соединение возможностей цифровой и культурной дипломатии может дать синергетический эффект: участники международной конференции БРИКС «Будущее дипломатии и дипломатических служб» отметили перспективность виртуальных культурных обменов и онлайн-языковых программ, использования цифровых инструментов для демонстрации культурного наследия.

Дипломатия бизнеса

Дипломатия бизнеса – важная сторона деятельности БРИКС. Запуск многосторонних проектов сотрудничества в самых разных областях направлен на консолидацию БРИКС и усиление его роли в мировой экономике. На это направлена деятельность Делового совета БРИКС, который был создан на основе Этеквинской декларации и Этеквинского плана действий, принятых по решению V саммита БРИКС (Дурбан, ЮАР) 27 марта 2013 года [11].

В России работу Делового совета координирует Торгово-промышленная палата Российской Федерации, российскую часть Делового совета БРИКС возглавляет председатель Торгово-промышленной палаты Российской Федерации С.Н. Катырин. Деловой совет – зарекомендовавшая себя удобная площадка для обсуждения вопросов укрепления и продвижения торгово-экономических, инвестиционных связей между деловыми кругами стран БРИКС; она также нацелена на продуктивный диалог между предпринимательским сообществом и представителями правительственных структур стран объединения [11].

Важную роль в бизнес-дипломатии играет глобальная платформа для продвижения женского бизнеса – Женский деловой альянс БРИКС [13], показавший реальные практические результаты работы при российском председательстве. Декларация о создании Альянса была одобрена пятью

лидерами в ходе XII саммита БРИКС 17 ноября 2020 года. Платформа Женского делового альянса БРИКС оказывает женщинам-предпринимателям информационную и коммуникационную поддержку, повышает узнаваемость проектов, освещает их проекты, расширяет сеть профессиональных контактов, а также дает возможность находить партнеров и устанавливать партнерские отношения напрямую. Проекты в области продовольственной безопасности, креативных индустрий, туризма, здравоохранения, экспертный ESG–диалог направлены на усиление роли и авторитета БРИКС в мире.

Так, для участия в конкурсе женских стартапов, организованном Альянсом по семи номинациям, поступило более 1 000 заявок из всех государств – членов БРИКС, а также из Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Узбекистан, Лесото, Зимбабве, Колумбии, Намибии, Ботсваны, Мавритании, Эсватини, Турции, Центральноафриканской Республики, Нигерии [13]. Подобного рода проекты являются также формой публичной дипломатии и способствуют популяризации БРИКС, а также улучшению имиджа России во многих странах и регионах мира.

Заключение

Представляется важным продолжить дискуссию с иностранными партнерами на площадках международных организаций и форумов (БРИКС, Группа двадцати, ЕАЭС, СНГ, ШОС, Диалоговое партнерство Россия – АСЕАН) о будущем дипломатии в формирующемся многополярном мире, акцентируя внимание на конкретных приоритетных направлениях и сферах деятельности дипломатов. Одновременно важно организовать перенос на площадку БРИКС лучших практик дипломатии, наработанных с участием России в других многосторонних форматах.

Список литературы

1. В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира. Под ред. А.Сушенцова, Н.Неклюдова // Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай. Март 2024. 32 с. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/47838/> (дата обращения: 26.11.2024).
2. Игнатов А.А. Расширение БРИКС и перспективы сотрудничества стран объединения в вопросах цифровой экономики. Аналитическая записка. 22 ноября 2024 г. // РСМД. 54/24. URL: https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/rasshirenie-briks-i-perspektivy-sotrudnichestva-stran-obedineniya-v-voprosakh-razvitiya-tsifrovoy-ek/?sphrase_id=165005805&ysclid=m3u2ttu1is111043760 (дата обращения: 30.11.2024).
3. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова американскому журналу «Ньюсуик», 7 октября 2024 года // МИД России. 07.10.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1974612/ (дата обращения: 30.11.2024).
4. Кабинеты Русского мира // Русский мир. URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php?ysclid=m44hu1ka17981101219> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 28.11.2024).
6. Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 30.11.2024).
7. Межгосударственная программа_Культурные столицы Содружества // Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. URL: <https://mfgs-sng.org/culture-capital/> (дата обращения: 30.11.2024).
8. Международная научная конференция БРИКС_Будущее дипломатии и дипломатических служб // Дипломатическая академия МИД России. URL: <https://www.dipacademy.ru/press/15-noyabrya-2024-g-v-diplomaticheskoy-akademii-mid-rossii-v-ramkah-predsedatelstva-rossijskoj-federacii-v-obedinenii-briks-sostoyalas-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferenciya-budushee-diplomatii-i-diplomaticheskikh-sluzhb/> (дата обращения: 27.11.2024).

9. Международная научная конференция «Будущее дипломатии и дипломатических служб» состоялась в Москве // Председательство Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 году. URL: <https://brics-russia2024.ru/news/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-budushchee-diplomatii-i-diplomaticheskikh-sluzhb-sostoyalas/> (дата обращения: 27.11.2024).
10. А.Игнатов, Е.Зиновьева. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС. 24 января 2024 г. //Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/?sphrase_id=164855927&ysclid=m45u0cb7jt363586815 (дата обращения: 25.11.2024).
11. Российская часть Делового совета БРИКС // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://brics.tpprf.ru/?ysclid=m44iatikuo971452090> (дата обращения: 24.11.2024).
12. Совместное заявление Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС, Нижний Новгород, Российская Федерация, 10 июня 2024 года // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1955719/
13. BRICS-Womens-Business-Alliance-Annual-Report. - URL: <https://brics-women.com/wp-content/uploads/2024/10/BRICS-Womens-Business-Alliance-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 28.11.2024)
14. TV BRICS. // Официальный сайт международной сети для обмена контентом между СМИ стран БРИКС. URL: <https://tvbrics.com/?ysclid=m44ikgjevhi179868801> (дата обращения: 01.12.2024).

Волков Артем Петрович,
соискатель Дипломатической академии МИД России,
e-mail: bayr03@bk.ru

Artem P. Volkov,
Ph.D. Candidate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: bayr03@bk.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ БРИКС КАК ФАКТОР МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА

INSTITUTIONALIZATION OF BRICS AS A FACTOR IN THE MULTIPOLAR WORLD ORDER

Аннотация: в статье раскрываются актуальные тенденции институционализации БРИКС как неформальной международной организации в условиях трансформации миропорядка. В контексте перехода текущей модели системы международных отношений к многополярному укладу рассматривается роль альтернативных институтов в области экономики и политики как средства оформления реального влияния новых центров силы. Антигегемонистские аспекты деятельности БРИКС сочетаются с комплексом проблем, препятствующим процессу институционализации организации. На основании успеха отдельных начинаний БРИКС сделан вывод о сильных сторонах межгосударственного объединения в рамках построения многополярного миропорядка.

Ключевые слова: мировой порядок, многополярность, международные организации, институты, Глобальный Юг.

Abstract: the article reveals current trends in the institutionalization of BRICS as an informal international organization in the context of the transformation of the world order. In the context of the transition of the current model of the system of international relations to a multipolar system, the role of alternative institutions in the field of economics and politics is considered as a means of registering the real influence of new centers of power. The anti-hegemonic aspects of BRICS activities are combined with a complex of problems that hinder the process of institutionalization of this organization. Based on the success of individual BRICS initiatives, the conclusion is made about the strengths of this organization in the framework of building a multipolar world order.

Keywords: world order, multipolarity, international organizations, institutions, Global South.

Введение

Актуальной тенденцией развития современных международных отношений является формирование новых центров политического влияния,

которые всё громче заявляют о необходимости пересмотра сложившихся экономических и политических институтов с целью усиления репрезентативности государств с развивающимся типом экономики на мировой арене. Особая роль в этом процессе принадлежит отдельным международным организациям, консолидирующим усилия по представлению интересов стран Глобального Юга в современной мировой политике. Первостепенное значение в данном направлении имеет неформальная организация БРИКС, появление и увеличение влияния которой традиционно принято рассматривать как маркер формирующегося многополярного миропорядка. В российской науке понятие о мировом порядке принято рассматривать либо в контексте взаимодействия международных акторов, либо в контексте обеспечения безопасности. Э.Я. Баталов видит в мировом порядке структуру более или менее устойчивых и значимых связей между элементами системы международных отношений, определяющих характер ее функционирования и развития в определенных временных пределах [2, с. 5].

Миропорядок выступает в качестве концептуальной модели, решающей проблему теоретизации «представлений о содержании и принципах взаимодействия субъектов мировой политики» [7, с. 178]. Интерпретация данной категории в науке неоднозначна. Геополитическая интервенция в науку теории международных отношений усилила акцент на глобальной конкуренции и пространственных характеристиках государств как важнейших факторах эволюции мировой политической системы. Концепция миропорядка обогатилась содержанием, позволяющим констатировать экспансию его предметных контуров за пределы международного порядка как сферу взаимодействия национальных государств. Содержание концепции миропорядка, обогащенное включение в его состав новых субъектов выступили в качестве дескриптивной модели глобальной конфигурации власти и распределения сил (позиций) между акторами мирового политического процесса, упорядоченных в рамках определенной иерархии [3, с. 53].

Современные тенденции развития мирового порядка

Распад блока социалистических государств утвердился присутствием в системе международных отношений одного центра силы (США) и начало периода однополярного миропорядка. Превращение США в единственную сверхдержаву и односторонние тенденции в их действиях на международной арене вызвали дебаты о природе гегемонии и необходимости добиваться более справедливого международного порядка в XXI веке. Появление новых политических игроков, таких как Россия, Китай и многие другие развивающиеся экономики, позволяет формировать устойчивые союзы, являющиеся угрозой для однополярного доминирования США. Развивающиеся региональные державы пытаются укрепить свой суверенитет в мировой политике благодаря своим возможностям. Нынешний переходный период и баланс сил показывают борьбу зарождающихся государственных тенденций за завоевание своих позиций в мире. В настоящее время можно констатировать, что подъем Китая как новой державы быстрыми экономическими темпами влияет на характер международной политики.

В начале 2000-х годов большое количество стран (названных развивающимися экономиками или даже «средними державами») начали выдвигать новые требования к глобализационным процессам и более широкому участию в принятии решений на международном уровне, бросая вызов американской гегемонии в мировых делах. Милитаризм американской администрации президента США Дж. Буша-мл. стал значимым фактором объединения развивающихся стран, готовых отстаивать такие концепции, как многосторонность в глобальных делах и дипломатические (немилитаристские) подходы к решению острых международных кризисов.

Ранее игнорируемые на международной арене государства начали критиковать текущее положение дел, а также глобальные финансовые институты (такие как Всемирный банк и МВФ) за то, что они представляют интересы только развитых стран, в то время как могущественные государства используют данные институты, чтобы убедить менее влиятельные страны

открыть свои экономики посредством политики дерегулирования и приватизации национальных активов. Пока на мировой арене разворачиваются активные геополитические, геоэкономические и геостратегические процессы перераспределения ролей различных международных акторов, центр мировой политической активности всё больше смещается в АТР, вовлекая в свою орбиту государства других регионов [10, с. 75].

В качестве примера показателен тот факт, что в течение многих лет МВФ заставлял государства развивающегося мира сокращать расходы на социальное обеспечение в пользу погашения государственного долга, утверждая, что эта политика была направлена на обеспечение процветания развивающихся стран. Эта мысль была основана на западно ориентированной интерпретации этих институтов, в то время как Глобальный Север (объединение североатлантических государств) состоит из развитых капиталистических экономик, историческое доминирование которых ставило под угрозу развитие стран, относящихся к Глобальному Югу (государства южных регионов Азии, Африки, Америки). Даже специалисты МВФ придерживались мнения, что организация на самом деле серьезно недооценила опасности финансовой либерализации, как внутренней, так и внешней, а воспоминания, связанные с зависимостью от МВФ и погашением долга, вызвали антизападные настроения во многих странах Глобального Юга, подчас пересекаясь с дискурсом о противостоянии американскому империализму.

Среди политических лидеров государств «второго эшелона» также доминировало общее понимание того, что процессы глобализации в определенной степени способствовали усугублению имущественного неравенства во всём мире, принося пользу небольшой экономической элите в развитых странах в ущерб развивающимся государствам. При таком раскладе экономические блага, предоставляемые странам Глобального Юга, обычно

«давались одной рукой и отнимались другой», по меткому выражению бывшего министра иностранных дел Бразилии Селсу Аморима [5, с. 41].

Именно в этом контексте БРИКС как объединение пяти развивающихся экономик – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки – стала первой влиятельной межгосударственной организацией, бросившей вызов статус-кво мирового порядка. БРИКС стала внедрять творческие формы межгосударственного сотрудничества, включая создание Нового банка развития, первого нерегионального финансового учреждения после Бреттон-Вудса, создание исследовательских центров по вакцинам для решения проблем, связанных с COVID-19, укрепление координации в области кибербезопасности и другие меры. В сравнительном плане в рамках БРИКС Бразилия, Южная Африка и Индия больше размышляют о мире в пределах парадигмы отношений Север – Юг как конструктивном сотрудничестве между развитыми и развивающимися странами, в то время как Россия и Китай обычно интерпретируют нынешние институты глобального управления в рамках разделения Восток – Запад, где доминируют западные страны.

Роль БРИКС в многополярной системе международных отношений

Усиление роли БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) в мировой экономике и политике вызвало некоторое чувство беспокойства на Западе [17]. Многие политики и ученые в Европе и Северной Америке рассматривают эту группу развивающихся экономик как серьезную проблему или даже угрозу международному порядку, в котором доминируют США. Угроза приобрела новое измерение после успешного запуска двух многосторонних финансовых институтов – Азиатской инфраструктуры Инвестиционного банка (АБИИ) в 2015 году и Банка БРИКС, который официально называется Новым банком развития (НБР), в 2016 году [4, с. 28].

У БРИКС также нет последовательного проекта по изменению нынешнего мирового порядка. БРИКС является антигегемонистской инициативой, направленной на создание многополярной системы, но государства не предпринимают попытки системного разрыва. Вместо этого БРИКС

определяет себя как важную силу для постепенных изменений и реформирования существующих институтов в направлении более представительного и справедливого управления.

БРИКС представляет собой новую форму сотрудничества на основе взаимного обучения между странами, которые имеют некоторые схожие особенности развития, и в свете функционализма посредством сотрудничества в нескольких тематических областях. С этой точки зрения, БРИКС может предложить практические решения текущих проблем и повлиять на восприятие других стран, что выполнимо и желательно. Тем не менее БРИКС и большинство стран G-20 выступают за реформу системы ООН, поскольку нынешняя конфигурация организма (и особенно его Совета Безопасности) рассматривается как пережиток баланса сил 1945 года. В декларации БРИКС 2009 года уже говорилось о «необходимости всеобъемлющей реформы ООН с целью повышения ее эффективности» [8].

Примерно четыре года спустя после принятия данной декларации БРИКС заявила, что преобладающая архитектура глобального управления регулируется институтами, которые были задуманы в условиях, когда международный ландшафт во всех его аспектах характеризовался очень разными вызовами. Хотя страны БРИКС интегрированы в орбиту западных экономических институтов, они проявляют (хотя и скромный) интерес к изменению некоторых его специфических правил и норм. Это объясняется тем, что развивающиеся страны (представленные странами БРИКС) не считают себя бенефициарами либеральной международной системы. Тот факт, что международная помощь, предоставляемая такими учреждениями, как МВФ, зависела от мер по корректировке внутренней политики государства-реципиента в неолиберальном стиле, привел к тому, что многие страны столкнулись с острой экономической и политической нестабильностью, которая затронула некоторые страны БРИКС в 1980-х и 1990-х годах.

Фактор институционализации в развитии организации БРИКС

Будучи реформистскими государствами, страны БРИКС разделяют общее убеждение в том, что структура глобальных институтов неадекватна реалиям XXI века, в то время как планы по реформированию этих институтов существуют, но остаются только на бумаге. БРИКС считает, что развивающиеся державы должны справедливо подвергать сомнению легитимность существующей системы и стремиться к глобальной политической структуре, отражающей постепенно формирующийся многополярный мировой порядок. Это общее желание реформировать глобальное экономическое управление является проблемой, которая движет странами БРИКС после финансового кризиса 2008 года. В поисках реформ страны БРИКС учредили в 2014 году Новый банк развития (или НБР), который был частично создан из-за отказа развитых стран, в частности США, увеличить капитал существующих многосторонних институтов финансирования развития, а также для обеспечения большей значимости голосов стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран в этих организациях.

БРИКС предполагает, что реформирование МВФ и Всемирного банка требует увеличения права голоса в пользу развивающихся экономик, чтобы привести их участие в принятии решений в соответствие с их относительным весом в мировой экономике. НБР отражает неудовлетворенность БРИКС существующими многосторонними институтами, которые медленно адаптируются к XXI веку и предоставляют развивающимся странам достаточные полномочия для принятия решений. Другие аналитики утверждают, что НБР можно рассматривать как доказательство того, что у БРИКС действительно есть ревизионистская повестка дня: представляя собой яркий пример объединения ревизионистских держав, организация бросает вызов структурам и легитимности Всемирного банка и Международного валютного фонда.

БРИКС также создала Механизм условных резервов (CRA), который играет важную роль в стабилизации национальных валют государств – членов БРИКС, выступая в качестве инструмента для предотвращения краткосрочного давления на платежный баланс, обеспечения взаимной поддержки и дальнейшего укрепления финансовой стабильности. По данным Южноафриканского института международных отношений (SAIIA), CRA БРИКС действительно может стать адекватной сетью безопасности и, следовательно, обеспечить независимость стран-участниц от МВФ, что представляет собой символический шаг в сторону от институтов, ориентированных на Запад, и способно привлечь и другие развивающиеся экономики.

При поддержке G-20 странам БРИКС удалось реформировать Всемирный банк и Международный валютный фонд, укрепив свои позиции в этих организациях. Если говорить о необходимости реформирования Бреттон-Вудских институтов (в которых доминируют Запад и особенно Соединенные Штаты), то БРИКС настаивает на перераспределении доли голосов и распределении квот в МВФ, что видно из первых документов группы с 2009 года, чтобы дать больше ответственности развивающимся державам в управлении глобальными финансовыми делами.

Страны БРИКС давно участвуют в сотрудничестве в области кибербезопасности, уделяя особое внимание этой сфере в качестве одного из своих приоритетов на последнем саммите 2021 года. Согласно Делийской декларации, страны БРИКС подчеркивают ведущую роль Организации Объединенных Наций в содействии диалогу, выработке общего понимания в области безопасности и использования информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ) и разработке универсально согласованных норм, правил и принципов ответственного поведения государств в сфере ИКТ. Они также подчеркнули необходимость продвижения практического сотрудничества внутри БРИКС в этой области, в том числе путем реализации Дорожной карты практического сотрудничества БРИКС по обеспечению

безопасности при использовании ИКТ и деятельности Рабочей группы БРИКС по безопасности при использовании ИКТ. На национальном уровне страны БРИКС недавно приняли аналогичные инициативы в области регулирования с некоторыми особенностями и даже некоторыми расхождениями, бросая вызов гегемонии Соединенных Штатов в глобальном киберпространстве. Тем не менее страны БРИКС по-прежнему сталкиваются с серьезными проблемами в своем сотрудничестве в области кибербезопасности, а именно с различными концепциями управления киберпространством, внутренними ограничениями координации кибербезопасности и дифференциацией политики от политики, проводимой западными странами.

В то же время группа БРИКС провела значительную институционализацию, чтобы противостоять доминированию США в мировом порядке. Несмотря на то что до настоящего времени у БРИКС нет постоянного секретариата, объединение запустило две крупные финансовые инициативы – НБР и Механизм резервирования на случай непредвиденных обстоятельств (CRA). Оба учреждения имеют начальный капитал в размере 100 миллиардов долларов США каждый. НБР, который, как ожидается, будет инвестировать в проекты устойчивого развития по всей Евразии, рассматривается как альтернатива Всемирному банку, в то время как CRA, основанный как система социальной защиты в помощь государствам-членам в преодолении финансовых кризисов, рассматривается как контрмера МВФ. Тот факт, что были созданы эти два института, свидетельствует о сильной воле стран БРИКС избавиться от чрезмерного контроля США над мировыми экономическими и финансовыми системами. Это также выявляет отчетливое стремление, подтверждаемое политическими действиями, группы БРИКС стать новой базой власти для установления мирового порядка после США. Как минимум, это означает, что будущие глобальные торговые и финансовые правила, функционирование глобальных промышленных цепочек, контроль и распределение глобальных экономических ресурсов не могут определяться исключительно США, часто при поддержке развитых западных государств,

объединенных в категорию G7. БРИКС, безусловно, ищет какие-то фундаментальные изменения в процессах принятия решений [9, с. 89].

Однако существенное ограничение доминирования США или замена возглавляемого США глобального экономического и финансового порядка может оказаться высокой целью для стран БРИКС. Такие фундаментальные изменения в мировой экономике зависят от ряда требований, которым для достижения этой цели БРИКС должна соответствовать, включая высокую степень совпадения внешнеполитических целей и предпочтений, сильное политическое и идеологическое единство и четкое видение мирового порядка, разделяемое всеми членами группы и доступное широкому международному сообществу.

В основе отсутствия сильного внешнеполитического сближения БРИКС лежит их политическая и идеологическая неоднородность, которая часто создает конфликты между ведущими государствами БРИКС. Каждое государство БРИКС, от внутренних политических и экономических систем до культурных и религиозных традиций, является отдельным образованием, что резко противоречит однородным политическим и экономическим системам, ценностям и историческим траекториям послевоенных стран Западной Европы и Северной Америки. Все западные страны, возглавляемые США, являются функциональными демократиями и рыночной экономикой; они разделяют почти одинаковые социальные и политические ценности и в основном координируют свою внешнюю политику таким образом, чтобы отражать эти ценности.

БРИКС также не выглядит как единый экономический блок, по крайней мере, с точки зрения внутренних экономических ориентаций и производственных структур. Китай позиционирует себя как рыночный социализм с высокой степенью государственного контроля над экономикой. Индия, Бразилия и Южная Африка в настоящее время придерживаются принципов либеральной рыночной экономики, в то время как российская экономика, как и экономика Китая, в лучшем случае представляет собой

смешанную экономику – ни рыночную, ни полностью контролируемую государством.

Огромные различия также характеризуют производственные структуры государств БРИКС. Китай за последние годы превратился в мировую экономическую державу, увеличив объем промышленного производства с 3% в 1990 году до 25% к 2015 году [6, с. 29]. Экономика Индии в большей степени ориентирована на сферу услуг, на долю которой в настоящее время приходится 61% ее ВВП. Экономики Бразилии, России и Южной Африки в значительной степени зависят от сырьевых товаров. Основными статьями экспорта Бразилии являются соевые бобы, железная руда и сырая нефть; Южная Африка сильно зависит от продаж золота, алмазов и платины на мировых экспортных рынках; основные доходы России от экспорта поступают от сырой нефти, природного газа, металлов и минералов.

В настоящее время группа БРИКС не имеет видения нового мирового порядка и не приближается к его разработке. Вышеупомянутые политические, экономические, идеологические и стратегические разнородности группы, действительно, препятствуют выработке коллективного видения будущего мирового порядка. Концепция нового мирового порядка в том виде, в каком она развивалась исторически, имеет разные значения и коннотации, но, как минимум, это означает появление нового полюса власти и нового набора идей для определения базового характера формирующегося порядка, отношений между его составными частями (государствами) и рамок для решения политических, социальных и экономических проблем. Возглавляемый США послевоенный либеральный мировой порядок, который ведет свое происхождение от пост-вестфальского европейского порядка XVII века, стремился определить порядок, развивая ряд важных столпов, включая международные отношения, ориентированные на государства, государственный суверенитет, систему баланса сил для поддержания мира [1, с. 646].

Гораздо более сложной задачей для группы БРИКС являются создание нового или реконструкция существующего мирового порядка, защита своих интересов и должное признание интересов других государств. Китай, Индия и Россия составляют ядро БРИКС, но вряд ли есть какое-либо сходство или точка соприкосновения в их идеях и видениях мирового порядка после США. Китайцы исторически рассматривали мир как иерархический порядок, в котором культурно более высокий и цивилизованный Китай находится на вершине, а все остальные народы, которых они называли «варварами», занимают различные позиции ниже по лестнице.

Заключение

Государства БРИКС добились некоторых первоначальных успехов в распределении голосов с США, и это может побудить другие развивающиеся экономики присоединиться к объединению и укрепить группу, чтобы усилить давление на США с целью проведения серьезных реформ двух институтов, что, в свою очередь, приведет к реформированию мирового порядка в будущем. Тем не менее группа страдает от серьезных политических, идеологических и стратегических неудач в работе в качестве согласованного действующего лица, чтобы успешно бросить вызов существующему порядку, в котором доминируют США, и заменить его каким-то новым мировым порядком в целом. В отличие от США и их западных союзников, государства БРИКС как группа мало сходятся во внутреннем устройстве, а также во внешнеполитических ориентациях, за исключением их общего противостояния доминированию США. БРИКС не является высоко институционализированным формированием и на данном этапе не заменяет блоки регионального экономического сообщества. Именно беспрецедентный размах этой формы партнерства, этого объединения породил предположения о том, чем БРИКС не является консолидированным блоком мощных развивающихся стран, заменяющим прежние политические и экономические международные модели.

Список литературы

1. Алиев О.М. Новый банк развития БРИКС: причины создания и выгоды для России // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 641-646.
2. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. 375с.
3. Емузова Э.А. Родовидовой анализ понятия «мировой порядок» // Kant. 2015. № 1 (14). С. 53-54.
4. Зеленева И.В. Роль стран БРИКС в реформировании системы глобального управления // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. Т. 2. № 2. С. 26-31.
5. Капышев А.К. Экономико-геополитические аспекты БРИК/БРИКС // Вестник Омского регионального института. 2013. № 1. С. 39-43.
6. Пищулин Н.С. Статистическая оценка внешнеэкономической деятельности Российской Федерации с КНР и Республикой Индия // Финансовые рынки и банки. 2022. № 2. С. 28-34.
7. Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (29). С. 176-181.
8. Совместное заявление лидеров стран БРИК от 16 июня 2009 г. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/209 (дата обращения: 01.11.2023).
9. Ткачук С.П. Императивы и паллиативы экономической интеграции в рамках большого евразийского партнерства // Российский экономический журнал. 2018. № 6. С. 85-104.
10. Шарко С.В. Геополитические аспекты БРИКС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. № 16. С. 75-84.
11. Шангараев Р.Н., Лобас Е.В. Оценка структуры и динамики таможенных платежей в контексте экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 192-199.
12. Шангараев Р.Н. Формирование кластерных структур в современной экономике // Горизонты экономики. 2011. № 2. С. 71-72.
13. Шангараев Р.Н., Лобас Е.В., Трифонов И.В. Роль национальной платежной системы в обеспечении экономического роста и национальной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 336-343.
14. Карпович О.Г., Герасимова Ю.И. БРИКС в контексте современных международных информационных процессов // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 2. С. 191-203.
15. Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами (сравнительный политологический анализ) // Национальная безопасность / Nota Bene. 2013. № 4 (27). С. 605-612. 38
16. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Латинской Америки // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 2. С. 26-30.

Терских Михаил Андреевич,
к.полит.н., научный сотрудник Центра Индоокеанского региона
ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН,
e-mail: mikhail.terskikh@gmail.com

Богатырев Владимир Арменович,
студент факультета международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: vladimir.armenovich@mail.ru

Mikhail A. Terskikh,
Cand. of Science (Politics), Research Fellow
Center of the Indo-Pacific Region, IMEMO RAS,
e-mail: mikhail.terskikh@gmail.com

Vladimir A. Bogatyrev,
student of the Faculty of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: vladimir.armenovich@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ДЕВЯТОГО САММИТА ЯПОНИЯ – КИТАЙ – ЮЖНАЯ КОРЕЯ ДЛЯ ЯПОНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

MEANING OF THE NINTH JAPAN-CHINA-SOUTH KOREA SUMMIT FOR JAPAN-CHINA RELATIONS

Аннотация: статья посвящена итогам состоявшегося в мае 2024 года после пятилетнего перерыва саммита Японии, Китая и Республики Корея, а также его влиянию на перспективы японо-китайских отношений. Проанализирована «Голубая книга» Японии – ежегодный доклад МИД Японии, описывающий взгляды страны на происходящие в мире события, в том числе через призму двусторонних отношений с Китаем. Авторы приходят к выводу, что вовлеченные в американоцентричную систему альянсов в регионе Токио и Сеул не могут выйти за рамки курса Вашингтона на всестороннее сдерживание Пекина. В этом плане саммит не был ознаменован заметными заявлениями или решениями. Реалистичная цель двусторонних отношений Китая и Японии в нынешних условиях – управлять конфронтацией и минимизировать влияние разногласий в сфере политики и безопасности на взаимовыгодные торгово-экономические связи.

Ключевые слова: девятый саммит Япония – Китай – Южная Корея, японо-китайские отношения, внешняя политика Японии, Голубая книга 2024.

Abstract: the article is devoted to the results of the Japan-China-Republic of Korea summit held in May 2024, after a five-year gap, and its impact on Japanese-Chinese relations. It analyzes the “Blue Book”, an annual report published by the Japanese Ministry of Foreign Affairs, which provides an overview of the country's view on global events, including through the lens of bilateral relations with China.

The authors conclude that Tokyo and Seoul, being part of the American-centered system of alliances in the region, are unable to deviate from Washington's policy of comprehensive containment towards Beijing. As a result, the summit did not lead to any significant statements or decisions. Within this context, the realistic goal of China-Japan bilateral relations under current circumstances is to manage the confrontation and minimize the impact of political and security disagreements on mutually beneficial trade and economic cooperation.

Keywords: the Ninth Japan-China-ROK Trilateral Summit, Japan-China relations, Japan`s Foreign Policy, Bluebook 2024.

Встречи лидеров Японии, Китая и Республики Корея, обретшие в 2008 году форму регулярных саммитов и провозглашенные «прочной основой» для сотрудничества трех стран в различных областях, не проводились с 2019 года – во многом из-за «пандемийных» ограничений. Решение о возобновлении контактов в обозначенном формате было принято на встрече министров иностранных дел «тройки» 26 ноября 2023 года [10].

Старые и новые партнеры

Через четыре месяца с момента ноябрьской встречи, в ходе которой министры иностранных дел Японии, Китая и Республики Корея в качестве одной из основ трехстороннего сотрудничества определили вопросы «мира и безопасности», 9 апреля 2024 года премьер-министр Японии Ф.Кисида совершил визит в Вашингтон. По его итогам справедливо говорить о качественном обновлении японо-американского договора о безопасности 1960 г. Подтвердив свою приверженность условиям договора, президент США Дж.Байден не упустил случая уточнить, что они распространяются также и на острова Сенкаку (китайское название – Дяоюйдао) [11]. Обновление договора было решено осуществить по двум направлениям. Во-первых, стороны договорились о создании отдельной группы в составе Индо-Тихоокеанского командования США, которая будет координировать свои действия с японскими силами. По сути, речь идет о создании общего командования, которое будет способно осуществлять объединенное управление военными операциями. Во-вторых, предусмотрено создание совета по военной промышленности для совместного производства вооружений и военной

техники. В заявлении по итогам визита подчеркивается, что страны – участницы AUKUS рассматривают возможность присоединения Японии к так называемому «второму компоненту» (Pillar II), который предполагает сотрудничество в сфере передовых военных технологий.

Обновление договора о безопасности – не единственное, чем ознаменовался визит главы японского кабинета министров. 11–12 апреля состоялся первый в истории саммит с участием Ф. Кисиды, Дж. Байдена и президента Филиппин Ф. Маркоса-мл. «Мы выражаем нашу серьезную обеспокоенность ситуацией в Восточно-Китайском море и вновь заявляем о нашем решительном неприятии любых попыток КНР в одностороннем порядке изменить статус-кво с помощью силы или принуждения в Восточно-Китайском море, в том числе посредством действий, направленных на подрыв давнего и мирного управления Японией островами Сенкаку» [8], – говорится в опубликованном на сайте Белого Дома совместном заявлении по итогам саммита. Подчеркнув свою «непоколебимую приверженность» свободе судоходства и полетов, лидеры трёх стран подчеркнули важность наращивания потенциала филиппинской береговой охраны и заявили о планах провести в 2025 году совместные военные учения [6].

Разумеется, подобное заявление не могли не получить негативной оценки со стороны Пекина. Представитель МИД КНР Мао Нин выступила с соответствующим заявлением, указав на «формирование блоковой конфронтации в регионе» [5].

Эксперты сходятся в оценке вектора американской стратегии в регионе. Так, научный руководитель Российского совета по международным делам А. КОРТУНОВ отмечает, что американская политика направлена на дополнение двусторонних американских соглашений с партнерами в АТР отдельными структурами многосторонних отношений, где они бы взаимодействовали не только с Вашингтоном, но и друг с другом [3].

Вашингтон, провозгласив Пекин основным вызовом для своей гегемонии в XXI веке, проводит последовательную линию на окружение Китая системой

различных «мягких» альянсов. В ход идут как традиционные договоры о безопасности, заключенные еще в период холодной войны и требующие адаптации к современным условиям, так и новые ситуативные коалиции, такие как AUKUS и Quad. К последним посредством инструментария различных партнерств (к примеру, Quad Plus) присоединяются и страны, не готовые к открытой конфронтации с Китаем, но также озабоченные усилением его роли в регионе.

О безоговорочном следовании Японии военно-политическому курсу США в регионе свидетельствуют не только отмеченное обновление договора о безопасности, активное вовлечение в де-факто антикитайские форматы кооперации, опасная тенденция к милитаризации, выраженная во внутриполитических дебатах о судьбе девятой статьи Конституции, но и содержание опубликованной через неделю после визита Ф. Кисиды в США так называемой «Голубой книги» [12].

«Красная угроза» в новой «Голубой книге»

В главе 2, получившей название «しなやかで、揺るぎない地域外交» [Гибкая и устойчивая региональная дипломатия], в параграфе под названием «アジア・大洋州» [Азия / Океания] зафиксировано актуальное состояние внешнеполитической деятельности Японии и её позиция по ряду вопросов, затрагивающих непосредственно КНР. Перечень выделенных пунктов охватывает внутреннюю политику, экономику, дипломатию и обеспечение безопасности.

Так, в пункте 内政 [внутренняя политика] внимание уделяется ситуации правам человека в Китае, которую японское правительство намерено исправлять посредством «тесного сотрудничества с международным сообществом». Пункт 外交 [дипломатия] комплексно освещает вопросы американско-китайских отношений, затрагивая преимущественно экономическую безопасность. Подчеркивается, что «построение стабильных отношений между Соединенными Штатами и Китаем важно не только для

Японии, но и для всего международного сообщества, и тенденции будут по-прежнему внимательно отслеживаться» [14]. В пункте 軍事・安保 [обеспечение безопасности] ожидаемо высказываются опасения о стабильно высоких военных расходах Китая, которые увеличились в 37 раз за последние 30 лет, а также об «агрессивной» политике в контексте спорных территорий. Здесь, как и в случае с дипломатией, Япония выражает готовность к поиску компромисса и обещает «укреплять контакты с Китаем в области безопасности» (например, в рамках японо-китайского диалога по безопасности).

Резюмируя текущее состояние японо-китайских отношений в пункте 日中関係 [японо-китайские отношения], документ определяет отношения с Пекином как одни из наиболее важных двусторонних отношений для Токио. Несмотря на наличие ряда проблем, «важно, чтобы обе стороны работали вместе для построения конструктивных и стабильных японо-китайских связей». Отдельно стоит обратить внимание на формулировку «戰略的互惠關係» [взаимовыгодные стратегические отношения], которая в последний раз по отношению к Китаю встречалась лишь в «Голубой книге» 2019 года [13]. Несмотря на стремление Японии стабилизировать отношения со своим соседом (по крайней мере, излагаемое на бумаге), Пекин выразил свое несогласие с формулировками документа, а представитель МИД КНР Линь Цзянь заявил, что в ней содержатся уже привычные ложные обвинения в адрес Китая и так называемой китайской угрозы [4].

Вопросов, которые Токио выделяет в качестве приоритетных для решения в двусторонних отношениях, у Китая гораздо больше, чем у России, где фигурирует лишь «проблема северных территорий». Между тем в рамках данного документа японское правительство выражает свое стремление к поиску компромисса по ряду вопросов с КНР, начиная со студенческих обменов и заканчивая оспариваемыми территориями.

Подчеркивая необходимость наращивания Японией сотрудничества со странами-единомышленниками в регионе в ответ на растущие военные угрозы со стороны Китая, Токио не забывает упомянуть о наличии «взаимовыгодных стратегических отношений». Более того, заявляет не только о стремлении стабилизировать контакты, но и предлагает конкретные инструменты (например, японо-китайский диалог по безопасности). Это, впрочем, вовсе не позволяет делать общие выводы о компромиссности японской позиции, изложенной в «Голубой книге», поскольку по отношению к России, например, стремление к стабилизации двусторонних связей не декларируется.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сам факт участия Японии в саммите вполне вписывается в рамки проводимого в отношении Пекина курса и не может свидетельствовать о каких-либо тенденциях к существенному улучшению двустороннего сотрудничества. Кроме того, о последовательности японской политики в этом вопросе свидетельствует и тот факт, что содержание «Голубой книги» по вопросам региональной безопасности во многом повторяет содержание Стратегии национальной безопасности, опубликованной ещё в декабре 2022 года. Так, в ней Китай обозначен как «величайший стратегический вызов». Кроме того, перечень «угроз», исходящих от Пекина, почти идентичен представленному в «Голубой книге»: упоминаются и рост военных расходов, и односторонние попытки изменения статус-кво в ВКМ и ЮКМ, и укрепление стратегических связей с Россией, и Тайваньский вопрос [9].

О чем договорились Япония и Китай?

Лейтмотивом выступлений Ли Цяна на саммите 27 мая стали призывы против «перевода торгово-экономических вопросов в плоскость политики или безопасности» [1]. Действительно, вопросы, связанные с экономикой, оказались преобладающими в повестке. Так, Ф.Кисида, Юн Сок Ёль и Ли Цян договорились ускорить возобновление трехсторонних переговоров по созданию зоны свободной торговли, которые не проводились уже с 2019 года. Стороны признали важность совместных усилий в экономике и торговле для

процветания и стабильности региональной и мировой экономик. Они планируют работать вместе над сокращением разрыва в развитии стран региона. Для этого они будут сотрудничать в реформировании и укреплении системы ВТО, продолжать дискуссии по ускорению переговоров о подписании соглашения о свободной торговле и поддерживать работу секретариата Соглашения о всеобъемлющем региональном партнерстве по приему новых членов. Участники также поддержали проведение в 2024 году трёхстороннего Форума предпринимателей (Trilateral Entrepreneurs Forum) [7, с. 5]. Было отмечено значение дальнейшего укрепления сотрудничества между тремя странами на уровне министров финансов и руководителей центральных банков в формате АСЕАН+3, в рамках которого стороны поддержали создание механизма быстрого финансирования (Rapid Financing Facility) и использование Фонда сотрудничества АСЕАН+3 для поддержки стартапов. В честь десятилетия сотрудничества Японии, Китая и Южной Кореи в сфере защиты интеллектуальной собственности было опубликовано отдельное совместное заявление о его дальнейшем углублении (Joint Statement on a 10 Year Vision for Trilateral IP Cooperation).

В рамках двусторонней встречи японским представителям удалось добиться несколько меньших результатов, чем их южнокорейским коллегам. Было достигнуто соглашение о проведении нового раунда двустороннего экономического диалога на высоком уровне, хотя и без указания конкретных сроков. Кроме того, были обсуждены актуальные и важные с экономической точки зрения для каждой стороны вопросы, такие как запрет Китая на импорт морепродуктов из Японии и возможный перенос японских цепочек поставок полупроводников из Китая. Однако конкретных предложений по преодолению разногласий по этим вопросам выдвинуто не было.

Самой «скромной» по своему содержанию и, как отмечают некоторые эксперты, «скомканной» частью совместного итогового заявления стал пункт под названием «Региональная и международная безопасность и процветание», в который было включено всего три подпункта. С учетом обилия тех вопросов,

которые поднимались в ходе саммита японской стороной (корейский вопрос, ситуация на Украине, ситуация на Ближнем Востоке), показательным является тот факт, что отражение нашел только один из них и только в «выдержанных» формулировках: «мы согласны продолжать прилагать позитивные усилия для политического урегулирования проблемы Корейского полуострова» [7, с. 7].

Заключение

Саммит не увенчался заметными успехами и прорывными решениями. Как можно наблюдать, действия Японии не выходят за рамки последовательно проводимого курса по отношению к Китаю. То же самое касается и Пекина, который, например, проигнорировал призыв японского премьера придерживаться провозглашенных в Индо-Тихоокеанском видении АСЕАН (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific) принципов. Поэтому о «перезапуске» двусторонних отношений и сколь-либо существенных изменениях во внешнеполитических установках говорить не приходится.

Попытки обсуждения спорных вопросов отражения в совместном заявлении также не нашли. Сейчас, как и несколько лет назад, трудно надеяться на какой-либо «прорыв» в вопросе о координации усилий трёх стран по северокорейской проблеме, поскольку Япония и Южная Корея, будучи союзниками США, находятся по другую сторону баррикад с Китаем, сохраняющим, несмотря ни на что, союзнические отношения с КНДР [2].

С учетом того, что на саммите не прозвучало даже приблизительных дат реализации большей части выдвинутых на нем инициатив, всё будет зависеть от того, какие практические шаги будут предприняты впоследствии. О них во многом можно будет судить на очередном саммите в Токио в 2025 году.

К сожалению, нет оснований полагать, что региональная политика Токио, укрепившаяся в своей последовательности, в результате качественного преобразования японо-американского союза и содействия усилиям США по созданию американоцентристских квазиблоковых структур изменится, а следовательно, традиционно использовавшаяся для характеристики японо-китайских отношений формула «в экономике горячо, в политике холодно» в

ближайшем будущем вряд ли окажется способна претерпеть какие-либо изменения. При этом и в Пекине, и в Токио весьма заинтересованы в том, чтобы в текущей ситуации «изолировать» взаимовыгодные торгово-экономические связи от трудноразрешимых вопросов в области политики и безопасности.

Список литературы

1. Премьер Госсовета КНР призвал Сеул присоединиться к Пекину в понимании общего направления дружбы между двумя странами // СИНЬХУА Новости. – 27 мая, 2024. – URL: <https://russian.news.cn/20240527/4687679273a04369a6cface20a08c129/c.html> (дата обращения: 30.05.2024)
2. Стрельцов Д.С. Японо-корее-китайский саммит: трёхстороннее потепление? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 8 мая, 2018. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/японо-корее-китайский-саммит/> (дата обращения: 30.05.2024)
3. США проводят трехсторонний саммит с лидерами Японии и Филиппин // Деловое издание «Ведомости». – 12 апреля 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/12/1031634-ssha-provodyat> (дата обращения: 30.05.2024)
4. Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian`s Regular Press Conference // Embassy of The People`s Republic of China in The Kingdom of Norway. – April 16, 2024. – URL: http://no.china-embassy.gov.cn/eng/lcbt/wjbfyr/202404/t20240416_11282648.htm (дата обращения: 30.05.2024)
5. Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning`s Regular Press Conference on April 11, 2024 // Ministry of Foreign Affairs of the People`s Republic of China. – April 11, 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202404/t20240411_11280341.html (дата обращения: 30.05.2024)
6. Japan-US-Philippines Summit // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – April 11, 2024. – URL: https://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/page-ite_000001_00267.html (дата обращения: 30.05.2024)
7. Joint Declaration of the Ninth ROK-Japan-China Trilateral Summit // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – May 27, 2024. – URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100675321.pdf> (дата обращения: 30.05.2024)
8. Joint Vision Statement from the Leaders of Japan, the Philippines, and the United States // The White House. – April 11, 2024. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/04/11/joint-vision-statement-from-the-leaders-of-japan-the-philippines-and-the-united-states/> (дата обращения: 30.05.2024)

9. National Security Strategy of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – December 16, 2022. – P. 7.
10. The Tenth Japan-China-ROK Trilateral Foreign Ministers` Meeting // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – November 26, 2023. – URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page6e_000402.html (дата обращения: 30.05.2024)
11. United States-Japan Joint Leaders` Statement // The White House. – April 10, 2024. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/04/10/united-states-japan-joint-leaders-statement/> (дата обращения: 30.05.2024)
12. 外交青書 [Голубая книга дипломатии] // 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]. – 16 апреля 2024. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> (дата обращения: 30.05.2024)
13. 外交青書 2019 [Голубая книга дипломатии 2019] // Министерство иностранных дел Японии. – апрель 2019. – С. 42.
14. 外交青書 2024 [Голубая книга дипломатии 2024] // Министерство иностранных дел Японии. – 16 апреля 2024. – С. 42.

Рахматуллин Шамиль Дамирович,
ассистент кафедры международных отношений
и регионоведения,
Тюменский государственный университет,
e-mail: s.d.rakhmatullin@utmn.ru

Shamil D. Rakhmatullin,
assistant of department of international relations
and regional studies,
University of Tyumen,
e-mail: s.d.rakhmatullin@utmn.ru

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

RUSSIAN-AFRICAN RELATIONS IN THE FIELD OF EDUCATION: NEW WAYS OF DEVELOPMENT

Аннотация: статья посвящена рассмотрению программ и инициатив Российской Федерации в контексте нового внешнеполитического курса по поддержке области образования со странами Африки. Представлено развитие партнерских отношений в области высшего образования. Рассматривается российская государственная политика в области поддержки экспорта образовательных программ с включением и продвижением Африканского континента, а также финансовая поддержка крупных предприятий страны в рамках стипендиальных образовательных программ.

Ключевые слова: образование, высшее образование, студенческая мобильность, иностранные студенты, Россия, Африка.

Abstract: the article is devoted to the consideration of programs and initiatives of the Russian Federation in the context of a new foreign policy course to support the field of education with African countries. The development of partnerships in the field of higher education is presented. The article considers the Russian state policy in the field of export support for educational programs with the inclusion and promotion of the African continent. Financial support for large enterprises of the country within the framework of scholarship educational programs.

Keywords: education, higher education, student mobility, international students, Russia, Africa.

Введение

Африканский континент является вторым по величине и по численности населения: на него приходится примерно пятая часть суши Земли и 15 процентов ее населения. По мере того как уровень образования начал расти по

всему континенту, растет и количество квалифицированной африканской молодежи, стремящейся к получению высшего образования за границей. Отток студентов из 54 стран континента в совокупности значителен. Современная Россия очень заинтересована в развитии отношений с африканскими странами и в том, чтобы вывести их на новый уровень, достойный обоим партнерам.

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации уделяется большое внимание Африканскому континенту – Африка описывается как «самобытный и влиятельный центр мирового развития». Концепция подробно останавливается на российских приоритетах в регионе и подчеркивает необходимость борьбы с «изошренным» неокOLONиализмом.

Подтверждением этому стали итоги 2023 года, одного из самых успешных в российско-африканских отношениях за последние десятилетия. Были проведены важные мероприятия: II саммит «Россия – Африка» в Санкт-Петербурге (27–28 июля), XV саммит БРИКС в Йоханнесбурге (22–24 августа) и подписание соглашения о создании Альянса государств Сахеля (16 сентября, пакт Липтако-Гурма) [2].

Исторический контекст российско-африканских отношений в области образования

Советская эпоха значительно содействовала в подготовке специалистов множеству африканских стран, что привело к образованию национальных ассоциаций выпускников советских и российских вузов, активно взаимодействующих в различных уголках континента до сих пор. Многие из этих выпускников занимают высокие должности как в государственных учреждениях, так и в частном секторе, внося вклад в научные исследования в рамках академических институтов. Российские университеты сохраняют свой уникальный методологический подход к обучению африканских студентов, который принимает во внимание особенности их языков и культур. Это и есть ключевая сила российской образовательной системы [2].

В конце 1950-х годов в Африке активизировалась борьба за освобождение от колониальной зависимости. Значительный вклад в достижение этой цели внёс СССР. По инициативе советских лидеров на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Этот документ стал важным шагом на пути к освобождению африканских государств.

В то же время в советские вузы начали поступать первые студенты из Африки. Открытие Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) способствовало ещё большему увеличению числа абитуриентов из этого региона.

По статистическим данным, в период с начала 1960-х по 1990-е годы советская образовательная система подготовила свыше 60 тысяч дипломированных специалистов из других стран. Больше всего выпускников получили образование в таких областях, как промышленность, сельское хозяйство, транспорт и социальная сфера. Эти профессии были критически важны для развития африканских государств. Среди выпускников советских вузов есть известные люди, которые впоследствии заняли высокие государственные должности, например, Аббас Юсуф Салех, который в 2008–2010 годах был премьер-министром Чада; Антуан Сомда, посол Республики Буркина-Фасо в Российской Федерации; Жанна д'Арк Мужавамария, министр окружающей среды Руанды.

Современное состояние российско-африканских отношений в области образования

В настоящее время российские и африканские власти, эксперты и представители бизнеса уделяют большое внимание популяризации российского образования в Африке. Совсем недавно, в 2023 году, прошла II Международная парламентская конференция «Россия – Африка», посвященная вопросам сотрудничества в сфере образования. Это мероприятие объединило парламентариев, ученых и представителей образовательных учреждений из России и различных африканских государств. Конференция

стала платформой для обсуждения актуальных проблем и перспектив сотрудничества, а также для обмена опытом и идеями. Эксперты, участвовавшие в конференции, высказали положительные отзывы об инициативе по расширению образовательного сотрудничества с Африкой. Президент РФ Владимир Путин в своем выступлении подчеркнул, что Россия всегда уделяла и будет уделять первостепенное внимание сотрудничеству со странами Африки. «Убеждены, что Африка станет одним из лидеров формирующегося нового многополярного миропорядка – для этого имеются все объективные предпосылки», – заявил президент РФ.

В рамках конференции прошел круглый стол, посвященный теме «Парламентское сопровождение сотрудничества в области науки и образования». Участники единодушно подтвердили, что образование и наука являются основными направлениями сотрудничества и что успех в этих областях способствует экономическому суверенитету обеих сторон [5].

На сегодняшний день можно отметить, что вектор развития дальнейшего сотрудничества будет ориентирован на Тропическую Африку или на страны Африки к югу от Сахары с благоприятными местными условиями для участия России, включая Габон, Нигерию, Чад, Гвинею, Руанду, Южный Судан, Анголу, Камерун и ряд других стран. Россия, вероятно, расширит свое участие в этих странах по мере появления возможностей.

Эксперты Высшей школы экономики в своем докладе «Африка–2023: возможности и риски» отмечают, что подготовка кадров может стать ключевым связующим звеном между Россией и Африкой, способствуя устойчивому развитию обоих регионов. Согласно плану приема, количество бюджетных мест для африканских студентов в российских вузах было увеличено с 2,3 тыс. в 2022–2023 учебном году до 4,7 тыс. в 2023–2024 учебном году [1].

Лидерами по числу студентов, обучающихся в России, являются Нигерия (1726 человек), Ангола (977 человек), Камерун (883 человека), Республика Конго (856 человек), Гана (842 человека), ЮАР (721 человек) и Кот-д'Ивуар

(717 человек). Эксперты отмечают, что потенциал этого направления используется пока не в полной мере и привлечение студентов из Африки может стать долгосрочным трендом в экспорте российского образования.

Россия стремится увеличить число африканских студентов до 15 000 тысяч студентов к 2025 году с помощью таких мер, как программа «Стипендии для России и Африки». Россия установила образовательные с колледжами в африканских странах, включая совместные исследовательские институты и программы обмена. Госкорпорация «Росатом» поддерживает научные, технологические, инженерные и математические программы и предлагает стипендии африканским студентам, обучающимся в России. Эта поддержка особенно ценна для талантливых африканских студентов, которым не хватает финансовых ресурсов. В 2017 году госкорпорация «Росатом» предоставила стипендии на обучение 60 специалистам в МИФИ, что позволило им получить высшее образование в сфере строительства, проектирования и эксплуатации ядерных объектов. В апреле 2023 года Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ объявил о своих планах открыть филиал в Египте. Это решение было принято в ответ на запрос Министерства высшего образования Египта. Основная цель этого проекта – подготовка местных кадров для работы на атомной электростанции «Росатом Эль-Дабаа» [6].

Интересным примером также является деятельность компании «РУСАЛ», которая активно поощряет академическую мобильность студентов из Гвинеи и оказывает им поддержку с 2001 года. Так, в 2011 году компания запустила стипендиальную программу, благодаря которой около 100 гвинейских студентов смогли получить бесплатное образование в российских вузах. Многие из них сегодня успешно работают на предприятиях «РУСАЛ» в Гвинее. Новая программа компании была запущена в мае 2022 года, и в её рамках «РУСАЛ» финансирует образовательные программы высшего и среднего профессионального образования для 50 студентов-медиков из Гвинеи. По неофициальной информации, стипендиальная программа будет продолжена [5].

Стратегия «Российское образование в Африке» продвигает русский язык и культуру путем создания центров в нескольких африканских странах и усиления поддержки студентов, изучающих русский язык. Эта стратегия направлена на построение долгосрочных отношений и формирование нового поколения африканских лидеров с прочными связями с Россией.

Одним из заметных качественных изменений в отношениях с Африканским континентом является значительное расширение географического разнообразия африканских студентов, обучающихся в российских городах. Если раньше более половины всех африканских студентов сосредоточивались в Москве и Санкт-Петербурге, то сейчас их доля составляет лишь около 26%. Тысячи студентов из Африки сегодня получают образование в России, учась в более чем 90 городах и почти 300 университетах. Среди ключевых образовательных центров для африканцев выделяются Нижний Новгород, Казань, Тюмень, Екатеринбург, Тамбов, Воронеж, Курск, Белгород и Краснодар. Такой выбор объясняется доступностью жизни и высоким качеством образовательных услуг.

Наиболее популярными направлениями учебы для африканских студентов являются медицинские специальности, которые выбирают до 30% учащихся. Инженерные науки и технологии занимают второе место с долей около 20%, также востребованы области менеджмента, финансов и экономики. Многие студенты ориентируются на практические дисциплины, стремясь получить образование, которое соответствует требованиям рынка труда и потребностям своих стран.

В России в 2022–2023 учебном году количество африканских студентов превысило отметку в 34 тысячи человек, что составляет 10% от общего числа иностранных учащихся и около 5% от всех африканцев, которые обучаются за границей. Это число более чем вдвое превышает советский максимум, когда в стране обучалось 15 тысяч африканцев в год. Именно поэтому в июле 2023 года на втором российском африканском саммите был разработан план действий на 2023–2026 годы. План уделял особое внимание образовательному

сотрудничеству между Россией и Африкой. Больше всего студентов из Египта – свыше 15 тысяч – обучаются в России, это почти половина от всех студентов из Африки в России. Следующими по численности являются студенты из Марокко, Нигерии, Алжира и Ганы.

Министр высшего образования России Валерий Фальков отметил, что в рамках сотрудничества с Африкой Россия подготовила более 310 тысяч специалистов с этого континента. Более того, во многих африканских странах, таких как Ангола, Египет и Танзания, успешно функционируют национальные ассоциации выпускников советских и российских вузов.

Количество африканских студентов в России продолжает расти, наряду с инициативами, направленными на укрепление сотрудничества между российскими и африканскими университетами. Это подчеркивает стремление не только к подготовке специалистов, но и к инвестициям в инфраструктурное развитие континента через обмен знаниями и опытом. Так, в 2021 году был создан Российско-африканский сетевой университет, который объединил 48 учебных заведений и два научных института из России и африканских стран. Учебная модель этого университета предлагает курсы на русском, английском и французском языках.

В июле 2023 года было подписано соглашение о создании профессионального сообщества вузов, занимающихся подготовкой кадров в области природных ресурсов. Этот документ был подписан при участии представителей девяти стран Африки, в числе которых Гана, Египет и Зимбабве, а также Санкт-Петербургского горного университета.

В июне 2023 года Министерство образования России взяло на себя инициативу по созданию центров русскоязычного образования в Африке. Проект реализуется совместно с более чем десятью российскими педагогическими вузами. К 2024 году такие центры уже начали свою работу в Камеруне, Алжире, Тунисе, Египте, Уганде, Мали, Замбии, Намибии, Нигерии, Демократической Республике Конго, Зимбабве и Кот-д'Ивуаре. Эти образовательные центры имеют большое значение для повышения качества

образования африканских студентов, позволяя им изучать русский язык, не покидая свою страну. Подготовка перед учебой в России существенно облегчит адаптацию студентов к новой среде.

Первый заместитель министра образования Российской Федерации Александр Бугаев заявил о готовности к сотрудничеству со странами Африки по вопросам открытия филиалов российских образовательных учреждений среднего профессионального образования в ответ на просьбы партнеров с континента.

Для продвижения русского языка в Африке Министерство образования работает над проектом «Учитель русского языка в иностранном государстве». Российские специалисты позволили наладить тесные связи, и, по словам Александра Бугаева, есть перспективы для успешного осуществления этой программы на африканском континенте.

Пилотным проектом стал дистанционный курс русского языка для зимбабвийцев. Он был запущен в африканском регионе в 2021 году. Студентами стали 50 человек – сотрудники Министерства образования, Министерства внутренних дел и культурного наследия, Канцелярии Президента Республики Зимбабве, средств массовой информации, члены Африканского союза молодежи, студенты и школьники. Также была создана специальная группа для тех, кто уже изучал русский язык в Советском Союзе. До открытия курсов в Африке у Санкт-Петербургского университета был опыт проведения дистанционных курсов: до пандемии университет предлагал онлайн-курсы для тех, кто начинал изучать русский язык с нуля в Греции и Латвии.

В октябре 2021 года 246 студентов из Зимбабве успешно завершили курс, а год спустя их было уже 443. В рамках гранта в январе 2022 года 100 граждан Зимбабве сдали тест по русскому языку как иностранному (уровень А1). Сегодня 217 жителей Зимбабве проходят дистанционные курсы университета.

В ноябре прошлого года тесторы из Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского университета посетили столицу Зимбабве Хараре. Они провели очное тестирование для 50 студентов, а также профориентационные мероприятия и лекции о русской культуре [4].

В качестве дальнейшего развития российских университетов намечены планы по предоставлению образовательных услуг в африканских странах-партнерах. В октябре 2023 года президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси одобрил открытие филиалов Санкт-Петербургского университета и Казанского федерального университета в своей стране. Многие университеты перешли к этапу развития программы «Приоритет 2030», которая направлена на достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года. В качестве одной из приоритетных задач является развитие международного сотрудничества. В предстоящие годы ожидается, что филиалы российских университетов появятся и в других странах Африки. Эти инициативы являются результатом стремления к углубленному сотрудничеству с африканскими компаниями и развитию взаимовыгодных двусторонних и многосторонних отношений.

Перспективы дальнейшего развития в области образования

В настоящий момент перед российским академическим сообществом стоят вполне конкретные задачи. Необходимо провести анализ и дать прогноз развития африканского континента; сформулировать академическое обоснование стратегии России на африканском векторе с учетом всех особенностей, разнообразия и проблем развития континента в целом и каждой отдельной страны в частности, что позволит государственным органам и российскому бизнесу принимать «наилучшие возможные решения».

Более того, Африка – континент, богатый природными, человеческими и минеральными ресурсами. Необходимо увеличивать количество новых академических исследований в области биологии, геологии, химии, физики, а также сельскохозяйственных наук и гуманитарных дисциплин, включая историю, экономику, политологию, этнологию и социальную антропологию.

В ходе совместных встреч российских представителей и коллег из Комиссии Африканского союза, неоднократно подчеркивалось, что, прежде всего, они заинтересованы в развитии естественных и гуманитарных наук.

В условиях нынешней геополитической ситуации совместные образовательные инициативы между Россией и Африкой имеют потенциал для решения ряда ключевых задач. Во-первых, углубление взаимодействия в этой области позволит России найти надежных партнеров среди стран Южного региона и выстроить эффективное сотрудничество, что особенно актуально в свете кризиса в отношениях с Западом. Во-вторых, формирование положительного имиджа российского образования на международной арене позволит увеличить объем несырьевого экспорта РФ, привлечь больше студентов из Африки в отечественные вузы.

Наконец, совместные образовательные проекты могут помочь самим африканским странам преодолеть нехватку квалифицированных специалистов в ключевых отраслях, важнейших для их собственного развития. Достигнутые успехи в академическом обмене, сотрудничестве в области исследований, подготовке кадров, культурном взаимодействии и инициативах в области цифрового обучения подчеркивают стремление обеих сторон к распространению глобальных знаний. В условиях глобализации новый подход России к образовательному сотрудничеству с Глобальным Югом демонстрирует признание значительной роли образования в социальном и экономическом прогрессе.

Список литературы

1. Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / Под общ. ред. А. А. Маслова. М.: НИУ ВШЭ, 2023. — 190 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://id.hse.ru/data/2023/09/24/2060125235/Африка%202023_сайт.pdf (Дата обращения: 06.02.2024)
2. Барабанов О., Ньядера И.Н. Россия и Африка: аудит отношений / Валдай “Международный дискуссионный клуб”, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-afrika-audit-otnosheniy/> (Дата обращения: 05.02.2024)

3. План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы, Минобрнауки РФ, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (Дата обращения: 03.02.2024).
4. Популярность русского языка в Африке растет, St Petersburg University, 2023, [Электронный ресурс]. – URL: <https://english.spbu.ru/news-events/news/popularity-russian-language-africa-rise> (Дата обращения: 05.02.2024).
5. Россия — Африка: достижения и перспективы сотрудничества в сфере образования, РСМД, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/rossiya-afrika-dostizheniya-i-perspektivy-sotrudnichestva-v-sfere-obrazovaniya/> (Дата обращения: 05.02.2024).
6. Российско-африканские отношения в 2023 году, МГИМО, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/russia-africa-2023/> (Дата обращения 03.02.204).
7. Стипендия: почему африканские студенты решают связать свою жизнь с Россией, RT, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rt.com/africa/591699-russia-became-educational-messa-africa/> (Дата обращения: 04.02.2024).

Гаврилова Вера Александровна,
к.и.н., доцент кафедры международных отношений и регионоведения,
Новосибирский государственный технический университет,
e-mail: gavrilova.nsk@yandex.ru

Захарова Алена Владимировна,
студент, Новосибирский государственный технический университет,
e-mail: alja_zakharova_0404@list.ru

Vera A. Gavrilova,
Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of
International Relations and Regional Studies,
Novosibirsk State Technical University,
e-mail: gavrilova.nsk@yandex.ru
Alyona V. Zakharova,
student, Novosibirsk State Technical University,
e-mail: alja_zakharova_0404@list.ru

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ: ДОРОЖНАЯ КАРТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

THE WEST'S HYBRID WAR AGAINST RUSSIA: A ROADMAP FOR COUNTERACTION

Аннотация: тема гибридной войны, проводимой западными державами против Российской Федерации, становится особенно актуальной в условиях текущей нестабильной геополитической обстановки. В статье рассматриваются причины и методы, используемые странами «коллективного Запада» для достижения своих целей, среди которых выделяются информационно-психологические и кибернетические атаки, экономические санкции, а также поддержка оппозиционных сил и украинской армии. Особое внимание уделяется тактикам манипуляции сознанием населения и формированию выгодного имиджа международной ситуации. Предлагаются меры по противодействию данной стратегии, включая укрепление национальной идентичности и идеологической базы, создание образовательных программ для подготовки новых специалистов, а также развитие аналитических центров.

Ключевые слова: гибридная война, информационная война, коллективный Запад, Российская Федерация, российско-украинский конфликт, непрямые действия, национальный код, идеология.

Abstract: the topic of hybrid warfare conducted by the Western powers against the Russian Federation becomes especially relevant in the current unstable geopolitical situation. The article examines the reasons and methods used by the countries of the Collective West to achieve their goals, among which are information-psychological and cyber-attacks, economic sanctions, as well as support for the opposition forces and the Ukrainian army. Particular attention is paid to

tactics of manipulation of public consciousness and formation of a favourable image of the international situation. Measures to counter this strategy are proposed, including strengthening the national identity and ideological base, creating educational programmes to train new specialists, and developing think tanks.

Keywords: hybrid warfare, information warfare, Collective West, Russian Federation, Russian-Ukrainian conflict, indirect actions, national code, ideology.

Актуальность темы гибридной войны западных держав против Российской Федерации обусловлена текущей нестабильной геополитической обстановкой. По инициативе и под руководством Соединенных Штатов, страны НАТО спровоцировали конфликт с Россией в рамках стратегии непрямых действий, создав наступательный полигон сетцентричной войны в виде Украины. Заинтересованность западных властей в выборе подобной формы конфронтации может быть объяснена их стремлением победить с сохранением материальных ценностей. Классическая война их не интересует, так как в таком случае они могут лишиться значительной части людского ресурса и подвергнуть вражеским атакам стратегически важные цели и др. Еще одним достоинством гибридной войны является возможность манипулирования сознанием населения другой страны с помощью СМИ, не допуская критики в свою сторону и формируя образ мышления, выгодный враждующей стороне. Страны «коллективного Запада» могут представлять международную ситуацию и действия недружественных государств в выгодном для них ключе. Таким образом государства пытаются обезопасить свою репутацию, отрицая агрессивность намерений и компрометируя своего противника.

Методы гибридной войны стран Запада против России

Для целостного понимания ситуации следует рассмотреть методы, используемые странами Запада в гибридной войне с Россией.

1. Информационно-психологические атаки, которые включают в себя распространение ложной информации в СМИ и манипулирование социальными сетями в целях нагнетания негативной обстановки в обществе, побуждения народных масс к беспорядкам, переориентации или уничтожения

традиционных ценностей народа и их замены на психологические установки США и сателлитов. Антироссийская пропаганда, по замыслу западных политических кругов, должна создать в массовом сознании представление о внешней агрессии как о благе: превращение «отсталого» и «непросвещенного» народа в «цивилизованный» и «развитый», наподобие западных государств. Описанные действия ведутся в целях широкомасштабной вооруженной борьбы под идеологическим прикрытием. Как пример следует привести отказ Международного суда ООН признать Россию «государством-агрессором» [10]. Из заявленных Киевом требований суд отклонил практически все и оставил Украину без какой-либо компенсации. Но информационное издание «BBC News. Русская служба» представило новость в искаженном виде, заявив, что «Суд ООН в Гааге решил, что власти России частично виноваты...» [8]. В данном случае очевидно, что речь идет не об оправдании, а о признании вины, хоть и частичной.

2. Кибернетические атаки, которые имеют целью вывести из строя системы безопасности России, повредить важные информационные данные и нарушить работу российских сервисов с целью затруднения работы госслужб, проведения финансовых и других операций, а также распространения паники среди населения. По заявлению секретаря Совета безопасности РФ Д.Г. Грибкова, в 2023 году на российскую информационную инфраструктуру было совершено 200 тысяч кибератак [2]. Также Центр мониторинга и управления сетью связи общего пользования Роскомнадзора зафиксировал около 500 кибератак в период президентских выборов [7].

3. Экономические санкции и другие меры давления на экономику России. Экономическая блокада западными странами используется с целью ослабления и дальнейшего уничтожения РФ. 23 февраля 2024 года ЕС принял тринадцатый пакет санкций, что доказывает намерение стран Запада разрушить российскую экономику путем блокирования доступа к европейским и американскому рынкам [12]. Несмотря на принятые меры,

эффективность данного вида экономического воздействия до сих пор находится под вопросом [11].

4. Организационная, финансовая и информационная поддержка оппозиционных политических сил и движений. По заявлению президента России В.В. Путина, «Запад направляет на поддержку оппозиции в России сотни миллионов, вплоть до миллиардов долларов» [6]. Данной информацией также поделился помощник секретаря Совета безопасности РФ Н.М. Мухитов: «Сотни миллионов долларов США направлялись российским неправительственным организациям, оппозиционным объединениям и прозападным СМИ» [3].

5. Финансовая помощь ВСУ, обучение и снабжение украинских военных. По данным ТАСС, общий объем американской помощи в 2022–2023 годах составил 75,4 млрд долларов [4]. Военная помощь, оказанная Украине, обошлась ФРГ в 5,2 млрд евро, а Франции – в 3,2 млрд [1, 9].

Долгосрочные меры по противодействию гибридной войне и идеологическим манипуляциям

Сегодня должна вестись работа с населением, особенно с молодежью, с целью повышения ее доверия к власти. Поскольку подготовка Украины велась длительный период, необходимо также вести долгосрочную политику по «духовному очищению населения», т.к. есть часть граждан, которые подвержены влиянию западных СМИ и негативно, а иногда агрессивно воспринимают политику «поворота на Восток».

Обращаясь к статье 13. Конституции Российской Федерации, следует внести предложения по ее корректировке. В основном документе РФ говорится, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Наоборот, идеология является той скрепой, которая может сплотить народ и обозначить цель, к которой он должен стремиться. Она является объединяющим началом. Без идеологии люди начинают преследовать разные, иногда противоположные цели, что подрывает единство страны. Она не должна быть навязанной, созданной

искусственно и насажденной «сверху». Это должен быть ясный народным массам концепт, который мог бы привлечь большинство и быть естественен для него. Наиболее эффективным кажется укрепление национального кода, который в России, в отличие от западных стран, все еще сохраняется, путем единения многонациональной России на основе исторической памяти и сознания своей уникальности как самостоятельной и самодостаточной цивилизации. Концепция «евразийства» требует унификации, приведения к общему знаменателю для облегчения ее понимания массами и объяснения ее им. Данная система представляется более естественной и реализуемой в современной политической обстановке.

Следующей мерой по противодействию является создание системы образования, направленной на подготовку будущего поколения политиков, исследователей, аналитиков, политтехнологов с учетом геополитического контекста. Целесообразным представляется открытие и финансирование специализированных программ наподобие закрытой в МГУ магистерской программы «Информационные и гибридные войны». Подготовка кадров по противодействию информационным и гибридным войнам сегодня необходима. В современной геополитической обстановке становится очевидно, что востребованность подобных специалистов не только не уменьшится, но и даже возрастет, поскольку меняется сама природа войн. Также необходимо повышать политическую осведомленность школьников и студентов, совершенствовать системы образования и поступления, делать образование более доступным.

Государство должно укреплять существующие мозговые центры (think tanks) и инвестировать в новые, так как данные структуры могут стать отличным инструментом для разработки внешнеполитической стратегии. Они позволяют талантливым политикам и дипломатам проявлять себя и продвигаться вверх по карьерной лестнице. Также они организуют сотрудничество с мозговыми центрами других стран, чтобы разработать единую стратегию по определенному вопросу и сформировать долгосрочную

партнерскую сеть между мозговыми центрами различных государств. Примером служит Форум аналитических центров Центральной Азии между государствами Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан. Данное предложение обусловлено необходимостью увеличения количества think tanks и их популяризации, т.к. в этом плане Россия проигрывает и США, и странам Запада.

Необходимо принятие «зеркальных» мер противодействия, что касается экономических санкций, пропаганды, кибератак, более тщательной работы с иностранными СМИ.

Также важными мерами по сдерживанию гибридной войны выступают:

1. Принятие своевременных мер по изоляции оппозиционных лидеров, закрытие поддерживающих их СМИ и пресечение поддерживающих их финансовых потоков.

2. Улучшение финансового и экономического состояния общества (для предварительного пресечения появления и распространения деструктивных настроений).

3. Усиление экономических связей с международными объединениями, которые выгодны с геополитической точки зрения (ШОС, БРИКС+, ЕАЭС и т.д.). Следует отметить, что важно не позиционировать их в СМИ как антиамериканские или пророссийские, поскольку это может спровоцировать отток их членов и уменьшение заинтересованности.

4. Укрепление многосторонних связей с дружественными странами – КНР, Индией, странами СНГ, африканскими странами и государствами Центральной и Латинской Америки и т.д.

5. Нарастивание ядерного потенциала в целях сдерживания-устрашения. На сегодняшний день в американском и европейском дискурсах превалирует идея, что Россия может лишь «запугать» Запад ядерным оружием, но не решится пойти на такой шаг. Необходимо продолжить движение по лестнице ядерной эскалации, чтобы доказать серьезность своих намерений и добиться

от западных политиков должного понимания опасности геополитической конфронтации [5].

6. Продолжение укрепления военных связей с дружественными странами, что имеет целью продемонстрировать серьезность российской стороны относительно заявлений и необходимости обеспечения геополитической безопасности.

Заключение

Гибридная война западных держав против России имеет актуальность из-за нестабильной геополитической обстановки. Методы, используемые западными союзниками, включают информационно-психологические и кибернетические атаки, экономические санкции, организационную и финансовую поддержку оппозиции, а также военную поддержку Украины. Для противодействия этому предлагается укрепление национальной идентичности и идеологии, создание системы образования для подготовки специалистов по новому виду войны, развитие мозговых центров, укрепление экономических и других связей со странами мирового большинства, а также демонстрация военного и ядерного потенциала.

Список литературы

1. Военная помощь Украине обошлась Германии в €5,2 млрд // ТАСС. – 22.09.2023. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18818237> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Дмитрий Грибков: Защита от компьютерных атак является одной из основных задач // Национальная оборона. – 05.03.2024. – Режим доступа: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/zashchita-ot-kompyuternyh-atak-yavlyaetsya-odnoj-iz-osnovnyh-zadach-45521.shtml> (дата обращения: 25.03.2024).
3. Интервью помощника Секретаря Совета Безопасности России Н.М. Мухитова журналу «Национальная оборона» // Совет безопасности Российской Федерации. – 06.05.2022. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3231/> (дата обращения: 25.03.2024).
4. Как США выделяли средства на помощь Украине // ТАСС. – 07.02.2024. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/19923157> (дата обращения: 25.03.2024).
5. Караганов, С. А. Часть людей потеряла страх перед адом. Нужно восстановить // Россия в глобальной политике. – 12.01.2024. – Режим доступа:

<https://globalaffairs.ru/articles/strah-pered-adom-vosstanovit/> (дата обращения: 25.03.2024).

6. Путин заявил, что Запад тратит на поддержку оппозиции в России сотни миллионов долларов // ТАСС. – 28.10.2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/16179227> (дата обращения: 25.03.2024).

7. РКН заявил, что почти 500 кибератак в дни выборов требовали реакции специалистов ведомства // ТАСС. – 18.03.2024. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/20275265> (дата обращения: 25.03.2024).

8. Суд ООН частично удовлетворил иск Украины против России по делу о финансировании терроризма и расовой дискриминации в Крыму // BBC News Русская служба. – 31.01.2024. – Режим доступа: <https://storage.googleapis.com/gsc-link/www.bbc.com/85b69873.html> (дата обращения: 25.03.2024).

9. Франция назвали объем военной помощи Украине // РИА Новости. – 08.11.2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231108/finansirovanie-1908282677.html> (дата обращения: 25.03.2024).

10. Judgment of 2 February 2024. Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation) // International Court of Justice. – 02.02.2024. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/182/182-20240202-jud-01-00-en.pdf> (дата обращения: 25.03.2024).

11. Paying the Price to Defend EU Values? // Statista. – 30.06.2022. – Режим доступа: <https://www.statista.com/chart/27704/willingness-to-accept-consequences-of-sanctions-against-russia-in-the-eu/> (дата обращения: 25.03.2024).

12. Russia: two years after the full-scale invasion and war of aggression against Ukraine, EU adopts 13th package of individual and economic sanctions // European Council. – 23.02.2024. – Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/02/23/russia-two-years-after-the-full-scale-invasion-and-war-of-aggression-against-ukraine-eu-adopts-13th-package-of-individual-and-economic-sanctions/> (дата обращения: 25.03.2024).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Оганесян Тигран Давидович,

к.ю.н., доцент кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России,
e-mail: t.oganesian@mail.ru

Tigran D. Oganessian,

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law,
Associate Professor of the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: t.oganesian@mail.ru

ЭВОЛЮТИВНОЕ ТОЛКОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВИЛ ТОЛКОВАНИЯ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

EVOLUTIVE INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF THE RULES OF INTERPRETATION OF THE VIENNA CONVENTION ON THE LAW OF TREATIES

Аннотация: современный мировой порядок всё в большей мере не отвечает требованиям. В статье проводится анализ эволютивного толкования сквозь призму правил толкования, установленных Венской конвенцией о праве международных договоров. Отмечается, что рассматриваемый метод толкования получил свое развитие в практике международных судов во многом благодаря допущениям ВКПМД. В этой связи значительная часть анализа посвящена прецедентной практике отдельных международных судов, а также заключениям Комиссии международного права. Отдельное внимание уделено взаимосвязи принципа добросовестности и эволютивного толкования, а также «последующим соглашениям» и «последующей практике».

Ключевые слова: доктрина «живого инструмента», судебное толкование, эволютивное толкование, право международных договоров.

Abstract: the article analyzes the evolutionary interpretation through the prism of the rules of interpretation established by the Vienna Convention on the Law of Treaties. It is noted that the method of interpretation under consideration has been developed in the practice of international courts largely due to the assumptions of the CGMP. In this regard, a significant part of the analysis is devoted to the case law of individual international courts, as well as the conclusions of the International Law Commission. Special attention is paid to the relationship between the principle of good faith and evolutionary interpretation, as well as «subsequent agreements» and «subsequent practice».

Keywords: «living instrument» doctrine, judicial interpretation, evolutive interpretation, the law of international treaties.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (далее – ВКПМД) является отправной точкой для применения и понимания эволютивного толкования. Нормы ВКПМД предписывают международным судам при толковании учитывать: обычное значение, которое следует придавать терминам международного договора; контекст, объект и цель договора; последующую практику договаривающихся сторон; а также релевантные нормы международного права. В этой связи логичным выглядит мнение Джулиана Арато, который на основе анализа прецедентных практик международных судов условно разделяет эволютивное толкование на две формы: эволютивное толкование, основанное на терминологии, и эволютивное толкование в свете объекта и цели [1, р. 468].

Следует отметить, что в международном праве наблюдается рост эволютивных решений и постановлений. Объяснение данной тенденции заключается в том, что международные договоры в области прав человека, многие из которых относятся к прошлому столетию, в условиях реальности нередко требуют переосмысления. По мнению Кристиана Джеффала эволютивное толкование – это не конкретизация («конкретизировать – значит впервые прояснить и определить значение, которое ранее было неясным»), а толкование, необходимое в случае, «когда меняется значение, придаваемое части текста договора» [5, р. 27]. Ссылаясь на динамическое толкование международных норм, профессор Френсис Джейкобс справедливо заметил: «Нельзя возразить, что такой подход к толкованию расширяет обязательства договаривающихся государств. Напротив, такой подход необходим, если мы хотим претворить в жизнь намерение составителей Конвенции в общем смысле. Их намерением было защитить человека от угрозы будущего, а также от угроз прошлого» [15, р. 18].

Профессор Буассон де Шазурн утверждает, что современный характер процесса заключения договоров радикально изменил ландшафт, в рамках которого возникают проблемы, связанные с эволюцией международно-правовых обязательств [4, р. 53]. Джеймс Гриффин в своей книге «О правах

человека» объясняет эволюционирующую природу прав человека следующим образом: «Жизнь человека отличается от жизни других животных. Мы, люди, имеем представление о себе, о своем прошлом и будущем. Мы размышляем и оцениваем. Мы формируем картины того, какой должна быть хорошая жизнь... И пытаемся эти картины воплотить в жизнь» [7, р. 32]. Георг Нольте, в свою очередь, отметил: «Международные договоры – не просто сухие пергаменты. Поэтому они могут меняться с течением времени, должны адаптироваться к новым ситуациям, эволюционировать в соответствии с социальными потребностями международного сообщества и иногда могут устаревать» [12]. По утверждению Рудольфа Бернхардта мы видим, что «в толковании международных договоров присутствует определенный динамизм, который имеет значение, поскольку последующие заявления и практика участников международного договора и органов международной организации являются важными элементами толкования; реальной проблемой является не наличие, а степень эволюционного или динамического элемента в толковании любого международного договора» [2, р. 16].

Эйрик Бьорге в своем исследовании «Эволютивное толкование договоров» подчеркивает, что эволютивное толкование зависит от намерения сторон договора и является результатом применения статей 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Профессор Бристольского университета в Соединенном Королевстве не признает эволютивное толкование в качестве отдельного метода толкования, считая его «скорее результатом надлежащего применения обычных средств толкования как средства установления намерения сторон» [3]. Так, в консультативном заключении по делу о присутствии Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) МС ООН сослался на «первичную необходимость толкования документа в соответствии с намерениями сторон» [8] и использовал это как основу для эволютивной интерпретации. Аналогичного мнения придерживается Георг Нольте, специальный докладчик КМП по последующему соглашению и последующей практике в отношении

толкования международных договоров, заявивший, что эволютивное толкование «является не отдельным методом толкования, а скорее результатом надлежащего применения обычных средств толкования» [13], упомянутых в ВКПМД.

Ссылаясь на «живой» характер Европейской конвенции по правам человека 1950 года и на необходимость толкования ее в свете современных условий, в деле *Demir and Baykara v. Turkey* Большая Палата ЕСПЧ также подчеркнула, что следует принимать во внимание «эволюционирующие нормы национального и международного права при толковании положений Конвенции» [6]. Затем ЕСПЧ отметил, что «будучи составленными из набора правил и принципов, которые приняты подавляющим большинством государств, общие стандарты международного или внутреннего права европейских государств отражают реальность, которую Европейский суд не может игнорировать, когда к нему обращаются с просьбой разъяснить сферу применения положения Конвенции». В этой связи отмечается, что ЕСПЧ должен относиться к международному праву «более тщательно», поскольку ему следует привести результаты своего толкования в соответствие с общепринятыми правилами толкования международных договоров, «вместо того чтобы без необходимости использовать формулировки, предполагающие свое намерение отдалиться от них» [17, p. 557].

Когда речь идет о договорах по правам человека, международные и региональные суды или квазисудебные органы в значительной степени берут на себя интерпретирующую роль и ответственность за эволютивное толкование. Когда государства-члены поручают судебному или квазисудебному органу осуществлять надзор за выполнением договорных обязательств, они тем самым также передают ему полномочия по толкованию договора.

Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека и международные органы по правам человека признали, что они обязаны в той же степени, что и государства, применять правила толкования

международных договоров, кодифицированные в статьях 31 и 32 ВКПМД. В частности, пункт 1 статьи 31 ВКПМД требует, чтобы международный договор толковался «в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте и в свете его объекта и цели» [20]. Данная статья также начинается с указания толковать международный договор «добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте и в свете его объекта и цели». В этом смысле прослеживается также связь принципа добросовестности и эволютивного толкования. Еще в 1980 году Международный суд постановил, что при толковании необходимо «действовать добросовестно и разумно учитывать интересы другой стороны договора» [9].

Согласно пункту 3 (b) статьи 31 ВКПМД любая последующая практика применения международного договора, которая устанавливает согласие сторон относительно его толкования должна приниматься во внимание. Эта последующая практика может включать в себя практику государств, а также практику надзорных органов и может быть использована для установления первоначального или изменяющегося намерения сторон. Антея Робертс, профессор Австралийского национального университета, рассматривает актуальность последующих соглашений и практику сторон международных договоров в международных судах и трибуналах как «борьбу за право толкования»: эта борьба приводит к диалогу между сторонами международных договоров и международными судами по поводу надлежащего толкования этих договоров [18, p. 96]. Нидерландские ученые Питер ван Дейк и Фрид Ван Хоф предупреждают, что нормы ВКПМД не дают четких решений для всех проблем толкования международных договоров: «в зависимости от многих факторов, из которых восприятие судом своей собственной роли, возможно, является наиболее важным, суд может склоняться к толкованию, основанному на "обычном значении" терминов международного договора, или, наоборот, к толкованию, ориентированному

на "объект и цель"» [19, р. 72]. По мнению Джулиана Арато «эволютивное толкование и интерпретация, основанная на последующей практике, не просто относятся к двум различным явлениям, а представляют собой два различных метода интерпретации, которые могут быть применимы или не применимы в конкретном случае, а иногда могут быть применимы вместе» [1, р. 443].

Последующие соглашения и последующая практика являются характерными чертами международного права. Они представляют собой формы, с помощью которых участники международного договора могут выразить свое меняющееся понимание международного договора в целом и его отдельных положений юридически значимым образом [16, р. 170]. Последующее соглашение и последующая практика включают в себя судебную практику международных судов и трибуналов общей и специальной юрисдикции; решения судов или других независимых органов в рамках специальных режимов; последующее соглашение и практику международных организаций, государств; последующее соглашение и практику в отношении международных организаций и между ними; судебную практику национальных судов.

В статье 31(3) ВКПМД проводится различие между «последующим соглашением» (пункт 3(a)) и «последующей практикой» (пункт 3(b)). В докладе Комиссия международного права (далее – КМП) «последующее соглашение» описывается как представляющее собой «аутентичное толкование сторонами, которое должно быть учтено в договоре для целей его толкования», и утверждается, что «последующая практика» аналогичным образом «представляет собой объективное свидетельство понимания сторонами смысла договора» [20]. КМП в своем комментарии к проектам статей о праве международных договоров подчеркнула, что «важность такой последующей практики в применении международного договора как элемента толкования очевидна, поскольку это является объективным свидетельством понимания сторонами смысла договора» [20].

Наконец, пункт 3(с) статьи 31 ВКПМД предусматривает, что «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношении между сторонами», имеют отношение к разъяснению смысла этого договора. Применение доктрины «живого инструмента» оправдано в тех случаях, когда произошли очевидные изменения в практике государств или соответствующих нормах международного права.

Для применения эволютивного толкования важно установление первоначального намерения сторон, подразумевающее, что такое толкование было предусмотрено. Условия международного договора лишь в редких случаях содержат информацию о намерении сторон. С точки зрения Рабочей группы КМП по фрагментации, мнение о том, что специальные или очень общие термины могут толковаться таким образом, может быть спорным, поскольку стороны международного договора могут толковать такие термины совершенно по-разному [11, § 23]. Рабочая группа КМП по фрагментации также рассмотрела вопрос о том, какие доказательства могут быть использованы для установления содержания современного значения этого термина, предположив, что одним из доступных правовых инструментов является применение пункта 3(с) статьи 31 ВКПМД для определения нормы международного права, «применимого в отношении между сторонами» [11, § 443].

Что касается толкования в свете «соответствующих норм международного права», то Международный суд ООН в определенных случаях допускает рассмотрение норм, вступивших в силу после заключения соответствующего международного договора [10, § 23]. Однако в пункте 3(с) статьи 31 ВКПМД говорится, что правила должны быть «применимы в отношении между сторонами», это предполагает, что нельзя полагаться на нормы, не имеющие обязательной силы.

Несмотря на то что в ВКПМД нет прямой ссылки на эволютивное толкование, данный метод косвенно заложен в статье 31 ВКПМД. Все вышеперечисленные элементы допускают прогрессивное толкование,

направленное на обеспечение адаптации рассматриваемого договора к изменениям, произошедшим после его принятия, особенно в тех случаях, когда он содержит общие термины, значение которых будет меняться с течением времени. Однако ВКПМД по-прежнему в значительной степени умалчивает о том, как следует руководствоваться временными соображениями при определении значения положений международного договора. На основе принципа добросовестности, закрепленного в пункте 1 статьи 31 ВКПМД, эволютивное толкование Конвенции не может изменять содержание договора и, соответственно, выходить за пределы объекта и цели международного договора. Если какое-либо положение должно толковаться в соответствии с объектом и целью Конвенции, эволютивное толкование должно привести его в соответствие с современной реальностью. При этом статья 32 ВКПМД также предоставляет возможность обращаться к дополнительным средствам толкования. Из этого следует, что эволютивное толкование является важным допущением ВКПМД.

Список литературы

1. Arato J. Subsequent Practice and Evolutive Interpretation: Techniques of Treaty Interpretation over Time and Their Diverse Consequences // *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 2010. Vol. 9. 443-494 pp.
2. Bernhardt R. Evolutive Treaty Interpretation, Especially of the European Convention on Human Rights // *German Yearbook of International Law*. Vol. 42. 1999. 11-25 pp.
3. Bjorge E. Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties. 2014. URL: <https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/> (дата обращения: 19.11.2024)
4. Boisson de Chazournes L. Subsequent Practice, Practices, and Family-Resemblance: Towards Embedding Subsequent Practice in Its Operative Milieu – A Multi-Actor Perspective. IRPA Research Paper No. 1/2013. 53-68 pp.
5. Djeffal C. Static and Evolutive Treaty Interpretation: A Functional Reconstruction. Cambridge University Press. 2016. 450 p.
6. ECtHR. Demir and Baykara v. Turkey [GC], 34503/97, Judgment of 12 November 2008, § 68.
7. Griffin J. On Human Rights. Oxford. 2009. 360 p.

8. ICJ. Advisory Opinion of 21 June 1971. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970). URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 19.11.2024)
9. ICJ. Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt ICJ Rep 1980. § 73, 95. URL: <https://www.icj-cij.org/case/65> (дата обращения: 19.11.2024)
10. ICJ. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa). URL: <https://www.icj-cij.org/case/53> (дата обращения: 19.11.2024)
11. ILC. Report of the Study Group of the International Law Commission: Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from Diversification and Expansion of International Law (13 April 2006) UN Doc A/CN.4/L682, para 23.
12. ILC. Report of the International Law Commission, 60th session (5 May-6 June and 7 July-8 August 2008), Annex A, § 1.
13. ILC. Report of the International Law Commission Sixty-fifth session (6 May-7 June and 8 July-9 August 2013), § 62.
14. ILC. Yearbook of the International Law Commission 1966, Vol. II. p. 221, §§ 14-15. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213624852> (дата обращения: 19.11.2024)
15. Jacobs G.F. The European Convention on Human Right. Oxford: Clarendon Press. 1975. 286 p.
16. Nolte G. Report 1. Jurisprudence of the International Court of Justice and Arbitral Tribunals of Ad Hoc Jurisdiction Relating to Subsequent Agreements and Subsequent Practice. In: Treaties and Subsequent Practice, G. Nolte, ed., Oxford University Press. 2013. 169-209 pp.
17. Pitea C. Interpreting the ECHR in the Light of “Other” International Instruments: Systemic Integration or Fragmentation of Rules on Treaty Interpretation? In book: International Courts and the Development of International Law. 2013. 545-559 pp.
18. Roberts A. Subsequent Agreements and Practice: The Battle over Interpretive Power. In: Treaties and Subsequent Practice, G. Nolte, ed., Oxford University Press. 2013. 95-102 pp.
19. Van Dijk P., Van Hoof G.J.H. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. 3rd Edn., Kluwer Law International. The Hague. 1998. 850 p.
20. Vienna Convention on the Law of Treaties (1969) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 19.11.2024)

Каракулян Эмиль Альбертович,
к.ю.н., доцент кафедры Европейского и международного права
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: isoforma@yahoo.fr

Emil A. Karakulyan,
Candidate of Sciences (Jurisprudence),
Associate Professor, Department of European and International Law,
Law Faculty of Lobachevsky University,
e-mail: isoforma@yahoo.fr

ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

SUBJECT AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL LAW

Аннотация: современное состояние международно-правовой системы, характеризующееся как переходное, обуславливает актуальность постановки основных вопросов философии международного права, а также вопросов предметного содержания данной дисциплины. В статье предлагается авторский способ систематизации науки международного права на основе теории конститутивных процессов, решается вопрос о соотношении теории и философии международного права. Интегральная картина международной жизни состоит из описания (история, теория) и объяснения (философия) основных (социально-правовых) процессов, конституирующих международное право (персонализации, гармонизации, универсализации, юридизации).

Ключевые слова: наука международного права, философия международного права, общая теория права.

Abstract: the current state of the international legal system, characterized as transitional, determines the relevance of posing the main questions of the philosophy of international law, as well as questions of the substantive content of this discipline. The article proposes the author's method of systematizing the science of international law on the basis of the theory of constitutive processes, and resolves the issue of the relationship between the theory and philosophy of international law. The integral picture of international life consists of a description (history, theory) and explanation (philosophy) of the main (socio-legal) processes constituting international law (personalization, harmonization, universalization, juridization).

Keywords: science of international law, philosophy of international law, general theory of law.

Введение

Философия международного права (ФМП), понимаемого как права

международного сообщества, является результатом эволюции правового, международно-правового знания и сознания, формирующихся на перекрестках и ступенях различных дисциплин (теории и истории государства и права, правовых доктрин), стадий развития международно-правовой мысли (от естественного к позитивному, от *jus gentium* к МП). При всех технологических особенностях и возможностях современных тенденций в мире (цифровизация, общий переход к новой технологической эпохе) вопросы, связанные с последними, не могут быть урегулированы в отрыве от решения основных вопросов ФМП, а также общей и социальной философии в целом, гуманитарных знаний, таких, как вопросы о природе человека и человечества, войны и мира, хаоса и порядка, традиции и современности, иными словами, всего того, что стоит в одном ряду с определением смысла человеческого существования и способами его постижения и преобразования. Однако собственно реализации широких междисциплинарных стратегий предшествует вопрос о предметности ФМП.

От общей теории и философии права к предмету ФМП

Теоретическое осмысление подобного рода вопросов и тем в качестве самостоятельной области знания – ФМП – науке уже знакомо [2, 9, 12]. При этом об устоявшихся дефинициях, которые разграничивали бы смежные предметные сферы, по меньшей мере, в русскоязычном научном дискурсе, говорить не приходится в силу множественности оценок и позиций.

С.В. Черниченко определяет философию права в виде «системы... взглядов о месте и роли МП в социальном бытии» [9, с. 21]. Соглашаясь с этим определением, Р.А. Каламкарян фактически уводит данную тематику из философской в политико-правовую, ФМП для него выступает как «система взглядов о месте, роли и значении МП в рамках современного мирового порядка» [2, с. 11]. По мнению М.В. Шугурова, в работе Р.А. Каламкаряна реализуется скорее «теоретико-правовой, а не философско-правовой подход» [11, с. 46].

В свою очередь, М.В. Шугуров объединяет в понятии философии МП (в

широком смысле) «совокупность идей, ценностей и концептуальных принципов международно-правового сознания, находящих свое прямое или косвенное воплощение в позитивных и обычных нормах и принципах международного права, а также в теоретических построениях науки международного права», а в узком измерении она есть способ генерирования «идейно-ценностного основания международного права и соответствующего ему международно-правового сознания [11].

Однако основное поле исследований составляют вопросы соотношения общей теории права и философии права. Так, И.И. Лукашук выступает против излишнего увлечения философией и неизбежной и при этом «деформализации права» [4, с. 2]. Французский теоретик права Ж.-Л. Бержель утверждал, что «общая теория права четко отличается от философии права, если последнюю понимать как юридическую метафизику» [1, с. 19], а общую теорию права отождествлял с феноменологией [Ibid., с. 20]. А.А. Мережко также относит философские вопросы политики МП к роду метафизики [5, с. 13, 35].

По мнению А.В. Полякова, вопрос «в какой мере можно использовать в правоведении феноменологический подход, остается открытым, но представляется, что основные феноменологические установки способны сыграть важную методологическую роль в познании правовой действительности» [7]. В целом определяется взгляд «сквозь призму феноменолого-коммуникативной концепции права как одного из возможных вариантов интегрального правопонимания» [8, с. 5], где «под теорией права понимается раздел философии права, претендующий на всеобщность установленного в его рамках правового знания и достоверность» [Ibid., с. 8]. Д.А. Керимов определяет иную форму отношений между предметными сферами: «общая теория права включает в себя две основные части: социологию права и философию права» [3, с. 71].

Таким образом, по вопросу о дисциплинарных соотношениях теории и философии права, включая и ФМП, не сложилось единогласия. В одном случае (А.В. Поляков) теория права – часть философии права, в другом

(Д.А. Керимов) – наоборот. Подобная ситуация неопределенности складывается и по вопросу о границах позитивистского прочтения МП. Р.А. Каламкарян выступает против утверждения Р. Паунда о том, что ФМП призвана «осуществить функциональный критический анализ международного права в смысле достижения определенных социальных целей, а не в аспекте чисто аналитического критического анализа самого предмета», где «правопорядок будет рассматриваться в должном порядке не как условие, а именно как процесс» [2, с. 9; 13, с. 73, 89]. Иными словами, здесь выражаются две позиции, рассматривающие смысл МП либо (а) в *процессе* (политически ориентируемом, для выведения «определенных социальных целей»), что уводит в сторону концепции объективного права, либо (б) в *системе* мирового порядка (с целью построения его в позитивистском ключе), что уводит, соответственно, в сторону позитивизма. Кроме того, в данной критике позиции Р. Паунда скрывается нежелание отождествлять объективный процесс образования сообщества и его права, с одной стороны, и политику управления процессом, с другой, что чревато принципиальной неопределенностью и амбивалентностью понимания самостоятельной природы права.

От междисциплинарного подхода к интегральному

По нашему мнению, с точки зрения необходимой в этой сфере междисциплинарности, данные позиции (о процессе и системе) взаимно непротиворечивы и могут быть взаимодополняющими, что позже подтверждается тем же автором, связывающим существование объективного права с действием т.н. общих принципов права, выступающих «как некое высшее, соединяющее в себе начало справедливости, разумности, добросовестности» [2, с. 43]. Именно на сочетании и пересечении процессуально-системного способов рассмотрения и можно поставить вопрос об идентичности эволюционирующего объекта, применительно к данному исследованию – международной системы на современном этапе ее развития, характерных для нее права и сообщества. Кроме того, в этом

противопоставлении выражается давняя взаимная неприязнь между сторонниками естественной, социологической концепции права, юридического позитивизма, исторической школы права.

Не отрицая собственно позитивистских подходов к МП и квалифицируя современный период в его развитии как транзитивный и кризисный, невозможно двигаться в сторону ФМП без определенной меры объективации видения предмета. Уже на уровне общей теории права без этого не обойтись (например, Ж.-Л. Бержель, отличая последнюю от философии права, отождествляет ее с объективным правом [1, с. 15–24]). Право (в позитивном выражении) существует и действует в рамках формально-юридических его атрибутов. Иное отношение возникает в связи с интерпретацией правовых институций и явлений, выходящих за рамки последних. При этом «объективацию» в понимании международно-правовых явлений мы связываем не столько с действием «общих принципов права» (Р.А. Каламкарян [2], А.А. Мережко [6, с. 23–24]), с признанием «материальных источников права» (интересы различных социальных групп по Ш. Руссо [14]), с отсылкой к школам естественного (мораль, разум), социологического права или «правового реализма» (Р. Иеринга) [11, с.10], сколько с наличием смыслообразующих и системообразующих – конституирующих – процессов, действующих непрерывно: до, внутри и после формирования позитивно-правовых механизмов. Речь идет по меньшей мере об утверждении идеи своего рода интерконцептуальной парадигмы МП, ее основных контуров и развитии ее возможных перспектив на фоне того, что в литературе существуют различные трактовки соотношения теории и философии права, а соответственно и теории и философии МП.

Так, для А.В. Полякова с идеей проникновения в суть предмета связана «необходимость освобождения от идеологической объективации права, т.е. отделение научно-теоретического рассмотрения права как оно есть (в онтологическом смысле), от философско-практической задачи определения того, каким право должно быть (т.е. какие принципы справедливости в нем

должны быть реализованы)» [8, с. 68]. Этим «определяется «водораздел» между общей теорией права и философией права в узком смысле (практической философией права). Нечто подобное, по мнению А.В. Полякова, отмечает и Ж.-Л. Бертель [1, с. 19–20], сближающий, как уже отмечалось, теорию права с феноменологией, а философию с метафизикой.

Однако с учетом того, что часто – по отношению к реальности общественных отношений – именно теория права отражает сферу должного, а философия – сферу сущего, возникает сложный теоретический конгломерат, если не согласованная система философских и правовых категорий. Если же попытаться соединить разные подходы, то оказывается, что теория права рассматривает «право как оно есть» применительно к тому, что *должно быть* в обществе и сознании людей (закон права не есть закон природы, в противном случае не было бы необходимости в создании внешних механизмов принуждения и обеспечения права). А философия, с одной стороны, в поисках смысла права тоже видит «право как оно есть» по своему глубинному существу; с другой стороны, движется к «сущности права», чтобы «увидеть метаюридическое значение права и ценности, которые это право должно отстаивать» [Ibid.].

Подобные сложности возникают в силу предустановочного смещения позиций, игнорирующего или скрывающего важные моменты: видеть право можно а) с точки зрения его *функционирования* как системы (и тогда получается теория права); б) с точки зрения его *происхождения*, которое может интерпретироваться исторически (история права) и концептуально (философия и метафизика права); в) с точки зрения *цели* (телеология права); г) с точки зрения ценностно-ориентируемых, т.е. предельных обобщений (метафизика, теология, аксиология, метатеория права). Последние три позиции так или иначе связаны с развертыванием собственно философско-правовых концептов.

По нашему мнению, ФМП призвана, прежде всего, объяснять, т.е. предлагать различные способы объяснения природы, содержания и

особенностей эволюции МП при известном дистанцировании от формально-юридической плоскости. При этом, разумеется, не должно быть полного расхождения философского содержания и правовой формы до появления пропасти между ними. Речь не идет также и о так называемой «деформализации» права (И.И. Лукашук) [4, с. 2], а скорее, если исходить из этих категорий, – о неформальном подходе (т.е. рассмотрения, что называется, «по существу») к вопросу объяснения правовых механизмов, действие которых для юриста (практика), а также частично правоведа (теоретика), описывается исключительно в формально-юридических категориях. В конечном счете, «объяснить» означает не только составить представление о происхождении объекта, но и взглянуть на него в определенной перспективе, связывая сущностные представления о предмете с категориями причинности и цели. Иными словами, философский смысл МП не вмещается в позитивистские рамки действующего права и категориальные рамки соответствующей теории права, и потому по меньшей мере в переходные, кризисные периоды выход за рамки позитивизма неизбежен, т.к. в такие времена становится особенно явной неэффективность сугубо позитивистской трактовки основных и отраслевых вопросов МП, включая и более широкие вопросы (общего блага, справедливости, глобального управления и т.д.).

МП как самостоятельная система институций, принципов и норм формируется не в безвоздушном пространстве, а является результатом сложных взаимодействий причин и следствий, обстоятельств и условий, процессов и факторов. По словам Ж.-Л. Бержея, «состояние правовой сферы зависит от исторического, гуманитарного, социального, экономического контекста, от тенденций в сфере идеологии» [1, с. 15]. Философия МП в широком смысле должна быть способной реагировать на всю совокупность контекстов его существования, функционирования и развития.

Заключение

Как показывает сложившаяся в научной литературе ситуация, определение самостоятельной предметности ФМП часто проблематизируется отсутствием четких дисциплинарных разграничений между общей теорией государства и права, философией права, теорией МП и собственно ФМП. Опора на достижения различных смежных наук не должна приводить к подмене постановки и анализа основных вопросов ФМП. Отсюда возникает вопрос о внутренних структурах и внешних контурах возможного философского способа видения «международного» объекта, по отношению к которому отдельные науки «международноведения» сохраняют «свое», специализированное или прикладное предназначение.

По нашему мнению, основанному на междисциплинарном синтезе материала различных исследований в сфере истории, теории и права международного сообщества, интегральная картина международной жизни (и МП) формируется из описания (история и теория МП, история науки МП) и объяснения (ФМП) основных (социально-правовых) процессов, конституирующих МП, среди которых выделяются такие, как процесс *персонализации, гармонизации, универсализации, юридизации*, на основе суммарного и конфигуративного сочетания элементов которых только и возможны адекватные ответы на основные вопросы МП, традиции и современности в реалиях международного сообщества.

Возникшая в рамках международно-правовых исследований, данная совокупность измерений, при определенном преломлении, как представляется, может быть применима и в отношении понимания иных социо-правовых систем и явлений, что отнюдь не означает отрицания собственной специфики МП и международного сообщества, его науки и философии. При этом необходимо подчеркнуть: данные категории разворачиваются преимущественно в социо-правовом измерении, хотя и могут затрагивать появление и функционирование собственно правовых, позитивно-правовых феноменов в их функционально-правовых механизмах, не исключая и политических структур международной жизни в их широком

концептуальном видении.

Если субъект, будучи продуктом социальной сферы еще до формирования собственно правовых механизмов и систем, обнаруживает себя по изначальному своему определению именно в качестве правового субъекта как носителя особого комплекса прав и обязанностей, то, следовательно, и всё, что с ним непосредственно связано, а именно: вопросы установления норм, способов их установления (в МП – гармонизация воли и интересов), их иерархии и масштабов распространения (универсализация и конституциализация), морально- и политико-правовое обрамление лиц (персонализация) и сообщества в целом (юридизация) – формируется на том же уровне существования, т.е. в рамках процессов, имеющих базовое значение как для сообщества и его субъектов (социальной сферы), так и для права, правовой системы и правового сознания, внутренне присущих как сообществу, так и субъекту. В целом значения данных категорий и их соотношений позволяют нам судить о характере систематизации как международной жизни, так и самой науки – философии и теории – МП не только в периоды стабильности, но и во времена качественных трансформаций. А то, что теория должна следовать за практикой и реагировать на современные качественные трансформационные процессы международной жизни (в поисках смысла и на определенном уровне сложности), не представляется в силу тривиальности подобного утверждения оспоримым тезисом.

Список литературы

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. - М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
2. Каламкарян Р.А. Философия международного права / Р.А. Каламкарян; Ин-т гос. и права РАН. - М. Наука, 2006. – 207 с.
3. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). / 2-е изд. - М.: Аванта +, 2001. – 559 с.
4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М. Издательство БЕК, 1997. – 371 с.
5. Мережко А.А. Наука политики международного права: истоки и перспективы. К.: Юстиниан, 2009. – 144 с.

6. Мережко А.А. Гносеология международного права. Введение в философию международного права. К. Юстиниан, 2002. – 189 с.
7. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербургский государственный университет. 2002. URL: https://www.academia.edu/69465266/Коммуникативная_концепция_права_генезис_и_теоретико_правовое_обоснование_Автореф_дис_д_ю_н. (дата обращения: 24.04.2024).
8. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 832 с.
9. Черниченко С.В. Очерки по философии международного права. М., 2002.
10. Шапсугов Д. Ю. Правовой реализм как осуществляющаяся нормативная коммуникация людей и разновидность юридического мышления. Размышления о правовой реальности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-realizm-kak-osuschestvlyayuschayasya-normativnaya-kommunikatsiya-lyudey-i-raznovidnost-yuridicheskogo-myshleniya> (дата обращения: 24.04.2024).
11. Шугуров М.В. К вопросу о предмете философии международного права // Российский журнал правовых исследований. - 2019. - Т. 6. - №2. - С. 42-52. doi: 10.17816/RJLS18480.
12. Шугуров М. В. К вопросу о содержании понятия «Философия международного права» // Философия права. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-ponyatiya-filosofiya-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 24.04.2024).
13. Pound R. Philosophical Theory and International Law // Bibliotheca Visseriana. 1932. Vol. 1. P. 73, 89. Цит. по: Каламкарян Р.А. Философия международного права / Р.А. Каламкарян; Ин-т гос. и права РАН. - М. Наука, 2006. - 207 с. - ISBN 5-02-035248-9 (в пер.) - С.9.
14. Rousseau, Ch. Droit international public, Paris, Libraire du Recueil Sirey, 1953, pp. 752.

Сидорова Наталья Олеговна,
НЦБ Интерпола МВД России,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: nata3397@mail.ru

Natalia O. Sidorova,
Interpol National Central Bureau of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, the Russian Federation,
e-mail: nata3397@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАНИПУЛЯЦИЙ С ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА

ETHICAL AND LEGAL CONSEQUENCES OF MANIPULATION WITH THE HUMAN GENOME

Аннотация: в статье анализируются положительные и отрицательные стороны развития генетических исследований. Вмешательство в геном человека порождает массу вопросов не только в научном пространстве медико-биологических наук, но и в области юриспруденции, социологии, культурологи, этики и религии. Это продемонстрировано на примере эксперимента китайского ученого Хэ Цзянькуя. Также в статье показано отношение мирового сообщества к вмешательству в геном человека и отсутствие единого мнения у ученых и на сегодняшний день. Это отчасти связано с тем, что до сих пор в международном праве отсутствуют нормы, регулирующие узкие направления биомедицины. Помимо этого, в статье особое внимание уделяется вопросу клонирования. В наши дни это стало модной и популярной опцией медицины, которая, с одной стороны, доказывает, что генетика не стоит на месте, а с другой, вызывает на уровне мирового научного сообщества бесконечные дискуссии на этические, юридические и религиозные темы.

Ключевые слова: биология, медицина, генетика, генетические исследования, вмешательство в геном человека, клонирование, ДНК, генетическая информация, последствия вмешательства в геном.

Abstract: the article analyzes the positive and negative sides of the development of genetic research. The intervention in the human genome raises a lot of questions not only in the scientific space of medical and biological sciences, but also in the fields of jurisprudence, sociology, culturologists, ethics and religion. This is demonstrated by the experiment of Chinese scientist He Jian-kuy. The article also shows the attitude of the world community to the intervention in the human genome and the lack of a common opinion among scientists today. This is partly due to the fact that there are still no rules in international law governing the narrow directions of biomedicine. The article also gives separate attention to the issue of cloning. Nowadays, it has become a fashionable and popular option of medicine that, on the

one hand, proves that genetics is not standing still, but on the other, causes endless debates on ethical, legal and religious issues in the world scientific community.

Keywords: biology, medicine, genetics, genetic research, human genome intervention, cloning, DNA, genetic information, consequences of genome intervention.

Скачок развития биологии, медицины и различных биотехнологий на сегодняшний день поставил перед наукой вопрос о необходимости оценки риска вмешательств в геном, а также других манипуляций с геномом человека. Выйдя за пределы научных лабораторий, технологии редактирования генома человека нашли свое применение в генной терапии и активно помогают лечить ряд тяжелых наследственных заболеваний, различных видов иммунодефицита и формировать устойчивость к некоторым видам вирусов. До недавнего времени роль технологий по редактированию генома человека сводилась лишь к точечному лечению генетических заболеваний и к коррекции отдельных неблагоприятных последствий таких заболеваний [8]. Сейчас новейшие технологии позволяют с высокой точностью определить характер заболевания и проводить редактирование нужного гена на уровне всего организма даже на стадии эмбрионального развития [10].

Несмотря на положительную роль генетических технологий в жизни отдельных людей, есть и темные стороны данного вопроса. Например, врачебные ошибки, практика неудачного вмешательства в геном человека, влекущая за собой самые разные печальные последствия для человека. Всё это тесно связано с правами и свободами человека, поэтому правовая оценка последствий вмешательства в геном человека и установление мер ответственности необходимы современному праву.

В связи с этим вопросы вмешательства в геном человека возникают не только в научном пространстве медико-биологических наук, но и в области юриспруденции, социологии, культурологи, этики и религии.

Известный эксперимент китайского ученого Хэ Цзянькуя, в результате которого родились близнецы Нана и Лулу, устойчивые к вирусу иммунодефицита, был раскритикован председателем 2 Международного

саммита по редактированию генома человека и расценен как крайне безответственный и демонстрирующий крах саморегулирования деятельности ученых [14]. Суть эксперимента состояла в том, что Хэ Цзянькуй произвел редактирование оплодотворенных яйцеклеток человека при помощи новой технологии и имплантировал их в организм женщины. Беременность привела к рождению близнецов, устойчивых к вирусу иммунодефицита. Предварительно ученый провел такой же эксперимент с эмбрионами мышей и обезьян. Успех опыта придал исследователю уверенность, и он принял решение о редактировании генома человеческого эмбриона. Многие представители научного сообщества крайне негативно отнеслись к эксперименту, несмотря на удачный результат. Это было расценено как неоправданный риск человеческой жизнью и здоровьем и, как следствие, приравнено к нарушению прав человека.

Результат эксперимента Хэ Цзянькуя не был признан научным открытием, но он нарушил казавшиеся незыблемыми принципы проведения генетических исследований и практического использования полученных знаний, сформулированные на Конференции по рекомбинантным технологиям в 1975 году [6]. Хэ Цзянькуя пренебрег идеей саморегулирования в области генетического модифицирования человека, тем самым продемонстрировав устаревание принципов геномной инженерии. Этот факт встретил негативные высказывания со стороны большей части научного сообщества, но всё же подтолкнул к поиску других способов сдерживания, в том числе лежащих в плоскости уголовно-правового регулирования [8].

Данный пример демонстрирует нам прочную взаимосвязь генетики, права и этики. Эксперимент принял на себя негативную критику как в правовом, так и в этическом ключе, что говорит нам о необходимости предвидеть не только юридические, но и этические последствия манипуляций с геномом человека. Еще в 1968 году Международной конференцией по правам человека в Тегеране было принято Воззвание, в котором отмечалось: «...хотя последние научные открытия и технические достижения открывают широкие

перспективы для социально-экономического и культурного прогресса, они могут тем не менее поставить под угрозу осуществление прав и свобод человека и потребуют в связи с этим постоянного внимания» [1].

Всё вышесказанное говорит нам о том, что любые манипуляции с геномом человека имеют свои последствия, за которые придется нести ответственность. На сегодняшний день в международном праве нет достаточного количества нормативно-правовых актов, регулирующих узкие направления биомедицины, а также отсутствует хорошо отлаженный механизм применения уже существующих норм права [2]. В связи с этим необходимо четко установить, какие манипуляции являются противоправными и противоречат этическим нормам, какие могут быть допустимыми, и установить меры ответственности за противоправное вмешательство в геном человека.

Отдельного внимания заслуживает такой вопрос, как клонирование. На уровне мирового научного сообщества не прекращаются дискуссии на данную тему, так как клонирование вызывает больше всего этических, юридических и религиозных вопросов.

Мировое сообщество объявило клонирование человека противоречащим человеческому достоинству в соответствии со ст. 11 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, разработанной под эгидой ЮНЕСКО [12]. В разделе «Исследования, касающиеся генома человека» говорится, что практика, противоречащая человеческому достоинству, такая как клонирование человека в целях воспроизводства, не допускается. После тщательной проработки данного вопроса несколько стран сформулировали юридические нормы, касающиеся клонирования человека.

Например, во Франции Национальный консультативный комитет по этике в области наук о здоровье и жизни отказался от клонирования человека, мотивировав это тем, что клонирование человека в целях воспроизводства приведет к фундаментальному перевороту взаимосвязи между генетической

идентичностью и личной идентичностью в его биологических и культурных аспектах [9].

Совет Японии по науке и технике счел клонирование человека бесполезным для практики потому, что медицинские применения с использованием человеческих клеток, полученных путем клонирования, могут привести к размножению людей и нарушению прав человека. Кроме того, японский экспертный комитет пришел к выводу, что бесполое размножение путем клонирования разрушит концепцию семьи в их обществе [9].

Позиция Туниса схожа с мнением японцев. Национальный комитет по медицинской этике Туниса рассмотрел вопрос о клонировании репродуктивного здоровья по просьбе министра здравоохранения и пришел к выводу, что любая технология клонирования человека должна быть запрещена. Комитет посчитал эту практику подрывающей концепцию воспроизводства человека и достоинства людей и открытой дверью ко всем формам злоупотреблений [9].

На сегодняшний день популярна концепция дизайнерских младенцев, которая заключается в том, что родители могут выбирать определенные генетические черты для своих будущих детей. Большинство ученых придерживается позиции, что это течение стало скорее модным, чем полезным. Часто про данное новшество говорят, что скоро это станет такой же рутиной, как выбор цвета обоев. Однако, несмотря на признание данной идеи значительным научным продвижением вперед, возникает немало противоречивых вопросов, в том числе этических.

Одна из основных этических проблем связана с евгеникой, практикой селекционного разведения людей для улучшения генетического качества населения. Есть опасения, что дизайнерские дети могут привести к форме евгеники, при которой одни черты ценятся выше других, что потенциально может усилить социальные предрассудки и дискриминацию.

Генетическое улучшение может усугубить существующее неравенство, создавая разрыв между теми, кто может позволить себе генетические улучшения, и теми, кто не может, что, вероятно, приведет к созданию двухуровневого общества, в котором одни люди имеют доступ к превосходным генетическим признакам, а другие – нет.

Идея создания генетической структуры ребенка бросает вызов понятию индивидуальной автономии и личностной идентичности. Будет ли ребенок, рожденный с определенными генетическими особенностями, испытывать чувство свободы воли по отношению к своей личности или ему придется бороться с бременем того, что он является чьим-то творением?

Генетические модификации, даже с лучшими намерениями, могут иметь непредвиденные последствия. Так, изменение одного гена может оказать непредсказуемое влияние на другие гены или системы организма. Долгосрочные последствия таких модификаций часто неизвестны.

Генетическое разнообразие имеет важное значение для устойчивости вида. Погоня за дизайнерскими младенцами может сократить генетическое разнообразие за счет гомогенизации популяции, что потенциально делает ее более восприимчивой к новым заболеваниям или изменениям окружающей среды.

Этические дилеммы, связанные с дизайнерскими младенцами, подтолкнули к ужесточению правил. Многие страны ввели юридические ограничения на степень генетических модификаций, которые могут быть внесены в человеческие эмбрионы, особенно в контексте редактирования зародышевой линии, когда изменения передаются будущим поколениям.

По мере развития генетических технологий одним из центральных этических соображений в сфере редактирования генома и генетического улучшения становится концепция информированного согласия и критический вопрос безопасности. Обеспечение понимания людьми рисков и преимуществ генетических модификаций имеет основополагающее значение для соблюдения этических стандартов в этой быстро развивающейся области.

Информированное согласие является краеугольным камнем этической медицинской и научной практики. Оно подчеркивает право человека принимать автономные решения относительно своего тела, особенно при участии в медицинских процедурах или экспериментах. Когда дело доходит до редактирования генома и генетического улучшения, получение информированного согласия имеет первостепенное значение.

Генетическая информация очень сложна, и понимание ее значения может быть сложной задачей даже для экспертов. Поэтому крайне важно, чтобы люди, рассматривающие возможность генетических модификаций, получали исчерпывающую информацию о процедуре, ее потенциальных последствиях и неопределенностях, связанных с долгосрочными эффектами.

Генетическое редактирование несет в себе неизбежные риски. Нецелевые эффекты, непреднамеренные генетические изменения и непредвиденные последствия для здоровья могут возникнуть даже в результате самых благих намерений генетических модификаций. Проблемы безопасности подчеркивают необходимость всесторонних исследований и тщательного тестирования, прежде чем какое-либо генетическое вмешательство будет применено к людям.

Этические проблемы усиливаются при рассмотрении редактирования зародышевой линии, которое включает внесение изменений в ДНК эмбрионов или репродуктивных клеток. В отличие от редактирования соматических клеток (изменения клеток живого человека), редактирование зародышевой линии имеет последствия для поколений, поскольку любые внесенные изменения будут переданы будущим поколениям. Это поднимает вопросы о долгосрочной безопасности и непредвиденных последствиях таких модификаций.

Ответственное управление и надзор имеют огромное значение для решения проблем безопасности и обеспечения получения информированного согласия. Регулирующие органы и комитеты по этике играют жизненно важную роль в оценке этических аспектов и безопасности предлагаемых генетических

вмешательств. Они оценивают научную обоснованность, риски и потенциальные выгоды, прежде чем разрешить какое-либо применение на людях.

Каждый человек представляет собой генетическую модель, позволяющую при очевидной несхожести вычленять что-то совпадающее. Изменчивость и постоянство – сфера генетического развития всего живущего на Земле, в том числе и человека. В основе этого генетического процесса, прежде всего, находятся жизнь, здоровье и смерть. Скрепляет эти состояния генетическое достоинство, которое, с одной стороны, еще до рождения человека создает условия его безопасного развития, с другой – даже после смерти человека продолжает охранять его доброе имя. В рамках этих состояний (свойств) закладывается, развивается и видоизменяется генотип человека, многие составляющие которого передаются по наследству. Сочетание проблем генного характера, касающихся важных сфер человека и его организма, обуславливает нравственную актуальность любого фрагмента генетического характера [5].

Справедливо отметить, что проблемы генетических исследований необходимо рассматривать не с точки зрения изучения генетических характеристик человека, а с позиции генетической защиты отдельного человека и всего общества в целом от медицинских, правовых и этических последствий. Генетические исследования стали настолько масштабным явлением, что решение вопросов генетики уже немислимо без правовых и этических норм, которые также взаимосвязаны. Это означает, что за проведением любых манипуляций с геномом человека необходимо установить жесткий и профессиональный контроль со стороны государства.

Наступление неблагоприятных последствий прежде всего связано с риском. Рисковать – означает не исключать вероятность неудачного исхода [7]. В праве обоснованный риск является обстоятельством, исключающим ответственность. Однако для этого необходимо соблюсти ряд условий. Цель должна быть общественно полезной, она не могла быть достигнута другим,

менее рискованным путем, и лицо, допустившее риск, предприняло все меры по обеспечению безопасности охраняемых интересов. В нашем случае речь идет об охране жизни, здоровья и моральных ценностей человека. Риск нельзя признать обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой жизни или здоровью людей.

В практике генетических исследований последствия всегда наступают как для исследователя или врача, так и для пациента. Для врача это в основном юридические и моральные последствия, для пациента они чаще связаны не только с правом, но и с его жизнью и здоровьем.

В связи с тем что в праве существует множество пробелов и отсутствует такое понятие, как «врачебная ошибка», суд при рассмотрении дела всегда оценивает правильность принятия решения врачом или исследователем: был ли оправдан риск на проведение манипуляций с геномом человека, был ли другой способ решения проблемы, требовалось ли дополнительное обследование.

На сегодняшний день ученым уже известно большое количество наследственных заболеваний, но, к сожалению, лишь часть из них умеют успешно лечить. Для ряда наследственных патологий приходится ограничиваться лишь мерами профилактики и диагностики нарушений [3]. Именно это обстоятельство и позволяет нам говорить о таком явлении, как этичность диагностики. Представляется сомнительным, что человек, имея неизлечимое на сегодняшний день заболевание, захочет знать свою судьбу. Согласно статистике, из 150 тысяч лиц, имеющих тяжелые генетические заболевания, от которых пока нет лекарства, только 200 человек согласились пройти процедуру диагностики и узнать ее результаты [3].

Согласно американскому исследователю Л. Уолтерсу, основными этическими проблемами современной медицинской генетики являются такие проблемы, как сохранение медицинской тайны, конфиденциальности генетической информации, добровольность при проведении генетического тестирования индивидов и скринирования популяции, доступность медико-

генетической помощи для различных слоев населения, соотношение потенциального блага и вреда при реализации различных генетических вмешательств [3].

Помимо этого, этика генетических исследований заключается в заботе о будущем поколении. Генетика может нормально развиваться лишь в том социуме, где граждане заботятся не только о своем здоровье и о здоровье живущих рядом близких людей, но и о еще неродившихся детях. Признание этой ответственности заставляет задуматься над проблемой справедливости применительно к распределению общественных ресурсов между поколением уже живущих и тех, кто придет им на смену [3].

Стремительное развитие биотехнологий привело нас к тому, что наибольший интерес в генетике сейчас представляют исследования, связанные с забором генетического материала пациента и вмешательством в геном человека. Это могут быть генеалогический анализ, тестирование и скринирование на предмет выявления генетической патологии. Применение указанных технологий связано с определенными этическими проблемами, главной из которых является сохранение конфиденциальности генетической информации пациента.

Классическим примером утечки в данном случае является диагностика и установление причин какого-либо наследственного заболевания. Ведь для этого иногда необходимо составить родословную, собрав генетические данные родственников человека. Родственники становятся объектом исследования и возникают логичные вопросы: нужно ли спрашивать их согласие, что делать в случае отказа родственников сдать генетический материал, возможна ли в данном случае утечка генетической информации и кто понесет за это ответственность.

Согласно и нормам международного права, и Конституции Российской Федерации [11], проводить какие-либо манипуляции с генами человека без его согласия не допустимо. Однако и помочь пациенту – это долг врача.

Допустим, что родословную удалось построить. Возникают уже другие вопросы. Имеет ли право пациент знать всю информацию, которую опытный генетик может извлечь из изучения родословной, или лишь то, что касается непосредственно его и его потомков? Может ли он взять у врача копию родословной? Имеют ли право его родственники получить эту информацию без его согласия или тем более вопреки его запрету? [3] До сих пор данные вопросы вызывают серьезные споры и расхождения мнений у исследователей и юристов. Универсального решения этих этических проблем пока не найдено.

Самый распространенный случай манипуляций с геномом человека – это редактирование генома эмбриона. Часто родители, узнав о том, что их будущий ребенок родится с каким-либо тяжелым неизлечимым заболеванием, хотят избавить его от страданий путем редактирования определенного гена. Возникает вопрос, какие последствия может повлечь за собой данная манипуляция?

Если говорить об этической стороне вопроса, то последствия весьма благоприятные. Речь идет о сугубо гуманном акте – избавлении человека от неизлечимой болезни, например от онкологического наследственного заболевания, и наличии высокопрофессионального контроля за безопасностью генетических манипуляций [5]. Такое вмешательство в геном ставит перед собой благие цели и имеет высокую степень нравственной природы.

Правовые последствия тесно переплетаются с медицинскими. Всегда есть риск неблагоприятного исхода вмешательства в геном. В случае неудачного исхода (ухудшение состояния или смерть плода) правовые последствия наступают для врача, вплоть до суда. Ввиду отсутствия четкого правового регулирования манипуляций с геномом человека, суд будет оценивать правильность принятия решения врачом, обоснованность риска. Также будет учитываться желание родителей проводить вмешательство и то, насколько им были разъяснены возможные последствия.

Существуют случаи, когда за подобной процедурой обращаются родители с просьбой привить их ребенку какие-либо качества. Однако даже если считать такие манипуляции с геномом полностью безопасными, на наш взгляд, они противоречат нравственным устоям. По мнению ученых, это идет вразрез с философским убеждением: «рожденный ползать летать не может» [8]. Именно это стало основанием для критики описанного в начале статьи эксперимента Хэ Цзянькуя. Причем недовольство из философских побуждений превращалось в призыв к уголовному преследованию и наказанию ученого [8].

В 2017 году в Нидерландах произошел случай, вызвавший широкое обсуждение и осветивший негативные этические и правовые последствия в сфере генетики. Так, спор возник вокруг доктора Яна Карбаата, основавшего в Нидерландах клинику по предоставлению услуг вспомогательной репродуктивной технологии (далее – ВРТ). По прошествии долгого времени после закрытия клиники выяснилось, что женщины вынашивали эмбрионов, зачатых с помощью биоматериала самого доктора без их согласия и уведомления об этом. Доктор мотивировал свой поступок желанием снизить расходы на выплаты донорам биоматериала, а также на его хранение [4].

Очевидно, что к уже умершему Яну Карбаату невозможно применить меры юридической ответственности. Однако данный инцидент наталкивает на мысли о том, какие правовые последствия повлекут за собой подобные действия и какова будет ответственность. Возможно ли в данной ситуации говорить о посмертной юридической ответственности?

Конвенция Овьедо гласит, что всякое медицинское вмешательство, включая вмешательство с исследовательскими целями, должно осуществляться в соответствии с профессиональными требованиями и стандартами, а также оно содержит запрет на извлечение финансовой выгоды [13]. На наш взгляд, такие случаи разрешаются в соответствии с нормами национального права, так как каждое государство по-своему регулирует порядок проведения исследований с участием эмбрионов.

Итак, генетическое достоинство человека можно считать таким же универсальным свойством, как жизнь и здоровье. Наличие наследственных заболеваний выступает важным нравственным воздействием на генетическое достоинство. На сегодняшний день допустимо проводить манипуляции с геномом человека, учитывая при этом все последствия, для лечения таких тяжелых заболеваний, как болезнь Дауна, онкологические заболевания. Однако недопустимым признается использование генетического материала в личных целях, например для выращивания «уродов» для развлечения [5].

Что же касается генетической этики, то корнем всех проблем является традиционное построение отношений, возникающих в ходе генетических исследований, исходя из модели «врач – пациент» [3]. Отсутствие еще на этапе начального развития должного этико-правового регулирования вмешательств в геном человека привело к возникновению следующего вопроса у научного сообщества: применимы ли в полной мере к генетике такие правила, как неприкосновенность частной жизни. Вся информация о наследственных заболеваниях, вредных привычках, психологических особенностях является сведениями, относящимися к частной жизни пациента. С другой стороны, такая информация может быть ценной и полезной для родственников пациента, например в вопросе планирования детей.

Соблюдение конфиденциальности, как и принципа уважения автономии пациента, – важнейшие моральные начала генетики и медицины в целом. Но и долг помочь человеку является столь же обязательным моральным требованием в деятельности медицинского работника. Практически невозможно выработать универсальный подход к разрешению данной моральной дилеммы. Каждый случай требует индивидуального, ситуативного анализа, в ходе которого следует помнить и о том, что все принципы и правила биоэтики бывают применимы не абсолютно, а только после тщательной оценки последствий принятия того или иного решения [3].

Ситуация может несколько упроститься, когда речь идет о двух крайних случаях: если информация касается признаков, не имеющих существенного

клинического значения, или, наоборот, если информация касается вероятности тяжелого психического или соматического заболевания. В первом случае решающее значение будет иметь все же принцип сохранения конфиденциальности информации, и следует воздержаться от передачи данных родственникам. Во втором случае существует явная опасность возникновения тяжелых последствий и инвалидности у родственников пациента. В связи с этим долг врача-генетика будет заключаться в информировании родственников о диагнозе пациента и возможном предотвращении его последствий.

Список литературы

1. Безрукова О.В., Романовская О.В. Правотворческая политика в области биомедицины в Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3
2. Добжанский Ф. Мифы о генетическом предопределении и о *Tabula rasa* // Человек. 2000. № 1
3. Иванюшкин А.Я., Игнатъев В.Н., Коротких Р.В., Силуянова И.В. Введение в биоэтику. Москва. Прогресс-традиция. 1998
4. Казанцева А.С. Юридическая ответственность в сфере применения репродуктивных технологий. Проспект. 2019. С. 513-519
5. Козаченко И.Я. Редактирование генома: нравственные дилеммы в уголовно-правовой огранке // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. No 1 (32). С. 39–45
6. Кулделл Н., Бернштейн Р., Ингрэм К., Харт К. М. На пути к синтетической биологии. М., 2019. С. 91
7. Мохов А.А., Сушкова О.В. Право и современные технологии в медицине. Монография. Проспект. 2019. С. 499-505
8. Сергеев Д.Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя). Российский юридический журнал. 2019 // DOI: 10.34076/2219-6838-2019-5-5-13
9. Соловьев Н.В., Ягупов П.Р. Вопросы редактирования генома человека: наука и этика // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 6.; URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19305>
10. Kenter M. J. H. Is it time to reform oversight of clinical gene therapy in the EU? // *British Journal of Clinical Pharmacology*. 2019. Vol. 85. P. 8-10
11. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями от 03.07.2020 // <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

12. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
13. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine / ETS No. 164, Oviedo, 04.04.1997
14. International Summit on Human Genome Editing: Continuing the Global Discussion Proceedings of a Workshop. P. 2. URL: <https://www.nap.edu/read/25343/chapter/1>

Трибуна молодых ученых

Железняков Пётр Александрович,
студент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: petrmail2003@mail.ru

Peter A. Zheleznyakov,
student of department of social and political ideologies history of
faculty of political science of
the Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
e-mail: petrmail2003@mail.ru

**БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕРЕЗ СИЛУ: УСПЕШНАЯ МИГРАЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ**

**SAFETY THROUGH FORCE: SUCCESSFUL CASE OF MIGRATION
POLICY OF UNITED ARAB EMIRATES**

Аннотация: в представленной статье проведен анализ миграционной политики Объединенных Арабских Эмиратов. Автор рассматривает миграционную политику ОАЭ как пример успешного выстраивания отношений с контингентом трудовых мигрантов в интересах национальной безопасности и безопасности своих граждан. Сравнивая ситуацию в ОАЭ с ситуацией в России, автор приходит к выводу о том, что модель миграционной политики Арабских Эмиратов и ее отдельные инструменты могут быть актуальны для модернизации миграционной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, мигранты, миграционная политика, кафала, ОАЭ.

Abstract: the presented article analyzes the migration policy of the United Arab Emirates. The author considers the migration policy of the UAE as an example of successful building of relations with a contingent of migrant workers in the interests of national security and the safety of its citizens. Comparing the situation in UAE and the Russian Federation, author comes to the conclusion that the model of migration policy of United Arab Emirates and its individual instruments can be relevant for modernization of russian migration policy.

Keywords: migration, migrants, migration policy, Kafala, UAE.

Трудовая миграция – распространенное явление в современном мире. Именно благодаря трудовой миграции развитые страны могут привлекать необходимых специалистов для развития их экономики, а высококлассные трудовые кадры могут получить возможность реализации их потенциала за пределами родного для них государства. Обратной стороной больших

миграционных потоков является то, что зачастую миграция связана с прибытием в страну огромной массы низкоквалифицированных кадров, являющихся носителями чуждой культуры для той страны, в которую они приезжают. Это рождает угрозу для национальной безопасности государства и может нести целый ряд опасных последствий: этнические конфликты, религиозный экстремизм, формирование этнических анклавов, которые не подчиняются государственным законам [8].

Подобную ситуацию можно наблюдать и в России, когда растущая преступность среди представителей миграционного сообщества и отсутствие жесткой миграционной политики создают угрозу общественной безопасности. Дискуссия о необходимости ужесточить условия допуска мигрантов на российский рынок труда становится актуальней в условиях того, что, по данным Минобрнауки, с января по май 2024 года треть мигрантов не смогли сдать экзамен по русскому языку, который является государственным на территории России [4]. Эксперты говорят и о том, что большая часть мигрантов из Средней Азии не знает русский язык даже на достаточном уровне и не знакома с русской культурой и с российской историей [16]. В настоящее время актуализируется дискурс о необходимости реформирования российской миграционной политики и поиска того формата взаимодействия с прибывающими из Средней Азии трудовыми мигрантами, который бы отвечал интересам национальной безопасности Российской Федерации. Так, председатель Государственной Думы Вячеслав Викторович Володин заявлял о формировании целого ряда законопроектов для «наведения порядка» в сфере миграционной политики [5].

В этих условиях предлагаем обратить внимание на модель миграционной политики Объединенных Арабских Эмиратов, которая может быть примером эффективных механизмов взаимодействия с трудовыми мигрантами. Отображением этого факта является то, что столица ОАЭ Абу-Даби при огромном количестве трудовых мигрантов уже несколько лет сохраняет статус самого безопасного города мира [2].

Объединенные Арабские Эмираты как государство появились только в 1971 году за счет слияния в федерацию различных независимых эмиратов. За более чем 50 лет оно бурно развивалось и стало одним из мировых лидеров по экспорту нефти. Помимо так называемых «нефтедолларов» правительство ОАЭ занимается развитием экономики и ее диверсификацией, что позволяет получать средства из совершенно разных сфер: туризм, транспорт, внешнеторговые логистические операции, альтернативная энергетика [11]. Активно развивающаяся экономика Эмиратов нуждается в большом потоке трудовых мигрантов, а также именно экономический рост делает страну привлекательной для огромного числа трудовых мигрантов, которые видят в ОАЭ возможность самореализации и получения достойной заработной платы. Львиную долю трудовой миграции в ОАЭ составляют низкоквалифицированные рабочие из Индии, Бангладеш и Пакистана, которые удовлетворяют потребность в рабочих руках, существующую в Арабских Эмиратах. Именно они и являются той проблемной группой, которая будет рассматриваться в данном исследовании.

Основой системы миграционной политики в ОАЭ является созданная в 1971 году «Спонсорская система Кафала» (далее – кафала), которая позволяет местным компаниям нанимать мигрантов для работы на своих предприятиях. Кафала опирается на привязку вида на жительство конкретного иностранного сотрудника к его работодателю, который распоряжается личными документами работника и принимает решение относительно отправки сотрудника на родину [15]. Таким образом, государство не только передает часть регулирования сферы трудовой миграции самим работодателям, но и повышает степень ответственности работодателя за его рабочими. В рамках кафалы работодатель должен тщательно следить за легальностью пребывания рабочего и его поведением. Более того, из-за кафалы работники не имеют права менять сферу деятельности и работодателя, ответственного за него, что позволяет строго контролировать миграционные потоки. Это радикально отличается от российского подхода к миграционной политике, в рамках

которого существует система трудовых патентов, ограничивающих лишь срок и регион пребывания трудового мигранта, что позволяет мигранту работать в совершенно разных сферах и менять место проживания в рамках региона [13]. Это усложняет контроль за мигрантами внутри государства.

Важным аспектом миграционной политики ОАЭ также является борьба с нелегальной миграцией. В ответ на озабоченность общественности по данным вопросам правительство ОАЭ иногда принимает иммиграционные меры ограничительного характера, такие как введение временного приостановления въезда иностранцев из некоторых стран или лимитирование выдачи новых виз. Так, например, ОАЭ временно прекратили выдачу всех видов въездных виз для работников из Бангладеш в 2012 году, так как много мигрантов из этой страны въезжали в Эмираты по поддельным документам. Это дополняется абсолютным приоритетом трудоустройства гражданина государства, благодаря которому невозможно представить борьбу коренного гражданина и мигранта за рабочее место. Такая жесткость в сфере миграционной политики не несет негативных последствий, так как можно наблюдать экономический рост, низкий уровень преступности среди мигрантов и не прекращающийся поток людей, желающих трудиться в ОАЭ. Так, еще в 2017 году Объединенные Арабские Эмираты признавались государством с наибольшим количеством иммигрантов в мире [12].

Нужно также отметить, что трудовая миграция в ОАЭ в массе своей не ориентирована на предоставление подданства (т.е. гражданства), а направлена на решение конкретных трудовых задач. Получить гражданство зачастую могут те, кто готов инвестировать в экономику ОАЭ или те, кто является действительно высококлассным специалистом (В Арабских Эмиратах живет большое количество IT-специалистов со всего мира). Так, российский миллиардер Павел Дуров в 2021 году получил гражданство ОАЭ, где находится представительство его компании «Telegram» [14]. Также необходимо учесть тот факт, что жесткая миграционная политика и наличие

кафалы не мешают Объединенным Арабским Эмиратам состоять на 88% из мигрантов [10].

В противовес строгости Арабских Эмиратов можно говорить о России как о государстве, отстаивающем принцип открытости в миграционной политике и регулирующем процессы миграции менее строго на основе фундаментального принципа защиты прав человека, а также правового и неустанного соблюдения международных норм. Но в отличие от Арабских Эмиратов именно в России постоянно растет число преступлений среди мигрантов. Так, с января по июль 2023 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 32% выросло количество тяжких преступлений среди мигрантов [3].

В связи с этим многие исследователи предлагают модель кафалы как инструмент, отвечающий существующим проблемам с мигрантами в России. О возможности перенесения части практик миграционной политики Арабских Эмиратов высказались и эксперты Росконгресса в 2023 году. Так, они посчитали, что полностью перенести систему не получится в силу разных социальных, культурных и экономических условий, но целый ряд элементов миграционной политики ОАЭ носит вполне рациональный характер, что делает логичным их применение в России [9]. Данные инструменты могут помочь эффективнее контролировать миграционные потоки внутри страны, а также оградить граждан от мигрантов, которые перешли в категорию «асоциальных элементов», а их дальнейшее пребывание в стране не представляется целесообразным для национальной безопасности. Также о возможности перенесения практик миграционной политики ОАЭ на российские реалии высказывался и руководитель Высшей школы права Югорского государственного университета С.В. Розенко. Он отмечал, что Россия не может полностью перенести опыт взаимодействия ОАЭ с трудовыми мигрантами, но взять отдельные «успешные» элементы представляется вполне возможным, что обосновывается необходимостью регулировать процесс перемещения мигрантов и выдачу им гражданства, что

может быть бомбой «замедленного действия» для России и его национальной безопасности [7]. При этом ученый считает важным фактором невозможности заимствования модели миграционной политики ОАЭ тот факт, что Россия в настоящий момент находится в условиях военного конфликта, так что конфликт между мигрантами и местным населением может стать очагом напряжения, на который смогут давить геополитические соперники России.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что в условиях глобализации и разрастания межгосударственных связей экономическое развитие государств неразрывно связано с использованием труда мигрантов. При этом бесконтрольное использование иностранной рабочей силы в свою очередь может создавать проблемы для той страны, куда прибывают мигранты. Такие проблемные ситуации можно наблюдать по всей территории современной Европы. Так, недавно в Германии во время акции в Гамбурге мигранты-исламисты потребовали установить халифат (т.е. сделать государство исламским) [6]. Позитивным же примером выстраивания миграционной политики являются Объединенные Арабские Эмираты. Основой регулирования миграционных потоков в ОАЭ является «Спонсорская система Кафала», которая позволяет с минимальными затратами для себя контролировать миграционные потоки и отсекал нелегалов. Министерство труда ОАЭ обязывает работодателя в случае привлечения мигранта для работы на своем предприятии оплатить сбор в само министерство, оплатить обязательный медицинский тест, внести банковскую гарантию за работника (на случай разорения, чтобы правительство могло купить мигранту билет домой), оплатить билет работнику от его места пребывания до ОАЭ, а для получения визы работника государство обязывает компанию и мигранта подписать регламентированный трудовой договор [1, с. 244]. Весь этот комплекс мер создает базу не только для бурного экономического роста с использованием труда мигрантов, но и для поддержания национальной безопасности и стабильной обстановки внутри страны. Результаты

исследования позволяют говорить об успешности миграционной политики Объединенных Арабских Эмиратов.

В заключение необходимо сказать о том, что в развитых странах встает вопрос о выборе модели выстраивания взаимоотношений с прибывающим контингентом мигрантов. Зачастую дискуссии о необходимости изменения подхода к миграционной политике ведутся и в нашей стране. На примере опыта миграционной политики ОАЭ, описанного в данной статье, можно сделать предположение о том, что подходящей базой для модернизации миграционной политики могут служить инструменты кафалы.

Список литературы

1. Абдуллаев Э.Э. Контроль за соблюдением законодательства о труде мигрантов в сфере уголовного права в Российской Федерации, Франции и Объединенных арабских Эмиратах // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №5. С.241-245.
2. Абу-Даби снова назвали самым безопасным городом мира [Русские Эмираты] URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/abu-dabi-snova-nazvali-samym-bezopasnym-gorodom-mira-2/> (дата обращения 05.10.2024)
3. Бастрыкин сообщил о росте тяжких преступлений среди мигрантов на 32% [Ведомости] URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/09/25/997061-bastrikin-soobschil-roste-tyazhkih-prestuplenii-sredi-migrantov> (дата обращения 13.10.2024)
4. В Минобрнауки заявили, что треть мигрантов не сдали экзамен по русскому [РБК] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6685967b9a7947398d5b96f8> (дата обращения 23.10.2024)
5. Володин заявил о планах принять пять законов о миграции до конца года [РБК] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66fd0d219a79479692df7d65> (дата обращения 05.10.2024)
6. В Германии потребовали установить халифат [Lenta.ru] URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/29/v-germanii-potrebovali-ustanovit-halifat/> (дата обращения 14.10.2024)
7. Жёсткие меры ОАЭ к мигрантам неприменимы в России: «Эмираты могут себе позволить» [Федерал пресс] URL: <https://fedpress.ru/expert-opinion/3313449> (дата обращения 13.10.2024)
8. Лебедева Е.А. Угрозы национальной безопасности, возникающие в современных миграционных процессах, и механизм административно-правового обеспечения противодействия им // Административное право и процесс. 2024. №4. С. 27–31.

9. Миграционная политика России и ОАЭ. Конкурентные преимущества в борьбе за мигрантов [Росконгресс] URL: <https://roscongress.org/materials/migratsionnaya-politika-rossii-i-oae-konkurentnye-preimushchestva-v-borbe-za-migrantov/> (дата обращения 08.10.2024)
10. Миграция в мире: из каких стран больше всего едут и куда? [RG.RU] URL: <https://rg.ru/2023/08/30/gosti-dorogie.html> (дата обращения 13.10.2024)
11. Объединённые Арабские Эмираты [Мид РФ] URL: <https://mid.ru/ru/detail-materialpage/1102878/#:~:text=%D0%9E%D0%90%D0%AD%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D1%8E%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D1%83,%D0%A1%D0%A8%D0%90> (дата обращения 08.10.2024)
12. ОАЭ признаны страной с наибольшим числом иммигрантов в мире [Русские эмираты] URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/oae-priznany-stranoi-s-naibol-shim-chislom-immigrantov-v-mire/> (дата обращения 08.10.2024)
13. Патентную систему для мигрантов в России могут отменить [Гарант.ру] URL: <https://www.garant.ru/news/1669414/#:~:text=%D0%92%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B5%20%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F%20%D0%BA%20%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9,%D0%BE%D1%82%201%20%D0%B4%D0%BE%2012%20%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%8F%D1%86%D0%B5%D0%B2> (дата обращения 08.10.2024)
14. Павел Дуров получил гражданство ОАЭ [Forbes] URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/463295-pavel-durov-polucil-grazdanstvo-oae> (дата обращения 08.10.2024)
15. Юрков Д.В. Миграционная политика Объединённых Арабских Эмиратов: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии – 2015 – №4 – С. 150-153
16. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций [Российский совет по международным делам] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения 05.10.2024)

Суховерхова Анастасия Игоревна,

студент факультета международных отношений,

Дипломатическая академия МИД России,

e-mail: anastasia.s10@yandex.ru

Anastasia I. Sukhoverkhova,

Student of the Faculty of International Relations,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

e-mail: anastasia.s10@yandex.ru

КОСОВСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ФРГ (1991–1999 ГОДЫ)

THE KOSOVO ISSUE IN THE CONTEXT OF THE STRATEGIC INTERESTS OF GERMANY (1991–1999)

Аннотация: статья посвящена внешней политике объединенной Германии в ходе косовского конфликта. Основной акцент делается на особенностях подхода Г. Коля и Г. Шредера к разрешению конфликта. Исследуются задачи, которые Германия стремилась решить с помощью вовлечения в урегулирование конфликта.

Ключевые слова: ФРГ, СРЮ, Косово, НАТО, США, сепаратизм, бомбардировки, конфликт.

Abstract: the article is devoted to the foreign policy of the united Germany during the Kosovo conflict, the main emphasis is placed on the peculiarities of the approach of G. Kohl and G. Schroeder to the resolution of the conflict. The objectives that Germany sought to achieve by involving itself in the settlement of the conflict are examined.

Keywords: Germany, Yugoslavia, Kosovo, NATO, USA, separatism, bombing, conflict.

После объединения в 1990 году германское правительство под руководством Г. Коля стремилось вернуть лидирующие позиции в Европе, утраченные в ходе двух мировых войн. Добиться поставленной цели христианско-либеральная коалиция стремилась за счет усиления европейской интеграции, сотрудничества с Вашингтоном в рамках присутствия США в Европе и расширения своего присутствия в международных организациях, особенно в ООН [5, с. 331].

Проводя политику по укреплению своих позиций в ЕС, германское руководство отдельное место отводило усилению собственной военной

сферы. Значимую роль в подобном изменении политики сыграли поставленные перед бундесвером задачи НАТО об участии его военного контингента в миротворческих операциях ООН вне зоны ответственности североатлантического альянса. Официально федеральное правительство в качестве аргументов в пользу укрепления военной сферы указывало на возникновение целого ряда конфликтов на континенте и необходимость защиты от внешних угроз. К одной из них ФРГ относила кризис в Югославии. За счет прямого вовлечения в конфликт на Балканах Г. Коль намеревался возродить военную и политическую мощь Германии.

Участие ФРГ в югославском кризисе с самого начала обуславливалось поддержкой только одной стороны конфликта и носило ярко выраженный антисербский характер. Именно министр иностранных дел Г.-Д. Геншер при поддержке Г. Коля добился признания независимости Хорватии и Словении на уровне ЕС, что придало югославскому кризису новый импульс. Действия Германии в отношении Югославии ознаменовали готовность федеративной республики к активизации своей роли, последовательно усиливавшейся в европейском направлении, на мировой арене [6, с. 93]. Косовский вопрос решался в русле общееюгославской политики ФРГ.

Позиция Берлина по косовскому вопросу в 1991–1998 годах

В 1991 году немецкая делегация из бундестага прибыла в Косово для проведения переговоров с косово-албанскими националистическими лидерами. Тогда один из членов парламента СФРЮ предупредил, что британцы и немцы могут создать объединенные силы для интервенции в Косово [17].

Следующим шагом стало подписание в Тиране совместной декларации об основах двусторонних отношений между Германией и Албанией в 1995 году. В качестве одного из ключевых положений можно выделить приверженность сторон к уважению права всех народов свободно и без вмешательства извне определять свою судьбу, формировать политическое и экономическое развитие в соответствии с собственными интересами. С учетом этих

принципов стороны поддерживали все усилия по прекращению конфликтов в бывшей Югославии, включая ситуацию в Косово [13]. Декларация по сути подразумевала решение косовского вопроса путем отстаивания национальным меньшинством, коим являлись албанцы, права на самоопределение, фактически, право на отделение Косово от Югославии.

По итогам обширных консультаций в 1996 году министра иностранных дел ФРГ К. Кинкель с непризнанным со стороны Белграда президентом Косово И. Руговой Берлином было сделано заявление, что полная интеграция Югославии в сообщество европейских государств и доступ к финансовой помощи зависят от политики Белграда, которая должна основываться на уважении прав национальных меньшинств в СРЮ [15, s. 397].

В западной прессе бытует мнение о притеснении албанцев на территории Югославии, однако в одной из записок генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали отмечал, что специальный докладчик Комиссии по правам человека Э. Рэн, побывавшая в Югославии в ноябре 1996 года, не смогла подтвердить информацию о нарушении прав человека в Косово [3, с. 660].

Одним из основных пунктов германской политики по косовскому вопросу была поддержка и финансирование националистических группировок косоваров, стремившихся добиться полной независимости края путем создания альтернативных институтов управления и независимых албанских образовательных систем. Как отмечается в статье проф. Й. Краузе, германская дипломатия оказывала помощь «Освободительной армии Косово» (ОАК) путем обучения и оснащения их группировок с целью укрепления немецкого влияния на Балканах [12].

ФРГ, с одной стороны, делала вид, что поддерживает идею того, что конфликт в Косово является внутренней проблемой СРЮ, с другой, посредством переговоров добивалась автономии края. В этой связи правительство считало, что необходимо сделать ставку в решении проблемы Косово на международные усилия: НАТО и ООН [15, s. 399].

В 1997 году Германия и США добавили косовский вопрос в повестку дня Контактной группы (международная структура под эгидой ООН для разрешения конфликтов на Балканах). По мнению профессора института Лейбница К. Клевинга, подобные действия были вызваны обеспокоенностью немецкой дипломатии по поводу сохранения Контактной группы, в которой ФРГ была представлена на равных основаниях с другими державами [16, s. 82].

В сентябре 1997 года на заседании Контактной группы в Нью-Йорке и в марте 1998 года в Москве были сделаны следующие заявления: разговор о статус-кво больше не может продолжаться, но в то же время Косово остается принадлежать Сербии [15, s. 400].

Целью немецкой политики в Косово было превращение края в международный протекторат путем неограниченной поддержки албанских националистических сил, ослабление Сербии и, в случае проявления Белградом упорства, нанесение авиаударов по Югославии [15, s. 401].

Вопрос о размещении международного контингента в крае был поставлен на повестку дня в ходе лондонской встречи Контактной группы в 1998 году. По итогам встречи С. Милошевичу надлежало остановить применение силы в Косово, вывести сербский спецназ, начать переговоры с албанскими лидерами без предварительных условий, обеспечить возможность работы международных представителей в крае. В случае неисполнения требований в течение 10 дней на Югославию накладывались жесткие санкции [8].

В июньском выпуске The New York Times писала, что ФРГ всё больше склоняется к разработке военного курса для прекращения насилия в Косово [22]. Немецкие газеты выходили с заголовком «Господин Кинкель угрожает вмешательством НАТО в Косово» [17]. Ф. Рюэ стал первым высокопоставленным политиком в Европе, который еще 15 июня 1998 года высказался в пользу удара по Югославии даже без мандата Совета Безопасности ООН [14]. Изначально США официально не высказывали поддержки столь скорому военному вмешательству.

Однако уже осенью 1998 года на заседании НАТО был принят «Предупредительный акт», согласно которому члены альянса были готовы применить силу для прекращения насилия в Косово [19].

16 октября 1998 года в Бонне бундестагом была принята резолюция правительства от 12 октября 1998 года об участии Германии в ограниченных и поэтапных воздушных операциях, запланированных НАТО для предотвращения гуманитарной катастрофы в конфликте в Косово [21]. В операции предполагалось задействовать около 500 солдат, 14 разведывательных самолетов «Торнадо» [11]. Данное заседание стало последним для христианско-либеральной коалиции.

Политика Германии в период эскалации косовского кризиса

В конце октября 1998 года пост федерального канцлера занял Г. Шрёдер. С приходом красно-зеленой коалиции в ФРГ начался процесс балансирования между евроинтеграцией и национальными интересами. Новый канцлер считал необходимым обеспечивать безопасность и стабильность в Европе общими европейско-американскими усилиями через обновление трансатлантического партнерства. Отличительной чертой нового правительства стало то, что впервые в официальных документах ставилась задача «разоружения, в том числе и в области ядерных вооружений» [2, с. 257]. И всё же, как отмечает Н.В. Павлов, несмотря на ожидаемый пацифизм и либерализм от красно-зеленой коалиции, она взяла курс на жесткую и прагматичную внешнюю политику [5, с. 390].

Несмотря на то что первоначально Г. Шрёдер и новый глава МИД Й. Фишер попросили оставить на усмотрение правительства принятую ранее резолюцию бундестага от 16 октября 1998 года [15, с. 408], участие солдат бундесвера в рамках операции НАТО «Орлиный глаз» по воздушному наблюдению территории Косово было одобрено.

По мере обострения боевых действий между сербской полицией и вооруженными силами, с одной стороны, и подразделениями ОАК, с другой, в течение 1998 года ужесточалась западная риторика в отношении сербов. В

немецкой и в целом западной прессе действия сербской армии против ОАК представляли как террор албанского населения. На примере статей в *Der Spiegel* это хорошо прослеживается. Почти в каждой новостной сводке за 1998 год действия сербов трактовались как насильственные [10; 18] и подвергались осуждению.

Спусковым крючком к агрессии НАТО послужили события в Рачаке. Наблюдатель ОБСЕ У. Уокер 16 января 1999 года заявил от имени ОБСЕ, что в Рачаке был зафиксирован факт геноцида албанских мирных жителей со стороны сербской армии. Министр обороны ФРГ Р. Шарпинг отметил, что в ЕС растет число тех, кто уверен в неизбежности военного вмешательства в Косово [20]. Более подробное расследование событий в 2000-х годах, по настоянию российской стороны, показало, что были убиты боевики, которых впоследствии переодели в гражданскую одежду [4]. Однако в начале 1999 года Запад безапелляционно выдвинул обвинения против сербов, пытаясь заставить Белград сесть за стол переговоров. В ответ на события в Рачаке генеральный секретарь НАТО отдал приказ о развертывании военно-воздушных сил альянса без предварительной консультации в Совете НАТО.

Последней попыткой мирного урегулирования стали переговоры в Рамбуйе в рамках Контактной группы. Ход переговоров в основном был продиктован странами Запада, вследствие чего итог представлял выгоду только для албанской стороны [1, с. 44]. Белград отказался подписывать соглашение. Несмотря на одностороннее подписание документа, западные страны впоследствии апеллировали к якобы достигнутым договоренностям [7]. Министр обороны Р. Шарпинг призвал поддержать проект документа «соглашения в Рамбуйе» вооруженным способом и проголосовать в бундестаге за участие германского военного контингента в составе международных миротворческих сил в Косово под руководством НАТО.

24 марта 1999 года страны НАТО без мандата ООН в нарушение международно-правовых норм начали наносить авиаудары по объектам в Югославии. Операция североатлантического альянса получила название

«Союзная сила». ФРГ сослалась на опасную «гуманитарную катастрофу» и отказ Югославии реагировать на попытки международного посредничества [23]. Вечером Герхард Шрёдер обратился к немцам с речью, в которой заявил, что военное вмешательство оказалось единственным выходом, поскольку правительство Югославии применяло против албанцев «террористические действия», разорвав все договоренности [9]. Германия принимала участие в воздушной разведке и борьбе с противовоздушной обороной по мандату от октября 1998 года. Стоит заметить, что вылеты самолетов осуществлялись не с германской территории, а с итальянской авиабазы в Пьяченца.

В первой половине 1999 года ФРГ была председателем ЕС и G8. Воспользовавшись своим положением, 14 апреля Й. Фишер представил мирный план по Косово. «План Фишера» не содержал принципиально новых положений по сравнению с соглашением в Рамбуйе. Единственным нововведением было вовлечение в работу «большой восьмерки», а также председательство ФРГ в группе. План предлагал следующие действия:

- 1) вывод всех сербских военных, полицейских и военизированных формирований из Косово;
- 2) обязательство ОАК прекратить все боевые действия и сдать оружие;
- 3) ввод международных миротворческих сил под руководством НАТО в Косово;
- 4) передача Косово под временную администрацию до тех пор, пока не будет найдено окончательное политическое решение;
- 5) начало действия международных программ помощи по восстановлению Косово [15, s. 412].

В ходе встречи «G8» в Петербурге концепция плана, по существу, была принята. В течение мая был достигнут прогресс в переговорном процессе. Сначала С. Милошевич согласился на вывод собственных войск, затем отказался от сопротивления международному военному и гражданскому присутствию в Косово и, наконец, даже признал ведущую роль НАТО в рамках

создаваемого военного присутствия. Важным пунктом стало обещание Запада, что Косово остается частью Югославии.

«Союзная сила» завершилась 10 июня 1999 года после подписания соглашения в Куманово, согласно которому югославские войска выводились из Косово. В этот же день СБ ООН принял резолюцию, которая предписывала развертывание международных гражданских сил и международных сил безопасности (KFOR), в которых Германия также должна была принять участие. Важным аспектом является то, что в тексте резолюции фиксировался факт, что Косово остается частью СРЮ. Резолюция 1244 на сегодняшний день является последней резолюцией СБ ООН, принятой по Косово.

Заключение

Юго-Восточная Европа исторически входила в зону интересов Германии. В конце XX века с уходом СССР с мировой арены и падением берлинской стены кризисная ситуация в СФРЮ была использована ФРГ в качестве инструмента восстановления утраченного после Второй мировой войны влияния как на Балканах, так и в Европе в целом. Поспешно признав независимость Хорватии и Словении, Германия продолжила проводить политику, направленную на развал Югославии, в частности отделение Косово от СРЮ. Используя кризис на Балканах, ФРГ пыталась вернуть свое доминирование в регионе, основываясь исключительно на собственных интересах и пренебрегая нормами международного права.

Косовская политика ФРГ наглядно иллюстрирует преемственность германской внешней политики после объединения. Начиная с канцлерства Г. Коля федеративная республика взяла курс на восстановление своего политического веса в Европе, пытаясь стать одним из ведущих акторов в регионе. Участвуя в урегулировании конфликта в Косово, ФРГ активно включалась в работу международных организаций, пытаясь таким образом достичь собственных интересов. Наряду с политико-экономическими задачами германское руководство во главу угла поставило и усиление военной мощи. С самого начала косовского конфликта Г. Коль занял выраженную

антисербскую и проалбанскую позицию. Отличительной чертой косовской политики ФРГ стала приверженность жесткому силовому пути разрешения конфликта, который Берлин активно старался продвигать в рамках НАТО. С приходом к власти Г. Шрёдера, на первый взгляд более либеральной фигуры, ФРГ продолжила действовать в русле политики, заложенной Г. Колем, увеличивая силовую компоненту в урегулировании косовского конфликта. Бомбардировки в 1999 году стали переломным моментом в истории международных отношений как акт грубого нарушения международного права. Однако участие в них Германии ознаменовало возвращение республики на мировую арену в качестве одного из ведущих акторов.

Список литературы

1. Анашкина А.Г. Проблема Косово и военная интервенция НАТО на Балканах // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3. С. 43-53.
2. Германия. Вызовы XXI века: монография / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2009. 792 с.
3. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000),— М.: Русское нрпво/Русский Национальный Фонд, 2001, - 714 с.
4. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова для документального фильма, посвященного 25-летию агрессии НАТО против Югославии, Москва, 24 марта 2024 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1940549/ (дата обращения: 20.08.2024).
5. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М.: Московские учебники. 2005. – 606 с.
6. Погорельская С.В. Внутриполитические аспекты новой германской внешней политики // МЭ и МО. – 2001. – № 7. – С. 91-100.
7. Пономарева Е.Г. 15-летие бомбардировок Югославии и значение косовского прецедента для современной геополитики [Электронный ресурс] // МГИМО. 2014. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/251574/> (дата обращения: 29.09.2024).
8. Против Югославии введут санкции. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 1998. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/194171?ysclid=lzzh4edpp833901420> (дата обращения: 19.08.2024).

9. Als Deutschland wieder in den Krieg zog [Electronic resource] // T-online. Nachrichten für Deutschland. 2019. URL: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/id_85460794/nato-bomben-auf-serbien-deutschland-zog-vor-20-jahren-in-den-krieg.html (accessed: 16.05.2024).
10. Angst hinter Mauern [Electronic resource] // Der Spiegel. 1998. URL.: <https://www.spiegel.de/politik/angst-hinter-mauern-a-716d6500-0002-0001-0000-000007838250> (accessed: 19.08.2024),
11. Antrag der Bundesregierung. Deutsche Beteiligung an den von der NATO geplanten begrenzten und in Phasen durchzuführenden Luftoperationen zur Abwendung einer humanitären Katastrophe im Kosovo-Konflikt [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. 1998. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/13/114/1311469.pdf> (accessed: 20.08.2024).
12. Fallgot R. How Germany Backed KLA // The European. 1998.
13. Gemeinsame Erklärung über die Grundlagen der Beziehungen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Albanien [Electronic resource] // Ungarisches Institut München. 1995. URL.: <http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19950228-1.pdf> (accessed: 07.08.2024).
14. Hoffmann G. Wie Deutschland in den Krieg geriet [Electronic resource] // Die Zeit. 1999. URL: https://www.zeit.de/1999/20/199920.krieg_.xml (accessed: 17.05.2024).
15. Krause J. Deutschland und die Kosovo-Krise // J. Reuter, & K. Clewing (Hrsg.). 2000. S. 395-416.
16. Krämer F. Die Politik Deutschlands in der Kosovofrage. Universität Potsdam. – 132 s.
17. Küntzel M. Germany and the Kosovo [Electronic resource]. Text by Matthias Küntzel. 2000. URL: <http://www.matthiaskuentzel.de/contents/germany-and-the-kosovo> (accessed: 07.08.2024).
18. Marsch der Verzweifelten [Electronic resource] // Der Spiegel. 1998. URL.: <https://www.spiegel.de/politik/marsch-der-verzweifelten-a-4e7c0fba-0002-0001-0000-000008448701> (accessed: 19.08.2024).
19. Statement by the Secretary General [Electronic resource] // NATO. 1998. URL: <https://www.nato.int/docu/pr/1998/p980924e.htm> (accessed: 29.09.2024).
20. Täuschen und Vertuschen [Electronic resource] // Der Spiegel. 2001. URL: <https://www.spiegel.de/politik/taeuschen-und-vertuschen-a-05012f16-0002-0001-0000-000018759112> (accessed: 20.08.2024).
21. Vor 25 Jahren: Bundestag stimmt erstmals für Kriegseinsatz der Bundeswehr [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. 2023. URL.: [https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw42-kalenderblatt-kriegseinsatz-970602#:~:text=Seit%20dem%2012.,im%20Kosovo%20\(KFOR\)%20beteiligt.](https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw42-kalenderblatt-kriegseinsatz-970602#:~:text=Seit%20dem%2012.,im%20Kosovo%20(KFOR)%20beteiligt.) (accessed: 06.08.2024).
22. Yeltsin Plans Personal Bid To Defuse Kosovo Crisis [Electronic resource] // The new York Times. 1998. URL: <https://www.ny-times.com/1998/06/10/world/yeltsin-plans-personal-bid-to-defuse-kosovo-crisis.html?ysclid=m03ix3e5v7710879958> (accessed: 21.08.2024).

23. 1999: Beginn des NATO-Einsatzes im Kosovo [Electronic resource] // ВРВ. 2024. URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/hintergrund-aktuell/546700/1999-beginn-des-nato-einsatzes-im-kosovo/> (accessed: 21.08.2024).
24. Надеждин А., Шангараев Р.Н. Опыт Германии по преодолению миграционного кризиса в Европе // Международная жизнь. 2019. № 4. С. 46-55.
25. Яхменев П.А., Шангараев Р.Н. Молодые политологи и экономисты. путь профессионального становления // Научные записки молодых политологов и экономистов. Москва, 2016. С. 4-5.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательна разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении

библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2024. № 4 (30)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор),
Козюлин В.Б. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.),
Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.),
Мартынова Д.О. (к.п.н.), Захаров А.Н. (мл.редактор), Метлицкая Н.И.
(мл.редактор), Гончаров С.В. (мл.редактор)

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала:
Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: С.В. Гончаров

Оформление: Н.И. Метлицкая

Опубликовано: